

Воню

Докторъ Л. Я. Майзельсъ.

А. Г. О.

„Сывороточная“

эпопея.

*Кривченко,
Док. Т. Г.*

Письма, фельетоны, статьи и замѣтки, появившіеся въ текущей печати г. Одессы, обвинительная и защитительная рѣчи на судѣ чести
по дѣлу, касающемуся этого вопроса.

1972

1952 г.

2012

ОДЕССА

Типографія «Спортъ и Наука», Екатерининская улица № 25.
1909.

ИНВЕНТАР

№ 7929

616.9

~~XXXXXXXXXXXXXXXXXXXX~~

Больному „обывателю“, на стражѣ интересовъ котораго я, какъ врачъ, согласно данной мною клятвѣ, обязанъ стоять, посвящаю этотъ посильный трудъ свой.

ПЕРЕОБЛІК

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сывороточная „эпопея“, разыгравшаяся по моей инициативѣ въ Одессѣ въ концѣ 1909 года, имѣетъ, по моему мнѣнію, большой общественный интересъ. Доказательствомъ служить то, что она останавливала на себѣ вниманіе читателя мѣстныхъ газетъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца. Отразилась она во *всей* текущей прессѣ г. Одессы. Между тѣмъ, кто читаетъ одну газету, обыкновенно, не читаетъ другой, и, такимъ образомъ, вопросъ для каждаго читателя освѣщенъ однобоко: только съ точки зрѣнія той газеты, въ которой помѣщались статьи, письма и замѣтки объ этомъ дѣлѣ. Лишь профессиональные журналисты, слѣдившіе за постепеннымъ развитіемъ „эпопеи“, освѣдомлены вполне объ этомъ дѣлѣ, для широкой же публики вопросъ неясенъ. Считая это дѣло, какъ я сказалъ, вопросомъ общественной важности, такъ какъ только, исходя изъ этого, я и поднялъ всю исторію о „сывороткѣ“, я рѣшилъ пополнить этотъ пробѣлъ и, расположивъ въ хронологическомъ порядкѣ всѣ письма, статьи и замѣтки, касающіяся этого дѣла, издать его отдѣльной брошюрой, чтобы заинтересованный читатель могъ, подобно профессиональному журналисту, освѣтить себѣ всесторонне это дѣло.

Все, помѣщенное здѣсь, было уже напечатано въ мѣстной прессѣ. Новымъ являются лишь письма, которыми я обмѣнялся со своимъ, обвиняемымъ мною, „обвинителемъ“ прис. пов. А. М. Гамбургеромъ, и двѣ рѣчи, произнесенныя во время засѣданія третейскаго суда моимъ противникомъ и мною. Къ сожалѣнію, больше официальныхъ документовъ, касающихся этого дѣла, не сохранилось, такъ какъ засѣданія не протоколировались. Эти рѣчи нѣсколько открываютъ завѣсу и освѣщаютъ, сколько возможно, это несчастное дѣло. Въ поискахъ за истиной, я рѣшилъ опубликовать, кромѣ этихъ рѣчей, *все*, появившееся въ мѣстной прессѣ, касающееся „сывороточной“ эпопеи. Кто правъ, кто виноватъ, пусть судить читатель. Я лишь взялъ на себя трудъ компилировать весь матеріалъ.

Да простятъ мнѣ авторы статей и писемъ, что я, добываясь правды, воспользовался ихъ матеріаломъ и опубликовалъ его въ этой брошюрѣ, но вѣдь, публикуя въ періодической прессѣ свои статьи и письма, они сами желали широкой гласности и добивались ея. Прихожу имъ этой брошюрой на помощь и, публикуя въ ней всѣ ихъ статьи, письма, фельетоны и замѣтки, продолжаю ими начатое и думаю этимъ помочь имъ.

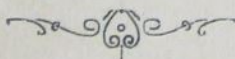
Съ опубликованіемъ разбора моего дѣла я *прежде всего* обратился въ мѣстный медицинскій органъ, но получилъ отвѣтъ редактора его, что медицинскій журналъ, издаваемый въ Одессѣ, этимъ не занимается, посему я *вынужденъ былъ* перенести дѣло на судъ широкой публики, такъ какъ дѣло мое, по моему крайнему разумѣнію, имѣетъ мѣстный интересъ, хотя

случай, въ которомъ и моя больная и я играли страдательную роль, можетъ произойти съ каждымъ врачомъ и съ каждымъ больнымъ, и въ этомъ смыслѣ дѣло мое носить также общественный характеръ.

Идя все время прямо къ цѣли и добиваясь истины, я публикую *все*, въ качествѣ историка-прагматика, забывая, что рѣчь идетъ обо мнѣ. По моему всѣ правы въ этомъ дѣлѣ и каждый имѣетъ право высказаться по данному вопросу такъ, какъ онъ высказался.

Одинъ изъ моихъ противниковъ, д-ръ Цѣновскій, нашелъ во мнѣ „сократовское“ спокойствіе. Этой брошюрой я подтверждаю его открытіе. Не щадя ни себя, ни другихъ, я публикую все, и полагаю, что истина вытекаетъ изъ разныхъ взглядовъ на нее и должна быть освѣщена всесторонне.

Д-ръ Л. Майзельсъ.

Господину Нотаріусу Константинову.

Милостивый Государь г. Нотаріусъ, покорнѣйше прошу Васъ сообщить Присяжному Повѣренному г. Гамбургеру настоящее письмо и отвѣтъ его сообщить мнѣ.

Присяжному Повѣренному г. Гамбургеру.

Милостивый Государь Александръ Марковичъ!

Въ послѣднее время изъ разныхъ источниковъ до меня стали доходить слухи, что Вы *urbi et orbi* стараетесь подорвать довѣріе публики ко мнѣ въ сферѣ, гдѣ я въ качествѣ врача въ теченіе 17 лѣтъ работаю честно и добросовѣстно и тѣмъ приносите мнѣ и матеріальный вредъ и моральныя страданія.

Высказываемыя обвиненія, хотя и произносимыя за глаза, произносятся Вами публично въ присутствіи людей, часто не знающихъ ни Васъ, ни меня и выслушивающихъ лишь одну сторону—обвинителя.

Такіе поступки я считаю недостойными носимаго Вами высокаго званія Присяжнаго Повѣреннаго и полагаю, что Вы не откажетесь повторить свои обвиненія предъ третейскимъ судомъ, который разсудитъ насъ и, вѣроятно, удовлетворитъ и Васъ и меня.

Путь, избираемый мною, я считаю наиболѣе подходящимъ для выясненія возникшаго между нами недоразумѣнія на почвѣ подачи врачебной помощи Вашей заболѣвшей женѣ.

Я вѣрю, что Вы обвиняете меня *bona fide*, но, въ чемъ состоятъ Ваши обвиненія, я не знаю, и мнѣ приходится ихъ выслушивать изъ третьихъ устъ быть можетъ преувеличенными, быть можетъ извращенными.

Я съ открытомъ забраломъ готовъ выслушать Ваши обвиненія предъ нелицепріятнымъ третейскимъ судомъ и дать на нихъ отвѣтъ.

Въ тоже время, полагаю, что и Вы не откажетесь дать отвѣтъ по поводу избраннаго Вами пути—нападенія на мое доброе имя изъ-за угла, не давая возможности мнѣ—обвиняе-

тому—защищаться. Для меня, какъ и для Васъ профессиональная честь дорога и каждый изъ насъ долженъ ее отстаивать всѣми существующими у насъ законными средствами.

Посему предлагаю Вамъ судъ третейскій, судъ чести, который удовлетворить, надѣюсь, какъ Васъ, такъ и меня.

Съ своей стороны предлагаю въ качествѣ судьи профессора Кирилла Михайловича Сапѣжко и покорнѣйше прошу Васъ въ теченіе 3-хъ дней указать своего судью.—Рѣшенію суда я обѣщаю безусловно подчиниться.

Надѣюсь, что съ момента полученія сего Вы до рѣшенія суда прекратите свои филиппики.

Примите увѣренія въ совершенномъ почтеніи

Докторъ Л. Я. МАЙЗЕЛЬСЪ

г. Одесса 1909 г. Сентября 18 дня.

Присяжный Повѣренный

Александръ Марковичъ (*Заказ. съ обратн. роспиской*).

Гамбургеръ.

Одесса, Пушкинская, 5.

Доктору Л. Я. Майзельсу

Милостивый Государь,

На Ваше нотаріальное заявленіе спѣшу отвѣтить: Вы причинили намъ много, очень много зла, которое даетъ себя чувствовать и понынѣ и Богъ вѣсть, когда забудется. Поэтому было бы съ Вашей стороны естественно, касаясь столь наболѣвшаго вопроса, и домогаясь въ своихъ интересахъ выясненія его,—быть сдержаннымъ и не усугублять этого зла еще оскорбительнымъ обращеніемъ въ родѣ приписыванія мнѣ нападенія изъ-за угла.

Вотъ почему, не возражая противъ предложеннаго Вами третейскаго суда, я соглашусь на него только, получивъ отъ Васъ подтвержденіе, хотя бы въ видѣ частнаго, и не-премѣнно вѣжливаго письма и тогда, по возвращеніи въ городъ, и послѣ того, какъ жена поправится на столько, что въ состояніи будетъ явиться лично на этотъ судъ (недѣли черезъ двѣ), я займусь учрежденіемъ послѣдняго.

Съ почтеніемъ А. ГАМБУРГЕРЪ.

1909 года 19 сентября.

Докторъ
Левъ Яковлевичъ Майзельсъ,
Преображенская 37,
уголъ Ямской гдѣ аптека, (Заказ. съ обратн. ростиской).
Гурскаго. Телефонъ 2397.

Присяжному Повѣренному
Александру Марковичу Гамбургеру.

Милостивый Государь,

Я получилъ Ваше почтенное письмо отъ 19 с. м. и согласно выраженному Вами въ немъ требованію, подтверждаю свое отъ 18-го с. м. посланное Вамъ чрезъ нотаріуса г. Константинова.

Что касается Вашей просьбы, отложить предложенный мною Вамъ третейскій судъ на двѣ недѣли, я ничего противъ этого возразить не имѣю при высказанномъ мною въ первомъ письмѣ непремѣнномъ условіи, что съ момента полученія Вами моего перваго письма до окончанія суда чести, Вы больше посягать на мою профессиональную честь не станете.

Обидѣвшее Васъ выраженіе мое, характеризовавшее Ваши противъ меня дѣйствія, къ сожалѣнію, вполнѣ выражаетъ мою мысль, такъ какъ Вы въ теченіе продолжительнаго времени нападали на мое доброе имя и задѣвали мою профессиональную честь въ трамваѣ, на конкѣ, въ судѣ, въ банкѣ и въ кругу своихъ знакомыхъ, т. е. всюду, гдѣ Вамъ возможно было выразить свое противъ меня накопившееся озлобленіе, причемъ, если мы, случайно, сталкивались на конкѣ, Вы молчали въ моемъ присутствіи и присваивали себѣ роль и прокурора и судьи, лишь только я сходилъ съ конки, громко выражая свое негодованіе въ полной увѣренности, что я немедленно буду объ этомъ освѣдомленъ.—Такия дѣйствія я иначе, какъ „нападеніями изъ-за угла“ называть не могу. Тѣмъ болѣе, что именно эти факты и заставили меня предложить Вамъ судъ чести.

Вы говорите о злѣ, причиненномъ Вамъ мною; но это зло явилось слѣдствіемъ рокового стеченія обстоятельствъ, что я надѣюсь доказать Вамъ на судѣ чести; между тѣмъ какъ зло, причиняемое Вами мнѣ, являясь, по моему мнѣнію, съ моей стороны, совершенно незаслуженнымъ, въ то же

время есть выраженіе Вашей воли, ибо никто рѣшительно не заставлялъ Васъ дѣлать противъ меня выпады, вредить мнѣ матеріально и заставлятъ меня страдать морально.

Резюмирую наши условія,

1) Вы чрезъ 15 дней со дня отправленія Вами Вашего письма отъ—19-го с. м., т. е. не позже 4-го октября с. г., укажете мнѣ письменно при помощи заказнаго письма, избраннаго Вами судью который, совмѣстно съ согласившимся быть судьей съ моей стороны, профессоромъ К. М. Сапѣжко, приступить къ избранію предсѣдателя суда и къ фактическому разбору нашего дѣла, которое, я увѣренъ, окончится къ обоюдному нашему удовлетворенію.

2) До окончанія настоящаго дѣла и вынесенія резолюціи Вы больше посягать на мою профессиональную честь ни въ общественныхъ мѣстахъ, ни въ интимномъ кругу Вашихъ знакомыхъ, не станете.

По полученіи отъ Васъ подтвержденія принятія обоихъ условій, которое я надѣюсь получить въ теченіе 3-хъ дней со дня врученія Вамъ сего письма, я передамъ настоящее дѣло моему судѣ, къ которому избранный Вами судья и соблаговолитъ обратиться для совмѣстнаго выясненія истины.

Примите увѣренія въ совершенномъ почтеніи

Докторъ Л. Я. МАЙЗЕЛЬСЪ.

Письмо осталось безъ отвѣта.

Благодѣтели человѣчества.

I.

Въ прошлой своей статьѣ я коснулся въ общихъ чертахъ нѣкоторыхъ вопросовъ изъ практики одесскихъ врачей. Мнѣ пришлось привести нѣсколько фактовъ, характеризующихъ трогательное единеніе нѣкоторыхъ врачей съ аптекарями...

На этотъ разъ не могу умолчать уже о другомъ родѣ явленій, заслуживающемъ еще большаго вниманія со стороны общества и еще болѣе строгаго отношенія къ врачамъ. Когда дѣло касается кармановъ, то злоупотребленія во врачебной дѣятельности не идутъ дальше обыкновеннаго мошенничества; но бывають случаи, когда отношеніе врача къ своему дѣлу мало даже назвать преступнымъ...

Мнѣ извѣстенъ такой случай:

Въ началѣ августа заболѣла дизентеріей одна дама.

Лѣчившій ее врачъ вспомнилъ про модное средство—лѣчить вспрыскиваніями сывороткой—и рѣшилъ пригласить къ больной своего коллегу-спеціалиста. Спеціалистъ явился.

— Можно вамъ сдѣлать вспрыскиваніе новымъ средствомъ? —спросилъ онъ у больной, когда у послѣдней какъ разъ было 39,4 гр. температуры,—Вы говорите: «гмъ»? Отлично, вы согласны. Моя сыворотка, вы знаете,—прекрасная вещь. Вы переболѣете нѣсколько дней, вамъ будетъ немного больно, но за то на будущее время вы будете совершенно спокойны... Вы говорите: «Кхи?» Отлично. Я приступаю къ вспрыскиванію.

И, не спрашивая о согласіи на совершеніе вспрыскиванія новымъ средствомъ у родныхъ, которые при своихъ 37 гр. могли дать, вѣроятно, нѣсколько иной отвѣтъ, чѣмъ растерявшаяся больная при 39,4 гр., — приглашенный спеціалистъ произвелъ вспрыскиваніе.

Послѣ этого визита великій спеціалистъ забралъ свои стклянки, инструменты и удалился. Конечно, можно было подумать, что онъ, послѣ своего опыта, даже съ чисто научной цѣлью, заинтересуется дѣйствіемъ новаго средства и черезъ нѣкоторое время навѣститъ больную. Можно было также подумать, что и не только съ научной цѣлью, но, какъ нравственно порядочный человѣкъ, упомянутый врачъ дастъ указанія на способъ леченія и въ дальнѣйшемъ...

Но все это можно было только думать; на дѣлѣ же оказалось, что великій спеціалистъ не счелъ даже нужнымъ явиться къ больной хоть разъ послѣ прививки. Слишкомъ ужъ увѣренъ онъ былъ въ себѣ и въ новомъ средствѣ!...

Прошло уже почти два мѣсяца. Тѣ «нѣсколько» дней, которые по указанію врача должна была проболѣть больная, давно, кажется прошли... А, между тѣмъ, больная продолжаетъ лежать въ кровати и изнемогаетъ отъ сильныхъ ломотъ во всѣхъ суставахъ; тѣло ея во многихъ мѣстахъ покрылось опухолями. Нѣтъ сомнѣнія, что всему этому причиной удивительное новое средство для вспрыскиванія.

Когда, наконецъ, нашего чуткаго врача вызвали почти насильно къ больной и родные послѣдней стали разспрашивать его о причинахъ столь чудодѣйственнаго вліянія его средства на человѣческой организмъ,—врачъ авторитетно заявилъ:

— Не волнуйтесь господа! Это бываетъ очень рѣдко: на 1000 случаевъ всего одинъ разъ.

И, конечно, всѣ успокоидись. И какъ, въ самомъ дѣлѣ, не успокоиться, если такой случай отравленія сывороткой произошелъ на 1000 больныхъ только одинъ разъ въ данномъ случаѣ?

Однако, не излишне было-бы узнать мнѣніе другихъ врачей о томъ, какъ смотрѣть на всю приведенную исторію?

Во-первыхъ: сообразно-ли съ врачебной этикой испрашивать согласія на совершеніе вспрыскиванія у самихъ больныхъ?

Во-вторыхъ, можно-ли производить впрыскиванія, не изслѣдовавъ предварительно общаго состоянія организма и не ознакомившись даже съ анализомъ урины?

Въ третьихъ, кто поручится въ томъ, что примѣненная антидизентерійная сыворотка была безусловно свѣжа?

Въ-четвертыхъ, какого приготовленія была указанная сыворотка? Какъ извѣстно, изготовляютъ послѣднюю и заграничныя фирмы Merk'a, Höchst'a, и въ Петербургѣ, въ институтѣ экспериментальной медицины и, наконецъ, у насъ въ Одессѣ.

Наконецъ, не лучше ли всего было бы, чтобы врачи, производящіе прививки, документально и своей подписью удостовѣряли фактъ впрыскиванія, чтобы быть отвѣтственными какъ за свѣжесть, такъ и за фирму, изготовляющую данное средство?

Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ фактъ возмутительнаго, небрежнаго отношенія врача къ своему дѣлу, причемъ отвѣтственности при существующемъ порядкѣ вещей этотъ врачъ не несетъ никакой.

Едва ли кто нибудь согласится, что все это терпимо и можетъ внушить населенію довѣріе какъ къ врачамъ, такъ и къ новымъ средствамъ!

КАЛІЙ.

«Одесскій Листокъ» № 218, 24 Сентября 1909 г.

БЛАГОДѢТЕЛИ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.

II.

Напечатанная мною въ четвергъ статья о врачахъ, помогающихъ обывателямъ болѣть при помощи модныхъ въ настоящее время сыворотокъ, произвела, не смотря на всю свою сдержанность и осторожность, неожиданное дѣйствіе.

Уже съ утра въ редакцію стали навѣдываться доктора. Видь у нихъ былъ встревоженный и испуганный, точно имъ самимъ кто то впрыснулъ тѣ дозы сыворотокъ одесскаго изготовленія, которыми они любезно угощали до сихъ поръ своихъ пациентовъ.

— Я знаю!—говорилъ редактору, явившійся первымъ, врачъ, —это все написано про меня, неправда-ли? О, я хорошо узнаю инсинуаціи на меня! Это я дѣлалъ впрыскиваніе антидизентерійной сывороткой! Это у меня больная до сихъ поръ не можетъ поправиться! Я знаю! Однако, мое честное имя, господинъ редакторъ, и моя репутація, господинъ редакторъ, заставляютъ меня требовать отъ васъ опроверженія, такъ какъ въ противномъ случаѣ, господинъ редакторъ...

Насилу его успокоили.

Другой врачъ оказался иного темперамента. Онъ былъ скорѣе грустно настроенъ. Вызвавъ меня въ пріемную, онъ невнятно отрекомендовался и попросилъ выслушать его до конца.

— Я виноватъ,—заявилъ онъ, глубоко вздохнувъ.—Бѣдная

женщина! Я ей впустилъ въ тѣло по ошибкѣ вмѣсто антидизентерной сыворотки соляной кислоты...

— Позвольте... Но я...

— Знаю, знаю...— улыбнулся горько докторъ. — Вы, какъ видно, щадили меня и не сказали прямо, какъ было дѣло. Для того, чтобы не всѣ увидѣли въ вашей статьѣ мой портретъ, вы даже приписали моей больной вмѣсто дифтерита — дизентерію! Неправда-ли? Благодарю васъ за это! Вы пощадили меня... Но увы! Всѣ мои панціенты увѣрены все-таки, что это именно я!... Всѣ увѣрены!

— Даю вамъ слово, докторъ, — сталъ оправдываться я,— что я вовсе не думалъ обвинять васъ въ...

— И нельзя обвинять. Совершенно согласенъ съ вами. Вѣдь, подумайте, всѣ мы можемъ быть разсѣянными и небрежными. Ну что-жъ, въ самомъ дѣлѣ, изъ того, что одинъ человѣкъ, наконецъ, умеръ? Вѣдь въ Одессѣ такая масса панціентовъ, долженъ я вамъ сказать...

— Вы меня не поняли, докторъ. Я имѣлъ въ виду вовсе не васъ! Не васъ, поймите вы!

Тогда докторъ выпрямился. Взоръ его повеселѣлъ.

— Не меня? Гмъ!... А вы разслышали мою фамилію?—спросилъ онъ, вставая и поглядывая искоса на дверь.

— Нѣтъ... Я знаю того доктора въ лицо...

Врачъ быстро схватилъ свою шляпу и неожиданно шмыгнулъ на лѣстницу. — Только его и видѣли. Впопыхахъ онъ даже забылъ на редакціонномъ столѣ брошюрку подъ заглавіемъ: «Билибердинъ. Новое средство противъ ожиренія, худобы, малокровія, ипереміи, ревматизма, чесотки, лишаевъ, грыжи, прыщей и угрей. Изобрѣтеніе профессора доктора Кукиша»

Навѣдался днемъ въ редакцію и одинъ изъ обывателей, у котораго больна дизентеріей жена и котораго врачъ убѣждаетъ дать рѣшеніе на вспрыскиваніе сывороткой. Видъ у него былъ встревоженный и боязливый.

— Что мнѣ дѣлать?—въ отчаяніи говорилъ онъ; научите меня: разрѣшить или не разрѣшить?

Я попалъ въ затруднительное положеніе. Какъ тутъ быть? Совѣтовать? А если впусять по ошибкѣ ціанистскаго кали? Не совѣтовать? А если чего, не дай Богъ, плохой конецъ,—то вѣдь обвинять будутъ редакцію... да и развѣ мы компетентны?

Получаю письмо. На бланкѣ печатная фамилія:

«Докторъ Левъ Яковлевичъ Майзельсъ».

Г. Майзельсъ прочелъ статью о врачахъ и спѣшно пишетъ слѣдующее объясненіе на имя редактора:

«М. г., г. редакторы! Не откажите въ любезности помѣстить въ ближайшемъ номерѣ уважаемой вашей газеты мое ни-жеслѣдующее письмо:

Фактъ вспръскиванія сыворотки больной, правда, не дизентерійной, а антидифтеритной съ тяжелыми осложненіями, о которыхъ трактуеть г. Калій въ своемъ фельетонѣ «Благодѣтели челоувѣчества», имѣлъ, къ несчастью, мѣсто въ моей врачебной практикѣ на Большомъ Фонтанѣ у больной г-жи Гамбургеръ, жены мѣстнаго присяжнаго повѣреннаго...

Къ счастью, факты, описанные г. Калиемъ, освѣщены были ему односторонне и сплетены изъ истины и фантазіи настолько тѣсно, что только близко знающіе суть дѣла могутъ отдѣлить плевелы отъ пшеницы.

Послѣ продолжительныхъ нападеній на мое доброе имя и задѣванія моей профессиональной чести мужемъ моей больной я, заручившись согласіемъ профессора К. М. Сапѣжко быть судьей съ моей стороны и профессора Вальтера быть свѣдующимъ лицомъ (экспертомъ), 18-го сентября для выясненія истины и указанія непристойности дѣйствій моего противника, обратился къ нему съ предложеніемъ суда чести, который долженъ выяснитъ истину.

При этомъ съ цѣлью не увеличивать долъше кривотолки, уже достаточно возбужденные въ теченіе почти 3 мѣсяцевъ г. Гамбургеромъ, я поставилъ условіемъ прекратить дальнѣйшій походъ противъ меня съ момента полученія моего предложенія впредь до окончанія третейскаго суда, который долженъ разобраться въ этомъ дѣлѣ и опубликовать за счетъ виновнаго всѣ подробности дѣла. На третейской судъ г. Гамбургеръ въ своемъ отвѣтѣ отъ 19 сего мѣсяца въ принципѣ согласился, прося лишь отсрочки на 2 недѣли до переѣзда съ дачи въ городъ, съ цѣлью дать возможность самой пострадавшей фигурировать на судѣ. На отсрочку я согласился, подтвердивъ еще разъ условіе—прекратить свои дальнѣйшія на меня нападенія во избѣжаніе ошибокъ съ его стороны и кривыхъ толковъ въ обществѣ. Согласишись 19 с. м. въ принципѣ на третейской судъ, г. Гамбургеръ тѣмъ самымъ принялъ мое условіе. Между тѣмъ, появившійся 24 с. м. фельетонъ г. Калія—«Благодѣтели челоувѣчества» *несомненно передаетъ* факты, указывающіе, что авторъ почерпнулъ свѣдѣнія, къ счастью, гиперболированные, извращенные и прямо невѣрные, изъ источника очень близкаго къ моей пострадавшей больной.

Не вдаваясь въ подробности дѣла, которое подлежитъ разбору суда, я вынужденъ довести до свѣдѣнія публики, въ виду отсрочки суда на двѣ недѣли, что никакой сыворотки своего изобрѣтенія я больной моей не вспръскивалъ, такъ какъ до сихъ поръ, къ моему огорченію, таковой не имѣлъ возможности открыть, ибо не дѣлалъ попытокъ ее открывать. Я практической врачъ, работающій 17 лѣтъ, работаю все время, прилагая пріобрѣтенные и пріобрѣтаемые знанія изъ чужихъ источниковъ. *Вспрыснулъ я антидифтеритную сыворотку приготовленія мѣстной бактериологической станціи съ согласія больной, ея мужа*

и ея матери, состояніе которыхъ было, правда, возбужденное, но t⁰ была, несомнѣнно, не больше 37. гр.

О моемъ «возмутительномъ, небрежномъ отношеніи къ своему дѣлу» до выясненія истины судить рано и называть его «преступнымъ», само собою разумѣется, преждевременно, доказательствомъ чего служитъ то, что «преступнику» принадлежитъ инициатива требованія третейскаго суда, могущаго наиболѣе разносторонне освѣтить это несчастное дѣло, послужившее предметомъ не только кривотолковъ, но введенію въ заблужденіе уважаемаго вашего сотрудника г. Калия.

Примите и пр.

Докторъ Левъ Яковлевичъ МАЙЗЕЛЬСЪ».

Одесса, 1909 г. Сент. 24 дня.

Таковы свѣдѣнія, сообщенныя намъ д-мъ Майзельсомъ. Изъ письма видно, что сыворotka, употребленная имъ, приготовлена на одесской бактериологической станціи, которая, очевидно, съ уходомъ Діатроптова стала на удивительную высоту своей задачи; видно, наконецъ, что г. Майзельсъ считаетъ все происшествіе прискорбнымъ случаемъ, имѣвшимъ, «къ несчастью», мѣсто въ его врачебной практикѣ...

Все это очень хорошо, или вѣрнѣе, очень плохо. Но дѣло, собственно, не въ этомъ. Дѣло въ томъ, что г. Майзельсъ совершенно напрасно для себя поспѣшилъ направить въ редакцію свое письмо:

Вѣдь я имѣлъ въ виду вовсе *не его*.

Больная, упоминаемая мною, вовсе не г-жа Гамбургеръ, а болѣзнь ея вовсе не дифтеритъ, а дизентерія. Такимъ образомъ, выступленіе г. Майзельса очень интересно и даже немного курьезно. Однако, я съ своей стороны очень благодаренъ почтенному врачу за его откровенность и за то, что онъ помогъ мнѣ въ моемъ трудномъ дѣлѣ—характеристикѣ одесскихъ врачей.

Я, конечно, могъ-бы сказать въ данномъ случаѣ, что «на ворѣ шапка горитъ», если-бы хотѣлъ посмѣяться надъ моимъ неожиданнымъ врагомъ... Могъ-бы замѣтить, что не у меня сильно развита фантазія, какъ объ этомъ повѣствуетъ почтенный врачъ, а у него самого, если онъ увидѣлъ въ дезинтеріи — дифтеритъ; но зачѣмъ обижать человѣка, когда онъ самъ неосторожно отдался въ руки печати?

Богъ съ нимъ!

Очевидно, если покопаться хорошенько въ одесской врачебной дѣятельности, то много интереснаго и неожиданнаго можетъ всплыть на поверхность! Можно представить себѣ, что дѣлается, на примѣръ, въ нашихъ частныхъ лечебницахъ и въ особенности въ больницахъ, гдѣ съ обывателями съ малымъ достаткомъ или иногда совершенно неимущими можно уже совершенно не стѣсняться! И въ самомъ дѣлѣ: если въ приведенномъ мною въ прошлой статьѣ случаѣ

небрежное отношеніе врача имѣло мѣсто съ пациентомъ даже большого достатка, если самъ себя выдавшій г. Майзельсъ пишетъ о неудачномъ случаѣ съ женой присяжнаго гвѣреннаго— то можно себѣ вообразить, какъ относятся къ прививкамъ въ нашихъ больницахъ, гдѣ больные изъ низшихъ классовъ одесскаго населенія довольны, часто, уже однимъ тѣмъ, что ихъ взяли въ больницу!

Тотъ докторъ, котораго я именно имѣлъ въ виду, молчать. Пока я не хочу называть его имени, такъ какъ это сейчасъ не важно. Но, какъ я слышалъ, послѣ послѣдняго случая, онъ уже сдѣлался значительно осторожнѣе, испрашиваетъ на совершеніе прививокъ разрѣшенія у родныхъ больныхъ, совѣтуется съ послѣдними о мѣрахъ, предварительно ознакамливается съ анализомъ урины, показываетъ стеклянки съ этикетками... Задній умъ у него, очевидно, все-таки развитъ...

Но отъ этого той больной, которую онъ уложилъ въ постель на нѣсколько мѣсяцевъ непрерывныхъ страданій,—не легче. Она не можетъ двинуть ни рукой, ни ногой; сама она не можетъ повернуться въ постели и ее переворачиваютъ на простынь...

Приглашенный къ ней профессоръ нашель форменное отравленіе организма сывороткой. Чуть-ли не со слезами на глазахъ въ концѣ визита онъ сказалъ мужу:

— Моей маленькой дочери наши врачи тоже сдѣлали вспрыскиваніе антидифтеритной сывороткой. Бѣдняжка!.. Царствіе ей небесное!..

Господинъ врачъ, котораго я имѣю въ виду, не послѣдуете ли вы, какъ порядочный человѣкъ, примѣру своего коллеги Майзельса и не согласитесь-ли на третейскій судъ? На судѣ можно будетъ все выяснить: и какого приготвленія была ваша сыворотка, и въ какой дозѣ вы произвели вспрыскиваніе и у кого изъ родныхъ, наконецъ, вы получили на свой экспериментъ разрѣшеніе?..

Подумайте объ этомъ!

КАЛІЙ.

«Одесскій Листокъ», № 221, 27 сент. 1909 г.

Дневникъ журналиста.

Сказаніе о томъ, какъ Калій поймалъ доктора Лейбу Янкелева Майзельса на удочку.

Фельетонистъ «Листка» растабарывалъ себѣ на тему о томъ, что вотъ, дескать, какіе, въ сущности, невѣжды наши доктора и какъ они храбро обращаются со всякими тамъ вспрыскиваніями и т. д. и т. д.

Вспрыснулъ и... готово. Ступай загодя въ похоронную контору.

Однимъ словомъ, воистину, какъ сказалъ поэтъ Фругъ о докторахъ Тырмосѣ и Сапѣжко—«господни меченосцы».

Ну и писалъ себѣ Калий и писалъ. Писалъ больше потому, что другой темы подъ рукой не было.

И вдругъ... на тебѣ! Письмо отъ Лейбы Янкелева Майзельса: «это не я, ей-ей, не я, а если и я, то совсѣмъ дѣло не такъ было — не дезинтерія была, а дифтеритъ!» И подписано: Левъ Яковлевичъ Майзельсъ.

Ахъ, чортъ побери, какъ ловко вышло! На ворѣ шапка горить!

Только не вѣрится мнѣ, чтобы Калий одно такое письмо получилъ...

Навѣрно у дона Базиліо ихъ нѣсколько десятковъ и онъ ихъ Калию не показываетъ.

Но почему Левъ, а не Лейба, Яковлевичъ, а не Янкелевичъ?

ПЕССИМИСТЪ.

«Русская Рѣчь», вторникъ 29 сент. 1909 г. № 1136.

Письмо въ редакцію.

М. Г. г. редакторы! Я привыкъ всю жизнь относиться съ уваженіемъ къ печати и поэтому не считаю, чтобы ужъ было такъ страшно, какъ выразился г. Калий въ своемъ воскресномъ фельетонѣ, отдаться самому неосторожно въ руки печати.

Когда я принесъ въ редакцію уважаемой вашей газеты свое письмо, я дѣйствительно былъ глубоко убѣжденъ, что въ четверговомъ фельетонѣ г. Калия рѣчь шла о моей несчастной больной, пострадавшей отъ сдѣланнаго мною ей впрыскиванія антидифтеритной жидкости, но когда г. редакторъ прочелъ мое письмо и удивленный сказалъ мнѣ, что рѣчь идетъ о его потерпѣвшей женѣ, которая уже два мѣсяца не встаетъ съ постели, я понялъ, что рѣчь идетъ объ общественномъ злѣ, тѣмъ болѣе грозномъ, что оно замалчивается, скрывается и утаивается. Послѣ разъясненія, даннаго мнѣ г. редакторомъ, я ни одного слова не измѣнилъ въ своемъ письмѣ, а передалъ его въ полное распоряженіе редакціи, понимая, что умъ, склонный къ насмѣшливости, скажетъ прочитавъ мое письмо—«на ворѣ шапка горить». Но я не боюсь этого: я не воръ и шапка на мнѣ не горитъ, я врачъ, который сдѣлалъ все, что ему велѣла совѣсть, и въ результатѣ получившій несчастье.

Въ томъ, что въ описываемомъ г. Калиемъ случаѣ я заподозрилъ измѣненный, гиперболизированный и извращенный случай, происшедшій съ моей больной, смѣшного мало: здѣсь больше трагизма, чѣмъ комизма и трагизма, имѣющаго громадное общественное значеніе. Мы врачи-практики, впрыскивая подъ кожу больному сыворотку, не гарантированы въ послѣднее время отъ тяжелыхъ осложнений и грозныхъ послѣдствій этого впрыскиванія, между тѣмъ, оградить своихъ больныхъ отъ этихъ по-

слѣдствій и себя отъ тяжелыхъ для насъ нареканій со стороны пострадавшихъ, рѣшительно ничѣмъ не можемъ. Мнѣ въ теченіе этого мѣсяца пришлось сдѣлать три прививки антидифтеритной жидкости: г-жѣ Гамбургеръ, ребенку г. Лефи и ребенку г. Тернани. Въ первыхъ двухъ случаяхъ я вспрыснулъ сыворотку мѣстнаго производства—бактеріологической станціи, въ третьемъ—жидкость Пастеровскаго института въ Парижѣ. У г-жи Гамбургеръ вспрыскиванье дало несчастье, у другихъ двухъ все сошло благополучно. Въ первомъ случаѣ меня три мѣсяца ругаютъ на всѣхъ перекресткахъ, въ остальныхъ двухъ восторженно благодарятъ. Между тѣмъ и ругательства, и восторги должны быть отнесены за счетъ той станціи, откуда жидкость получена. Мы привыкли относиться стоически къ этому, «хвалу и клевету при-емля равнодушно», но въ послѣднее время «клевета» становится чаще и я рѣшилъ въ случаѣ съ мужемъ моей больной, г. Гамбургеромъ, выяснитъ при помощи суда чести, что «клевета» занесена по ошибкѣ на чужой дебетъ.

Кромѣ несчастнаго случая съ г-жей Гамбургеръ, въ нынѣшнее лѣто мнѣ пришлось наблюдать тяжелыя послѣдствія отъ вспрыскиванія антидифтеритной жидкости, сдѣланнаго фельдшерцей въ семьѣ Могильныхъ, гдѣ была сдѣлана противузаразная прививка заболѣвшему ребенку и предохранительная нѣсколькимъ здоровымъ дѣтямъ, которыхъ фельдшерца не могла изолировать отъ заболѣвшаго. Фактъ этотъ извѣстенъ и врачу для бѣдныхъ на Большомъ Фонтанѣ, къ которому родители пострадавшихъ дѣтей пришли жаловаться на его помощницу, когда онъ вернулся изъ отпуска. Между тѣмъ, въ чемъ виновата фельдшерца?

Истина медицинская, къ несчастью, проходитъ чрезъ груды труповъ и если четверговый фельетонъ г. Калія послужитъ къ раскрытію этой истины, честь и слава ея раскрытія будетъ принадлежать всецѣло ему, но для этого онъ не долженъ запугивать насъ своей насмѣшкой. Я убѣжденъ, что каждый изъ практикующихъ въ Одессѣ врачей въ послѣднее время имѣлъ несчастье получить печальныя послѣдствія отъ вспрыскиванія неизвѣстной ему сыворотки. Для выясненія истины необходимо широко раскрыть столбцы уважаемой вашей газеты для сообщеній подобныхъ моему и, быть можетъ, съ помощью гласности намъ удастся внести яркій свѣтъ въ это темное дѣло и спасти не одну жизнь.

Примите и пр.

Д-ръ Левъ Яковлевичъ МАЙЗЕЛЬСЪ.

«Одесскій Листокъ», № 222, вторникъ 29 сент. 1909 г.

ЗАГОВОРИЛЪ.

Вотъ и докторъ В. Стефанскій откликнулся.

Своимъ письмомъ, направленнымъ въ «Одесскія Новости», этотъ почтенный врачъ старается доказать, что то лицо, которое я имѣлъ въ виду въ своихъ статьяхъ,—никто иной какъ онъ.

— Произвелъ отравленіе сывороткой?—спрашиваетъ г. Стефанскій, — о, это я!... Далъ несвѣжую сыворотку?.. И это я! Не спросилъ разрѣшенія на впрыскиваніе у окружающихъ? Это именно я! Да и небрежное отношеніе къ дальнѣйшей судьбѣ больной... развѣ это не я?

Словомъ—д-ръ Стефанскій такъ горячо и такъ убѣдительно доказываетъ въ своемъ письмѣ, что мои нападки были направлены именно противъ него, что мнѣ, невѣждѣ въ медицинѣ прямо неловко становится разубѣждать ученаго спеціалиста.

Ну, что-жъ дѣлать! Разъ онъ такъ настаиваетъ на своемъ, а я, по его словамъ, круглый неучъ въ дѣлѣ серотерапіи, то пусть онъ правъ: пусть это именно онъ.

При подобномъ допущеніи посмотримъ, какъ оправдывается г. Стефанскій отъ тѣхъ обвиненій, которыя онъ чувствуетъ направленными противъ него. Вотъ его послѣдній, произведшій въ европейской наукѣ цѣлый переворотъ, научно-литературный трудъ:

«М. Г., г. редакторъ! Не откажите напечатать въ вашей газетѣ слѣд. разъясненіе по поводу направленныхъ противъ меня замѣтокъ и фельетоновъ г. Калия, помѣщенныхъ въ №№ 218, 220 и 221 «Одесскаго Листка».

Около двухъ мѣсяцевъ т. н. я былъ приглашенъ д-ромъ Рубинштейномъ на консультацію къ г-жѣ Навроцкой, женѣ редактора «Одесскаго Листка», страдавшей 4 или 5 дней дизентеріей. Въ виду полной безуспѣшности обычнаго лекарственнаго леченія, послѣ изслѣдованія больной было рѣшено *ex consilimo*, примѣнить сыворотку, послѣ чего мною было впрыснуто 2 флакона (40 куб. сант.) германской сыворотки фабрики Höchst. Между прочимъ, сыворотка той же фабрики и той-же серіи была примѣнена мною въ одномъ случаѣ за нѣсколько недѣль до консультаціи съ д-ромъ Рубинштейномъ; послѣ леченія у больного никакихъ сывороточныхъ явленій не наблюдалось. Конечно, у г-жи Навроцкой, находившейся въ полномъ сознаніи, при температурѣ 38,2 было испрошено согласіе на впрыскиваніе, причемъ я предупредилъ, что впослѣдствіи могутъ развиваться сывороточныя явленія, которыя спустя нѣсколько дней исчезнутъ безслѣдно. Послѣ консультаціи г-жи Навроцкой я болѣе не навѣщалъ, такъ какъ не получилъ приглашенія ни отъ больной, ни отъ д-ра Рубинштейна, ни отъ окружавшихъ больную лицъ. Спустя нѣсколько дней, г-жа Навроцкая выздоровѣла отъ дизентеріи, но у нея развились сывороточныя явленія въ такой тяжелой формѣ, которая встрѣчается очень рѣдко. Какъ извѣстно, такія-же явле-

нія можуть наблюдаться и послѣ примѣненія антидифтеритной сыворотки.

Въ этотъ періодъ болѣзни я наблюдалъ больную совмѣстно съ другими врачами три раза, являясь каждый разъ на приглашеніе г. Навроцкаго.

Не буду касаться въ общей печати экскурсій фельетониста г. Калія въ область серотерапіи, такъ какъ уровень его медицинскихъ знаній по достоинству будетъ оцѣненъ всѣми врачами.

Долженъ только прибавить, что въ виду сообщенія г. Каліемъ извращенныхъ фактовъ, порочащихъ мое доброе имя и бросающихъ тѣнь на мою врачебную дѣятельность, я привлекъ редактора г. Навроцкаго къ судебной отвѣтственности за клевету въ печати и веденіе дѣла передалъ прис. повѣр. А. А. Богомольцу.

Примите и пр.

Д-ръ В. К. СТЕФАНСКІЙ»

Письмо я привелъ цѣликомъ. И теперь мнѣ нельзя не сознаться передъ публикой, что всѣ мои предшествующія статьи, въ которыхъ я совершалъ «экскурсіи въ область серотерапіи», кажутся мнѣ смѣшными и жалкими по своему научному достоинству. Вѣдь можно-же, въ самомъ дѣлѣ, иногда благодаря невѣжеству попасть въ такое глупое положеніе, въ какое попалъ я: я говорилъ, что докторъ, произведшій вспрыскиваніе, произвелъ сильное отравленіе организма и заставилъ больную лежать въ страшныхъ мученіяхъ съ 4 августа по 30 сентября въ постели безъ улучшенія состоянія здоровья;—между тѣмъ, оказывается, какъ ясно указываетъ д-ръ Стефанскій, что это все ни что иное, какъ сывороточныя явленія въ той «формѣ, которая встрѣчается очень рѣдко». Развѣ теперь не ясно, какъ Божій день, что дѣло принимаетъ совершенно новое освѣщеніе? Если-бы я зналъ раньше, что лежать въ постели неподвижно два мѣсяца, не имѣть возможности двинуть ни рукой, ни ногой, ни перевернуться съ боку на бокъ отъ сильныхъ болей, — если-бы я зналъ, что это все не страданія и не вопіющее безобразіе врачебной практики, а—просто-на-просто одни только сывороточныя явленія, то развѣ я рѣшился-бы писать что-нибудь о данномъ случаѣ? Боже, меня сохрани! Теперь я отлично понимаю, что былъ введенъ въ заблужденіе самой больной, когда видѣлъ ее блѣдную и изможденную; чего она, въ самомъ дѣлѣ стонетъ? Не чувствуетъ развѣ она, что у нея вовсе не ломота въ суставахъ, а просто-на-просто сывороточныя явленія?

Невѣжество паціентовъ—вотъ причина того, что они часто кричатъ отъ боли, когда наши доктора не успѣваютъ ихъ залѣчить, какъ слѣдуетъ, до состоянія полного успокоенія. Знай они про существованіе явленій, въ родѣ сывороточныхъ, ничего-бы подобного не было! И д-ръ Стефанскій поэтому правъ.

И такъ, одинъ вопросъ нами выясненъ: нѣтъ никакикъ страданій, за которыя отвѣчаетъ врачъ, а есть только сывороточныя явленія. Просто и понятно.

Идемъ далѣе. Г. Стефанскій во второй половинѣ своего письма замѣчаетъ, что онъ онъ спросилъ о согласіи больной на прививку не тогда, когда у нея было больше 39°, а тогда, когда у нея было 38°,2.

Вотъ это существенно!

Будь у больной 38°,3, — врачъ поколебался-бы. Но 38°,2 —это ничего; при этой температурѣ больная была въ полномъ сознаніи, какъ сообщаетъ г. Стефанскій, и ее можно было уговорить.

Но кто говоритъ о потерѣ сознанія? Можно и при 38°,2 согласиться подъ уговоромъ врача на что угодно. Вѣдь не говорю-же я, напримѣръ, что г. Стефанскому нельзя отвѣчать на его письмо, такъ какъ, по всей вѣроятности, у него при писаніи послѣдняго температура была больше 39°. А, между тѣмъ, г. Стефанскій считается съ какими-то десятиными долями градуса, когда дѣло идетъ о неуравновѣшенности душевнаго состоянія всякаго больного человѣка, желающаго выздоровѣть.

Да и, кстати... 38°,2, какъ мнѣ, неучу, извѣстно, не считается нормальной температурой, такъ какъ изъ университетскаго курса физиологіи помню, что Вундерлихъ и Юргенсонъ у человѣка при самыхъ тщательныхъ поискахъ не нашли мѣста выше 37°,8; обыкновенно-же кривая суточного колебанія по Рише не поднимается выше 37°,4 въ среднемъ...

Можетъ быть, д-ръ Стефанскій въ данномъ случаѣ смѣшиваетъ людей съ кроликами, которыхъ онъ спокойно рѣжетъ на бактериологической станціи, и у которыхъ нормальная температура дѣйствительно около 39°,5?

Третій пунктъ письма направленъ лично противъ меня, моихъ «экскурсій» въ область серотерапіи и «уровня моихъ медицинскихъ познаній, который по достоинству будетъ оцѣненъ всѣми врачами».

Этотъ пунктъ несуществененъ. Я дѣйствительно по образованію не медикъ и не врачъ, такъ какъ никого еще въ жизни не отправилъ на тотъ свѣтъ и не отравлялъ ничьего организма никакими препаратами. Въ этомъ смыслѣ я не только не докторъ медицины, но профанъ, и лѣчить со своими познаніями никого не берусь ни сывороткой, ни старыми средствами, такъ не желаю никому изъ своихъ близкихъ зла.

Но вотъ послѣдняго пункта письма г. Стефанскаго я не понимаю: что это за «извращенные факты, сообщенные Калиемъ, и порочащіе доброе имя» г. Стефанскаго?

Что за привлеченіе къ суду г. Навроцкаго за клевету въ печати?

Г. Стефанскій! Прослѣдите за кривой вашей температуры, а затѣмъ обращайтесь къ суду. Можетъ быть, вы просто погоря-

чились? Вѣдь, во-первыхъ, Васъ никто по имени не называлъ, а назвали въ письмѣ Вы сами себя, за что и должны сами себя привлечь къ суду и веденіе дѣла передать прис. пов. Богомольцу.

Затѣмъ: въ чемъ составъ клеветы? Вѣдь большую Вамъ всегда можно показать: благодаря вашему леченію, она еще достаточно времени будетъ лежать въ кровати, чтобы явиться невольнымъ свидѣтелемъ въ защиту Вашего добраго имени.

А что Вы не согласились на третейскій судъ, если признали себя въ описанномъ мною врачѣ,—то это мало понятно: въ этомъ способѣ выясненія истины есть то преимущество передъ кореннымъ судомъ, что здѣсь меньше формальностей и быстрѣе достигается желательный результатъ для обѣихъ сторонъ. Такъ сдѣлалъ, напримѣръ, не менѣе васъ себя уважающій д-ръ Майзельсъ. Почему-же вы не измѣрили своей температуры, когда обращались къ г. Богомольцу.

Впрочемъ... Это все, конечно, Ваше личное дѣло.

КАЛІЙ.

«Одесскій Листокъ» № 224. Четвергъ 1-го октября 1909 г .

Докторъ

Левъ Яковлевичъ Майзельсъ,

Преображенская 37,

уголъ Ямской, гдѣ аптека

Гурскаго. Телефонъ 2397.

(Заказн. съ обратн. росп.)

Милостивый государь

Александръ Марковичъ!

Настоящимъ имѣю честь напомнить Вамъ, что 4-го с. м. наступаетъ крайній срокъ, когда Вы, согласно письму Вашему отъ 19-го, сентября должны указать мнѣ Вашего судью, который вмѣстѣ съ моимъ судьей — проф. Сапѣжко разберется въ интересующемъ насъ дѣлѣ.

Напоминая Вамъ о срокѣ, покорнѣйше прошу Васъ его не пропустить, и пребываю съ совершеннымъ почтеніемъ

Докторъ Левъ Яковлевичъ МАЙЗЕЛЬСЪ.

Одесса, 1909 г., Октября 2 дня.

Письмо осталось безъ отвѣта. Вызванный мною 4-го утромъ по телефону, г. Гамбургеръ сообщилъ мнѣ, что судьей имъ избранъ присяжный повѣренный г. Богацкій, о чемъ онъ сообщилъ профессору Сапѣжко.

Письмо въ редакцію.

М. г., г. редакторъ! Не откажите въ любезности помѣстить въ уважаемой вашей газетѣ слѣдующее мое письмо:

Несчастный случай съ моей женою, которой г. Майзельсъ при леченіи отъ обыкновенной ангины сдѣлалъ антидифтеритное вспрыскиваніе, я согласился передать на разсмотрѣніе третейскаго суда и спокойно ждалъ-бы его рѣшенія, если-бы не вызывающій и неумѣстный въ такомъ случаѣ тонъ появившихся въ вашей уважаемой газетѣ двухъ писемъ г. Майзельса. Я потому вынужденъ пока сказать нѣсколько словъ: подобаесть-ли врачу, отъ дѣйствій котораго послѣдовало несчастье,—безразлично по его винѣ или нѣтъ—подобаетъ-ли ему иронизировать на счетъ этой больной и ея близкихъ, насмѣшливо ссылаясь на нормальную ихъ температуру при выраженіи согласія на прививку и прилично-ли этому врачу уличать еще меня въ клеветѣ. Не касаясь вопроса о качествахъ сыворотки, взятой изъ аптеки на Большомъ-Фонтанѣ, о самомъ выполненіи этого вспрыскиванія—я здѣсь желалъ-бы лишь упомянуть о томъ, что разрѣшеніе на вспрыскиваніе было дано послѣ того, какъ врачъ Майзельсъ въ продолжительныхъ переговорахъ о послѣдствіяхъ прививокъ, послѣ указаній на то, что жена вообще человекъ больной и еще не совсѣмъ оправилась отъ нервной болѣзни послѣ лѣченія за-границею *твердо и безъ колебаній* заявилъ намъ, что вспрыскиваніе—средство совершенно *индифферентное*, никогда, ни въ его 17-лѣтней практикѣ, а ему приходилось сдѣлать до 400 вспрыскиваній, ни въ медицинской литературѣ—не было случая вреда отъ сыворотки или вообще какихъ либо неприятныхъ послѣдствій отъ нея. «Ручаюсь вамъ, сказалъ г. Майзельсъ, что никакихъ послѣдствій не можетъ быть и не будетъ».

Я опускаю всѣ подробности, о нихъ будетъ рѣчь впереди, я хотѣлъ-бы только оглашеніемъ пока этихъ фактовъ дать возможность публикѣ правильно оцѣнить оба письма г. Майзельса, теперь заговорившаго о возможныхъ несчастныхъ случаяхъ отъ вспрыскиванія, объ истинѣ, о яркомъ ея освѣщеніи и другихъ высокихъ матеріяхъ.

Примите и пр.

Прис. повѣр. АЛ. ГАМБУРГЕРЪ

«Одесскій Листокъ» суббота, 3-го октября, 1909 г. № 225.

Письмо въ редакцію.

М. г., г. редакторы! Въ виду того, что 4-го сего мѣсяца наступаетъ двухнедѣльный срокъ, на который я согласился ждать г. Гамбургеру, срокъ, послѣ котораго онъ долженъ указать избраннаго имъ судью, я отъ возраженій на письмо его отъ 3-го с. м. воздерживаюсь. Отвѣтомъ будетъ служить разборъ дѣла и рѣшеніе суда чести, которые, я надѣюсь, Вы не откажете разрѣшить напечатать въ Вашей уважаемой газетѣ. Дѣло мое съ г. Гамбургеромъ—не столько наши личныя недоразумѣнія—сколько

общественное, довольно грозное зло, на которое предстоящій судъ, я убѣжденъ, прольетъ самый широкій свѣтъ.

Примите и пр.

Д-ръ Левъ Яковлевичъ МАЙЗЕЛЬСЪ.

«Одесскій Листокъ» воскресенье, 4-го октября, 1909 г. № 226.

Рѣчь, произнесенная прис. пов. А. М. Гамбургеромъ въ засѣданіи третейскаго суда, у него на квартирѣ, 6-го октября 1909 г.

Составъ суда: Предсѣдатель—проф. И. В. СЛЕШИНСКІЙ.

Судьи:—Проф. К. М. САПѢЖКО и прис. пов. Ф. Д. БОГАЦКІЙ.

20-го іюля я пригласилъ къ себѣ на дачу къ больной женѣ, живущаго на Большомъ Фонтанѣ доктора Майзельса. Этотъ докторъ вообще мнѣ былъ мало знакомъ и только лѣтомъ на дачѣ я за много лѣтъ приглашалъ его къ себѣ 1—2 раза. У жены оказалась ангина; на слѣдующій день картина заболѣванія оказалась особенно яркой — съ обѣихъ сторонъ гортани и на задней стѣнкѣ ея ясно были видны разсыпанные во множествѣ чистые, желтые налеты, температура выше 39°, но самочувствіе вполне хорошее. Докторъ заявилъ, что появленіе налетовъ на задней стѣнкѣ его смущаетъ, что это «ползучая ангина», и даже наводитъ на предположеніе о дифтеритѣ, и потому онъ совѣтуетъ сейчасъ же сдѣлать впрыскиваніе антидифтеритной сыворотки. Я пробовалъ было разсѣять его опасенія указаніемъ на то, что очень недавно у моего сына на тѣхъ же мѣстахъ и совершенно въ такомъ же видѣ была ангина и прошла благополучно, что, какъ я слышалъ, обыкновенно, дифтеритъ знаменуется не высокой температурой и вялостью и подавленностью больного; я особенно обратилъ вниманіе Майзельса на то, что жена много лѣтъ прроболѣла сильной неврастеніей, долго и упорно лечилась и только теперь, вернувшись изъ заграницы, нѣсколько оправилась и потому съ нею нужно быть особенно осторожнымъ; я много разъ и настойчиво спрашивалъ его о послѣдствіяхъ прививки, я предложилъ ему предварительно отправить пленку для изслѣдованія и на все это я получилъ совершенно ясный и опредѣленный отвѣтъ: „Я не утверждаю, что здѣсь дифтеритъ; высокую температуру я объясняю осложненіемъ инфлуенцою и такъ какъ прививка—средство без-

условно индифферентное, никогда и ни въ какихъ случаяхъ не влекущее за собою даже малѣйшихъ непріятностей, что ни въ моей 17 лѣтней практикѣ, а мнѣ приходилось дѣлать до 400 прививокъ, ни въ медицинской литературѣ не было случая вредныхъ послѣдствій отъ прививокъ, то мы такимъ образомъ ничѣмъ не рискуемъ:—окажется дифтеритъ—прививка благодѣтельна, не окажется—вреда никакого не будетъ“.

Все это было сказано тономъ полной, твердой увѣренности, безъ тѣни сомнѣнія и колебаній и на насъ такъ повлияло, что мы согласились и г. Майзельсъ сейчасъ же самъ поѣхалъ по близости въ аптеку на Большомъ Фонтанѣ и привезъ сыворотку и шприць. Тутъ опять стало насъ мучить сомнѣніе и г. Майзельсъ вновь сталъ насъ увѣрять въ совершенной безопасности и даже выразился такъ: „Ручаюсь Вамъ, что ничего не можетъ быть и не будетъ“, а когда мы выразили сомнѣніе въ доброкачественности сыворотки — онъ замѣтилъ, что вѣдь сыворотку готовить не аптека, а бактериологическая станція и что сыворотка хранится въ погребѣ, что недавно была ревизія этой аптеки и все найдено въ порядкѣ, что, какъ видно изъ отмѣтки на флаконѣ, сывороткѣ всего два мѣсяца. Затѣмъ начался разговоръ о шприць — онъ показался мнѣ нечистымъ, — г. Майзельсъ раза два—три втянулъ въ него кипяченую воду и замѣтилъ, что теперь и съ этой стороны нѣтъ опасности. Правда, такая дезинфекція мнѣ показалась недостаточной, такъ какъ весь видъ этого шприца изъ черной гуттаперчи не внушалъ къ себѣ довѣрія, но неловко было высказать свои подозрѣнія и я не препятствовалъ доктору приступить къ впрыскиванію. Шприць оказался малъ, онъ вмѣстилъ лишь часть всего количества сыворотки и къ тому-же былъ неисправенъ и половина жидкости, къ счастью, пролилась при вспрыскиваніи наружу. Пришлось оставить иглу въ тѣлѣ, вывинтить самый шприць, дополнить его сывороткой и затѣмъ опять соединить съ иглою. Черезъ дня два жена покинула постель, ангина прошла, но она стала жаловаться на боли въ ногахъ, а на третій, — четвертый день приглашенъ былъ опять г. Майзельсъ и появившіяся на ногахъ красныя пятна объяснилъ тѣмъ, что послѣ вспрыскиванія является иногда сыпь совершенно безболѣзненная и не будь жена такой нервной,

она-бы ее даже не замѣтила и лучшимъ признакомъ, такъ сказать, невиннаго характера этихъ пятенъ служить нормальная температура. Послѣ этихъ словъ мы тутъ-же при немъ поставили термометръ и когда оказалось 37,7 онъ самъ растерялся, сейчасъ же уложилъ жену въ постель. На другое утро положеніе больной ухудшилось, температура была выше 39, страшныя боли въ ногахъ; ноги сильно опухли; разлитыя красныя и синія пятна. Пригласили доктора Кефера главнымъ образомъ, чтобы узнать нѣтъ-ли зараженія крови; въ этомъ отношеніи онъ насъ успокоилъ и замѣтилъ, что иногда впрыскиванія сыворотки сопровождаются такими явлениями, какъ у жены. Послѣ того я пригласилъ на консилиумъ съ г. Майзельсомъ д-ра Пурица, — было предписано извѣстное леченіе, насъ увѣряли, что зараженія нѣтъ, но болѣзни прямо не называли; вообще у насъ получилось впечатлѣніе чего-то неопредѣленнаго. Здѣсь я не забуду въ высшей степени характернаго эпизода: провозая врачей послѣ консилиума я съ г. Майзельсомъ отдѣлился отъ доктора Пурица и мы шли все время, говоря о болѣзни: я напомнилъ доктору Майзельсу его увѣренія въ индифферентности сыворотки и настаивалъ на откровенномъ и честномъ выраженіи его мнѣнія о характерѣ болѣзни, такъ какъ меня все не оставляла мысль о зараженіи. Онъ категорически заявилъ, что эту мысль нужно оставить. „Скажите докторъ — спросилъ я, если это не зараженіе, если сыворотка не можетъ, по Вашимъ словамъ, вызвать такихъ явленій, то что же это, скажите откровенно ясно-ли для Васъ болѣзнь. Знаете-ли Вы отъ чего Вы лѣчите“? На это получился отвѣтъ: „Нѣтъ не знаю, во всякомъ случаѣ тутъ опаснаго быть не можетъ“. Послѣ такого признанія я послалъ ему деньги и визиты прекратились. Жену лѣчилъ докторъ Линтваревъ, ежедневно ее навѣщавшій и на консультаціи приглашали доктора Пурица и иногда доктора Сапожникова и одинъ разъ —привать доцента Ускова.

Въ теченіи шести недѣль больная не покидала постели все время перенося ужасныя боли въ ногахъ, температура долго не спускалась съ 39 и только мало-по-малу возвращалась къ ней способность владѣть ногами и даже теперь спустя 4 мѣсяца ноги еще опухшія, съ отеками, есть еще боли и она не свободно ходитъ. Еще одна характерная подробность: пе-

редъ впрыскиваніемъ мы настояли на томъ, чтобы съ налета снята была пленка для изслѣдованія. Самъ Майзельсъ отстругалъ двѣ щепки, навернулъ на нихъ вату и, снявъ пленки, положилъ все въ стеклянную банку и предложилъ намъ отправить ее въ аптеку Гаевского. Все это было исполнено, но оказалось, что докторъ даже не зналъ, что аптека бактериологическихъ изслѣдованій не производитъ, а передаетъ на бактериологическую станцію. Последняя только черезъ два дня намъ сообщила, что дифтеритныхъ палочекъ не оказалось, но вся проба такъ грязна, что картина получилась не ясная вслѣдствіе цѣлой массы другихъ бактерій. Что касается самой сыворотки, то я могу только сказать, что она была темно-коричневаго цвѣта, между тѣмъ какъ взятая мною на всякій случай уже послѣ впрыскиванія сыворотка изъ аптеки Гаевского была совершенно свѣтлая.

Вѣрно: А. ГАМБУРГЕРЪ.

Рѣчь, прочитанная д-ромъ Л. Я. Майзельсомъ въ засѣданіи третейскаго суда по дѣлу Майзельса и Гамбургера 8-го октября 1909 г. на квартирѣ проф. Сапѣжко.

(Составъ суда тотъ-же, что и в-го, но присутствуютъ приглашенные по требованію г. ГАМБУРГЕРА въ качествѣ свѣдущихъ лицъ эксперты прив. доцентъ по бактериологіи д-ръ мед. Я. Ю. БАРДАХЪ и проф. по дѣтск. бол. В. Ф. ЯКУБОВИЧЪ).

Господа судьи!

Мнѣ приходится за многое благодарить своего опытнаго противника—адвоката — г. Гамбургера; между прочимъ и за то, что онъ указалъ мнѣ способъ, какъ вести себя въ процессѣ, чтобы произнесенная рѣчь оставила слѣдъ въ немъ, но онъ—*vir juris civilis* — ему и книги въ руки. Слѣдуя его примѣру, я вынужденъ передать Вамъ настоящій документъ, въ которомъ я собралъ на память все то, что я высказалъ передъ Вами во время перваго засѣданія. Я не подготавливался къ нему и у моего судьи кромѣ просьбы быть моимъ судьей на рукахъ ничего не было, между тѣмъ въ карманѣ у судьи моего противника — г. Богацкаго находилась рѣчь г. Гамбургера отпечатанная на пишущей машинѣ, которая

была прочитана въ концѣ засѣданія и которая текстуально содержала обвиненія, предъявленныя г. Гамбургеромъ противъ меня, хотя онъ заявлялъ, что меня онъ ни въ чемъ не обвиняетъ. Пополняя этотъ пробѣлъ въ нашемъ процессѣ, я прошу Васъ, ознакомившись съ настоящей бумагой, приобщить ее къ дѣлу, такъ какъ она содержитъ изложенное на память содержаніе моей рѣчи, произнесенной въ этомъ засѣданіи.

20-го іюня сего года, въ субботу, я имѣлъ несчастье быть приглашеннымъ г. Гамбургеромъ къ его заболѣвшей женѣ. Это было на Большомъ Фонтанѣ, въ 12 верстахъ отъ города, гдѣ я въ теченіе 14 лѣтъ изъ году въ годъ селюсь для практики въ теченіе лѣта, гдѣ г. Гамбургеръ имѣетъ свою дачу и гдѣ онъ живетъ, кажется, еще больше моего. У больной оказалась ангина, занимавшая обѣ миндалины, характеръ ангины съ перваго раза опрѣлить нельзя было, температура была не очень высока—нѣсколько выше 38°, но больная чрезвычайно нервная, по словамъ окружающихъ, не давно вернувшаяся изъ за-границы послѣ продолжительнаго леченія нейрастеніи. Я осмотрѣлъ больную очень внимательно и высказалъ предположеніе, что это ангина, сопровождающая инфлуэнцу, такъ какъ больная жаловалась на ломоты въ поясницѣ, но, описывая страданія свои, больная нѣсколько сгущала краски, какъ всѣ истеро-нейрастенички. — Я назначилъ больной порошки salipugin'a, полосканье перекисью водорода, согрѣвательный компрессъ на шею, велѣлъ, освободить кишечникъ промываніемъ и ушелъ... Это было утромъ. Вечеромъ я былъ снова приглашенъ къ больной. Состояніе было значительно хуже. Температура не падала, несмотря на салипиринъ, жалобы больной на страданія—больше. При осмотрѣ гортани оказалось, что ангина съ миндалинъ перешла на заднюю стѣнку глотки (собственно зѣва) и довольно сильно распространилась съ утра до вечера. Тогда я заявилъ, что болѣзнь болѣе серьезна. Я имѣлъ счастье показать мужу картину нарастанія процесса въ горлѣ и онъ заявляетъ, что отлично помнитъ картину. Ввиду того, что мнѣ процессъ все таки былъ не ясенъ и характеръ болѣзни не точно діагностически выясненъ, я предложилъ снять пленку и отправить ее для изслѣдованія. Хотя г. Гамбургеру почему то понадобилось, во время дебатовъ, доказывать, что онъ

предложилъ это, но я утверждаю, что я предложилъ сдѣлать изслѣдованіе, такъ какъ характеръ заболѣванія, какъ тогда, такъ и понынѣ остается для меня не вполне яснымъ. Между тѣмъ въ случаяхъ, гдѣ мы имѣемъ специфическое лѣченіе, какъ при дифтеритѣ, если у меня въ мозгу родилась мысль объ этой инфекции, я первымъ долгомъ рѣшу посоветовать отправить пленку для изслѣдованія. Тѣмъ болѣе, что опасности *quo ad vitam* не было—былъ первый день заболѣванія. Г-ну Гамбургеру почему то понадобилось утверждать, что онъ мнѣ предложилъ сдѣлать изслѣдованіе. Не понимаю, какъ онъ могъ проникнуть въ мою душу и прочитать тѣ сомнѣнія, которыя тамъ возникли? А сомнѣнія были серьезны. Я уже поялъ, что процессъ колеблется между стрептококковой и дифтеритной ангиной. Окружающимъ я, правда, этого не высказывалъ, такъ какъ если бы окружающіе заглянули въ душу, спокойно сидящаго у постели больного, врача, они бы ужаснулись—въ мукахъ рождается наша медицинская истина, въ тѣмъ болѣе тяжелыхъ мукахъ, что наружно нужно быть авгуромъ: малѣйшее сомнѣніе на лицѣ врача—мигомъ превращается въ отчаяніе у окружающихъ. Я не знаю, почему г. Гамбургеру понадобилось приписать себѣ инициативу необходимости отправить пленку для изслѣдованія. Но я ему ее дарю, пусть будетъ въ этомъ дѣлѣ его пріоритетъ, хотя я чистосердечно передъ судомъ рассказываю о чувствахъ и мысляхъ моихъ, возникшихъ въ моей душѣ и мозгу во время вторичнаго изслѣдованія моей больной *въ субботу вечеромъ 20-го іюня*. Я попросилъ принести палочку, самъ ее очистилъ, сдѣлалъ круглой и чистой, изъ мотка ваты снялъ верхній пластъ и изъ середины взялъ кусокъ, обмотавъ оба конца палочки, снялъ пленку, разрѣзалъ палочку пополамъ и, помѣстивъ все это въ баночку, которая была заранѣе вымыта водою, спиртомъ и вытерта эфиромъ на ваткѣ. Баночка была стеклянная, бѣлая, но непрозрачная, съ притертой пробкой. Все это, казалось мнѣ, было благоприятно для нужной мнѣ цѣли. Въ тотъ же день вечеромъ, но черезъ нѣсколько часовъ послѣ отправки пленки, когда посланный еще не вернулся изъ города съ предварительнымъ изслѣдованіемъ. Я рѣшилъ, что ждать я не могу и долженъ убѣдить окружающихъ согласиться на вспрыскиваніе.— Утвержденіе г. Гамбургера, что изслѣдованіе было направле-

но мною въ аптеку г. Гаевского, гдѣ, какъ оказалось впоследствіи, нѣтъ бактериологическаго кабинета, а аптека служить посредникомъ между публикой и городской бактериологической лабораторіей,—ошибочно. Когда я предложилъ отправить пленку, г. Гамбургеръ спросилъ меня: „Можно въ аптеку Гаевского? Я тамъ дѣлаю всѣ свои анализы“. Я отвѣтилъ: „Можно“.—Что инициатива указанія кабинета исходила не отъ меня, а отъ г. Гамбургера, служить доказательствомъ слѣдующее: я всѣ свои изслѣдованія, которыя мнѣ нужно сдѣлать, направляю съ декабря 1905 года въ кабинетъ г. Лопшица, который знакомъ мнѣ лѣтъ 15, который живетъ въ городѣ недалеко отъ меня (я живу на уг. Преображенской и Ямской, а онъ на углу Преображ. и Успенской), человѣкъ аккуратный и очень нуждающійся. На просьбы, обращенныя ко мнѣ владѣльцами такихъ-же кабинетовъ гг. Горника и Лецинскаго я отвѣчалъ, что я не могу отказать г. Лопшицу, который гораздо бѣднѣе ихъ. Къ нему же была направлена пленка ребенка г. Лефи съ Б.-Фонтана въ нынѣшнемъ году, мокрота г. Лебедева съ Б.-Фонтана и др., слѣдовательно мнѣ не было причинъ указывать аптеку Гаевского, гдѣ нѣтъ лабораторіи и изслѣдованія она принимаетъ, между тѣмъ исполнить своего обязательства не можетъ.—Въ доказательство того, что я всегда направляю изслѣдованія къ г. Лопшицу прилагаю выписку изъ его книгъ за послѣднія 5 лѣтъ.—У меня практика не очень велика, и врядъ ли случайно въ этомъ кабинетѣ могло собраться такъ много изслѣдованій, если бы я не направлялъ ихъ туда. Слѣдовательно, инициатива указанія аптеки исходила отъ г. Гамбургера. Я лишь не зналъ, что такая солидная фирма, какъ „Гаевскій и Поповскій“ вводитъ въ заблужденіе публику, принимая анализы пленокъ и, не производя изслѣдованій, передаетъ ихъ городской Бактериологической станціи. Въ этомъ моя вина, но, я думаю, въ этомъ виновны всѣ врачи г. Одессы.—Посланный, вернувшись отъ Гаевского, сказалъ, что ему ничего не дали. На завтра Гаевского аптека сказала, что въ воскресенье городская лабораторія закрыта.—Въ понедѣльникъ, когда мы уже въ изслѣдованіи для полученія, имѣющаго рѣшающее значеніе, отвѣта не нуждались, отвѣта не было и лишь, когда г. Гамбургеръ во вторникъ поѣхалъ „ругаться“, какъ онъ выразился, аптека съ цѣлью искупить свою вину, общала телегра-

фировать отвѣтъ. Въ среду я увидѣлъ отвѣтъ телеграфный, который гласилъ, что Лефлера бацилла нѣтъ, препаратъ загрязненъ. Я прошу судъ предложить г. Гамбургеру представить телеграмму, имѣющую значеніе для дѣла.—Г. Гамбургеръ понялъ, это такъ, что я загрязнилъ препаратъ снявъ ее неумѣло, между тѣмъ спрошенный мною по этому поводу приватъ—доцентъ д-ръ Я. Ю. Бардахъ сказалъ, что черезъ 2—3 дня не только появятся новыя колоніи, которыя загрязнятъ препаратъ, но и сами бациллы Лефлера, если бы онѣ были, могутъ исчезнуть и мазки ничего не дадутъ для діагноза болѣзни. Въ данномъ случаѣ это и было. Я не утверждаю, что у моей больной былъ дифтеритъ, вопросъ для меня до сихъ поръ не разрѣшенъ, но, находясь при данныхъ условіяхъ, я боялся рискнуть переждать ночь въ 12 верстахъ отъ города и убѣдилъ больную и окружающихъ разрѣшить мнѣ ей вспрыснуть антидифтеритную сыворотку. На вопросъ объ индифферентности сыворотки я сказалъ: „когда заболѣваетъ ребенокъ, и другихъ окружающихъ дѣтей нельзя изолировать, мы вспрыскиваемъ больному съ цѣлебной и здоровымъ съ предохранительной цѣлью одно и то же количество сыворотки. Я за свою 17 лѣтнюю практику сдѣлалъ около 400 вспрыскиваній и никакихъ дурныхъ послѣдствій, кромѣ незначительной сыпи на 7-й, 9-й или 11-й день, которая чаще проглядывается родителями въ виду того, что ребенокъ уже бѣгаетъ, не замѣчалъ“. Эти доводы убѣдили окружающихъ и вспрыскиваніе было рѣшено.—Я поѣхалъ домой за шприцемъ, и въ аптеку за сывороткой (я живу на Б.-Фонтанѣ лѣтомъ, рядомъ почти съ аптекой).—Когда я привезъ шприць, г. Гамбургеръ спросилъ, достаточно ли онъ чистъ, Я отвѣтилъ, что дома его дезинфицирую карболовой кислотой или сулемой, а предъ инъекціей эфиромъ и *никогда* не имѣлъ осложненій ни при инъекціи сыворотокъ этимъ шприцемъ, ни при инъекціи мышьяка шприцемъ Праваца, а послѣднихъ я сдѣлалъ нѣсколько тысячъ. Г. Гамбургеръ все таки просилъ его прокипятить. Мой шприць былъ 2-хъ граммовый, стеклянной съ обхватами изъ hart-cautschuck'a и я отказался отъ кипяченія, боясь, что каучукъ расширится больше стекла и шприць будетъ пропускать, но г. Гамбургеръ заставилъ меня набрать раза два кипяткомъ и обхватъ дѣйствительно нѣсколько расширился. Шприць сталъ пропу-

скать и я половину сыворотки потерять. Флаконъ содержитъ $4\frac{1}{2}$ куб. сантиметра. Я набралъ 2 грамма, вспырынулъ (половину потерявъ—жидкость ушла въ промежутокъ между стекломъ и обхватомъ), затѣмъ оставивъ иглу въ тѣлѣ, набралъ 2-ю половину жидкости и влилъ остатокъ, при чемъ обернулъ обхватъ ватой, смоченной въ эфирѣ, чтобы онъ съсжился и не пропускалъ сыворотки, онъ все таки пропустилъ, но меньше первой половины. Въ общемъ я вспырынулъ 2— $2\frac{1}{2}$ грамма, что равняется 6—8 стамъ токсическихъ единицъ. Ввиду недостаточности, по моему, этого количества, если бы случай оказался дифтеритомъ, я просилъ г. Гамбургера привести изъ города на другой день и шприцъ, и сыворотку. То и другое онъ привезъ, но нужды въ этомъ не оказалось: больная уже утромъ чувствовала себя хорошо, къ вечеру жаръ исчезъ, глотка и миндалины очистились, и больная была счастлива такъ же, какъ и покорный слуга Вашъ, который достаточно перенесъ, когда случай показался ему болѣе серьезнымъ. Такъ какъ больная поправилась, то изслѣдованіе пленокъ уже имѣло академическій характеръ и г. Гамбургеръ къ отсутствію результатовъ относился спокойно, но во вторникъ онъ поѣхалъ въ городъ съ рѣшеніемъ „поругаться“ съ Гаевскимъ.—Аптека Гаевского, чувствуя свою вину, обѣщала результатъ прислать на Б.-Фонтанъ по телеграфу, но результатъ получился такой, какой предсказываетъ наука: „corpus delicti abest“, если онъ до того въ субботу—даже и былъ, за то есть—грязь, которая уже приписана г. Гамбургеромъ врачу, снимавшему пленку.

Во вторникъ я распрощался съ гг. Гамбургерами, получивъ гонораръ, благодарность на словахъ, рукопожатія и все то, что получаетъ врачъ при счастливомъ исходѣ болѣзни. Въ пятницу утромъ я былъ снова позванъ къ больной. Картина оказалась довольно грозной: на нижнихъ конечностяхъ темно багровыя (почти петехіальныя) пятна, возвышающіяся надъ кожей, въ суставахъ болѣзненность, t^0 39,4; общее состояніе больной тяжелое. Больная очень нервная дама, очень деликатнаго сложенія и какъ нейрастеничка нѣсколько утрировала, обыкновенно, свои страданія, но въ данномъ случаѣ страданія были очень велики. Я посовѣтовалъ и самъ сдѣлалъ согрѣвательные компрессы изъ Буровской жидкости, велѣлъ втирать мазь изъ Jchthyolvasogen'a съ

обертываніемъ ватой въ промежуткахъ между компрессами и для успокоенія болей и общей нервной системы больной— ванну. На вопросъ мужа, не новая ли это болѣзнь, я отвѣтилъ, что это та высыпь, о которой я говорилъ, что это реакція организма на введеніе сыворотки чужой крови, но въ такой формѣ, какой мнѣ до сихъ поръ наблюдать не приходилось. Волненіе было у г. Гамбургера очень велико и я вечеромъ предложилъ консиліумъ, который, я надѣялся, его успокоитъ. Мы вмѣстѣ отправились на телефонную станцію, съ большимъ трудомъ вызвали съ Малаго Фонтана д-ра К. Н. Пурица и онъ обѣщаль пріѣхать въ 8 ч. утра на другой день. Пріѣхаль онъ въ 10¹/₂ ч. Я пришелъ къ больной въ 7¹/₂ часовъ утра. Д-ру Пурицу я объяснилъ все что я сдѣлалъ и что я предполагаю у больной, онъ согласился со всѣмъ, что мною было предложено, ничего не прибавивъ, а на вопросъ г. Гамбургера: „что это такое?“, отвѣтилъ— „*Отравленіе крови сывороткой*“. Я въ это время наблюдалъ г. Гамбургера и увидѣлъ, что онъ поблѣднѣлъ и измѣнился въ лицѣ. Я понялъ, что больную я вижу въ послѣдній разъ. Д-ръ Пурицъ прибавилъ что *въ последнее время* въ еврейской больницѣ стали наблюдать при вспрыскиваніи сыворотки мѣстнаго производства очень печальныя явленія и больница рѣшила пользоваться сывороткой нѣмецкой или французской, хотя и болѣе старой, но тщательнѣе провѣренной. Я остановился на его заявленіи и переспросилъ вѣрно ли это, потому что я не больничный врачъ, а „заявленіе старшаго врача больницы для меня законъ“ и я впредь буду вспрыскивать французскую— Пастера. Онъ еще разъ подтвердилъ сказанное. Весь консиліумъ происходилъ въ присутствіи больной, мужа и матери ея. Когда мы уходили, г. Гамбургеръ спросилъ меня: „Знаете-ли вы, что это такое?“ Я отвѣтилъ, что въ моей 17 лѣтней практикѣ мнѣ подобныхъ явленій наблюдать не приходилось. По словамъ г. Гамбургера моя откровенность окончательно меня погубила въ его глазахъ и въ тотъ же день я получилъ деньги за визиты и письмо по словамъ г. Гамбургера вѣжли-вое—оно гласило: „Прилагаю при семь 6 рублей, благодарю за труды. Гамбургеръ“. Характерная черта: за визиты, которые я сдѣлалъ въ счастливую пору моего лѣченія г. Гамбургеръ платилъ мнѣ по 3 р., а за послѣдніе считая и консиліумъ, гдѣ я ожидалъ съ 7¹/₂ до 11 ч. утра и потерялъ свой

пріемъ въ городъ—по 2 рубля.—Лишь во время разбора дѣла, во время перваго засѣданія я узналъ, что кромѣ меня и Пурица, въ мое отсутствіе, былъ позванъ д-ръ Кеферъ, успокоившій гг. Гамбургеръ, которые думали, что я больную заразилъ шприцемъ. На мѣстѣ укола не было даже красноты—первый признакъ того, что инъекція сдѣлана *lege artis*. Затѣмъ проходитъ мѣсяць. Въ іюлѣ ко мнѣ обратился докторъ Кацнельсонъ съ вопросомъ:

„Что противъ Васъ имѣеть Гамбургеръ?“

— Я лѣчилъ его жену, по его мнѣнію, неудачно и онъ сердить.

— „Онъ мечеть громы и молніи.“

— Что дѣлать? На чужой ротокъ не накинешь платокъ, а у него ротъ адвокатскій.—При какихъ обстоятельствахъ онъ Вамъ разсказывалъ и жаловался на меня?

„Онъ родственникъ моей жены“.

Я рѣшилъ, что разговоръ былъ въ интимномъ кругу и озлобленный несчастьемъ, обрушившимся на него, онъ сѣтовалъ на меня, считая меня виновникомъ его, и не обратилъ вниманія на это.—Но 17-го сентября, черезъ 3 мѣсяца послѣ вспрыскиванія, ко мнѣ подошелъ мировой судья г. Будкевичъ со слѣдующими словами: „Я не могу удержаться, докторъ, чтобы не сказать Вамъ до чего бываютъ люди подлы. Вчера мы съ Вами ѣздили изъ города домой. Когда Вы стали возлѣ меня на конкѣ, Вы можетъ быть замѣтили, что возлѣ меня сидѣлъ одинъ господинъ. Это мой знакомый нотариусъ. Когда Вы сошли, онъ тихо мнѣ сказалъ: „У меня бѣда. Семья на Большомъ Фонтанѣ. Сынъ заболѣлъ, а здѣсь нѣтъ врачей. Я громко сказалъ указывая на Васъ: Вотъ только что сошелъ врачъ—докторъ Майзельсъ. Онъ еще не уѣхалъ въ городъ. Можете его пригласить. Я его знаю. Онъ меня лѣчилъ:“ Въ это время какой то господинъ, сидѣвшій сзади, заявилъ:

„Хорошъ врачъ! Онъ отравилъ мою жену. Если бы не другіе врачи, которые ее спасли, она бы погибла и т. д... Въ этомъ духѣ онъ говорилъ до монастыря, гдѣ мы съ нотариусомъ сошли.—Тогда нотариусъ сказалъ мнѣ. „Богъ съ нимъ, съ такимъ врачомъ, лучше быть безъ врача“.

На просьбы мои назвать нотариуса, г. Будкевичъ отказался, говоря, что онъ боится, что это сочтутъ за сплетню.

Я нѣсколько разъ просилъ его назвать фамилію нотаріуса, но онъ отказывался. Тогда я пересмотрѣлъ списки всѣхъ жившихъ въ нынѣшнемъ году на Большомъ Фонтанѣ жителей у мѣстнаго околоточнаго надзирателя, остановился на нотаріусѣ Теронимѣ Петровичѣ Потемковскомъ изъ двухъ нотаріусовъ, жившихъ на Большомъ Фонтанѣ въ нынѣшнемъ году— послѣ этого я обратился къ профессору Сапѣжко съ просьбой быть моимъ судьей. Получивъ его согласіе, я обратился къ г. Гамбургеру съ нотаріальнымъ заявленіемъ. Остальное, прочитанное мною въ засѣданіи 6-го октября, письма и газетныя статьи, закрѣплено документальными данными.

**Химико-бактеріологическій
кабинетъ
М. М. Лопщица.**

Приложеніе.

1909 г. октября 8-го дня выдано сіе удостовѣреніе. Доктору ЛЬВУ ЯКОВЛЕВИЧУ МАЙЗЕЛЬСУ, согласно его просьбѣ въ томъ, что со времени открытія мною химико-бактеріологическаго кабинета, т. е. съ 1 декабря 1905 г. Докторомъ МАЙЗЕЛЬСОМЪ прислано было для изслѣдованія въ мой кабинетъ:

Въ 1905 году:

6	изслѣдованій	мочи
2	»	кала
12	»	мокроты
4	»	пленокъ.

Въ 1906 году:

52	изслѣдованія	мочи
34	»	мокроты
8	»	пленокъ.

Въ 1907 году:

68	изслѣдованій	мочи
14	»	мокроты
16	»	пленокъ.

Въ 1908 году:

74	изслѣдованія	мочи
57	»	мокроты
18	»	пленокъ.

Въ 1909 году:

56	изслѣдованій	мочи
16	»	мокроты
14	»	пленокъ.

Завѣдующій кабинетомъ М. Лопщицъ.

СУДЪ ЧЕСТИ.

(Рѣшеніе по дѣлу доктора Льва Яковлевича Майзельса и прис. пов. Александра Марковича Гамбургера).

Судъ чести въ составѣ: профессора И. В. Слешинскаго, профессора К. М. Сапѣжко и присяжнаго повѣреннаго Ф. Д. Богацкаго, разсмотрѣвъ въ засѣданіяхъ 6-го и 8-го октября 1909 г. дѣло гг. врача Льва Яковлевича Майзельса и присяжнаго повѣреннаго Александра Марковича Гамбургера и выслушавъ мнѣнія г.г. экспертовъ: профессора по дѣтскимъ болѣзнямъ В. Ф. Якубовича и приватъ-доцента бактериологіи Я. Ю. Бардаха, находятъ, что, хотя г. Гамбургеръ, вслѣдствіе неожиданнаго результата прививки его женѣ антидифтеритной сыворотки, вызвавшей тяжелыя явленія сывороточной болѣзни, могъ находиться въ состояніи возбужденія, однако, обстоятельства дѣла, согласно разъясненію экспертовъ, убѣждающія въ томъ, что со стороны Майзельса были приняты всѣ мѣры, указываемыя медициной для спасенія г-жи Гамбургеръ отъ опасности, которая могла ей угрожать, причемъ опасаясь смертельнаго исхода, онъ долженъ былъ игнорировать побочныя дѣйствія сыворотки, вызвавшія тяжелыя явленія, благодаря идіосинкразіи больной, приводятъ къ заключенію, что врачъ Майзельсъ дѣйствовалъ гуманно и правильно съ медицинской точки зрѣнія, а потому упреки, посылаемыя ему присяжнымъ повѣреннымъ Гамбургеромъ, лишены всякаго основанія.

Подлинникъ подписали: **И. В. Слешинскій, К. Сапѣжко и Ф. Богацкій.**

«Одесскій Листокъ», Суббота, 10 Октября 1909 г. № 231.

Репортерская замѣтка.

Лишнее доказательство того, съ какой осторожностью нужно относиться къ обывательскимъ жалобамъ на нерадѣіе и неосмотрительность докторовъ, далъ закончившійся на дняхъ судъ чести между прис. пов. Гамбургеромъ и д-ромъ Л. Майзельсомъ. Послѣдній привилъ антидифтеритную сыворотку заболѣвшей лѣтѣю на Б.-Фонтанѣ г-жѣ Гамбургеръ. У больной появились неожиданно серьезныя сывороточныя болѣзненные явленія, и ей пришлось пролежать въ постели. Мужъ г-жи Гамбургеръ и ея родные были непреклонно убѣждены въ томъ, что виновать въ происшедшемъ д-ръ Майзельсъ, и г. Гамбургеръ, не стѣсняясь, всѣмъ и каждому высказывалъ свое возмущеніе пользовавшимся его врачомъ. Докторъ Майзельсъ вынужденъ былъ обратиться къ суду чести, который (въ составѣ профессоровъ Кишинскаго и Сапѣжко и пр. пов. Богацкаго) призналъ, что для всѣхъ этихъ жалобъ нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній.

«Одесскія Новости», Суббота, 10 Октября 1909 г. № 7936.

Во вчерашнюю замѣтку о судѣ чести между д-ромъ Майзельсомъ и прис. пов. Гамбургеромъ вкралась досадная ошибка: одинъ изъ судей былъ проф. Слешинскій, а не Кишинскій, какъ напечатано.

«Одесскія Новости», Воскресенье, 11 октября 1909 г. № 7937.

Из записной книжки пессимиста.

Третейский судъ надъ докторомъ Лейбой Майзельсомъ состоялся.

Профессоръ Сапѣжко оправдалъ его, доказавъ, что Лейбу Майзельсъ, хотя и чуть-чуть не отправилъ на тотъ свѣтъ г-жа Гамбургеръ, но сдѣлалъ это по всѣмъ правиламъ врачебнаго искусства и руководясь чувствомъ «гуманности» (!?!).

Чортъ поberi! Господа эскулапы, нельзя-ли поменьше гуманности!

Теперь, если профессоръ Сапѣжко отхватить какому нибудь пациенту голову вмѣсто ноги, то его будетъ судить Лейба Майзельсъ и подъ присягой подтвердить, что Сапѣжко сдѣлалъ это изъ гуманности!

Вѣдь въ освободительные дни вынулъ же почтенный профессоръ пулю у студента Адлера, когда ее вынимать не слѣдовало и... отправилъ студіоза на тотъ свѣтъ.

Это что же, тоже изъ «гумности»?

ПЕССИМИСТЪ.

«Русская Рѣчь» № 1146, 11 октября 1909 г.

Дневникъ журналиста.

11 октября.

Врачи и обыватели.

Повиненъ-ли врачъ Имярекъ въ томъ, что медицинская наука до сихъ поръ бессильна совладать со всѣми индивидуальными капризами хвораго человѣческаго организма и такъ часто вынуждена бываетъ опускать оружіе предъ лицомъ наступающей смерти? Вопросъ, казалось-бы, въ достаточной степени вздорный, свидѣтельствующій о чрезвычайно поверхностномъ пониманіи смысла врачебной помощи. Но подите-же! Обывательская мудрость, проявляющаяся въ столь разнообразныхъ и неожиданныхъ формахъ, и въ этомъ случаѣ счумѣла обнаружить всю свою вульгарную развязность. Стоитъ лишь кому-нибудь изъ близкихъ обывателя заболѣть настолько тяжело, что содѣйствіе врача оказывается малоуспѣшнымъ, какъ на голову этого послѣдняго начинаютъ сыпаться упреки и обвиненія одинъ другого обиднѣе и незаслуженнѣе. Слово у послушнаго исполнителя велѣній науки и врачебнаго опыта и впрямь есть нѣчто общее съ легендарнымъ чародѣемъ, державшимъ въ повиновеніи всѣ стихіи и геніевъ міроваго зла...

Развѣ эта самая напраслина, взведенная г. Гамбургеромъ на д-ра Майзельса, не знакома каждому изъ насъ въ безчисленныхъ, видоизмѣненныхъ примѣнительно къ конкретнымъ условіямъ времени и мѣста, редакціяхъ? Рѣдко когда случается, чтобы

осложненіе въ ходѣ болѣзни не имѣло своимъ послѣдствіемъ столь же «лишенная всякаго основанія» претензіи близкихъ больного къ врачу, не успѣвшему постигнуть затерявшійся секретъ чудотворчества. И если званіе дипломированнаго юриста дало г. Гамбургеру возможность злоупотребить досугомъ двухъ профессоровъ, поставленныхъ въ необходимость заняться обсужденіемъ его суетныхъ упрековъ по адресу д-ра Майзельса, а положеніе газетнаго издателя позволило г. Навроцкому ополчить на д-ра Стефанскаго перо своего раболѣпнаго сотрудника, то отсюда еще вовсе не слѣдуетъ, конечно, чтобы данные инциденты въ чемъ либо были отличны отъ обычныхъ кумушкиныхъ жалобъ на докторскую неаккуратность. Мы менѣ всего имѣемъ намѣреніе заняться здѣсь апологіей медицинской науки и врачебнаго сословія, но справедливость требуетъ отмѣтить всю недопустимость подобнаго нападенія со стороны людей, имѣющихъ поползновеніе причислять себя къ интеллигентной средѣ. Въ особенности, когда оно исходитъ отъ лица, посторонняго больному и не могущаго привести въ свое оправданіе мотивы естественной душевной взволнованности и временной неуравновѣшенности. Профессиональная этика по вполне понятнымъ соображеніямъ запрещаетъ оглашать случаи успѣшнаго исхода врачебной помощи, и это обстоятельство тѣмъ болѣе должно было бы удерживать критикановъ, далекихъ отъ знакомства съ наукой и судящихъ о познаніяхъ и добросовѣстности врача на основаніи пристрастныхъ разсказовъ окружающихъ больного родныхъ, отъ голословныхъ нападокъ на чужую репутацію.

Докторъ Стефанскій пояснилъ уже въ печати, что прививка анти-дизентерійной сыворотки сплошь да рядомъ вызываетъ тѣ же осложненія, что имѣли мѣсто у г-жи Навроцкой. И противъ этого зла наука, въ нынѣшнемъ ея фазисѣ, ничего не противопоставляетъ, о чемъ, впрочемъ, должно быть, хорошо извѣстно и постоянному врачу больной д-ру Рубинштейну. Но законы науки не про обывательскихъ мудрецовъ писаны. И едва-ли развязность ихъ смутится при указаніи, что даже въ практикѣ міроваго авторитета, берлинскаго профессора Сенатора, насчитывается четыре смертныхъ случая, явившихся результатомъ бурной идиосинкразіи организма по отношенію къ той-же анти-дизентерійной сывороткѣ. Но рѣчь идетъ не о частныхъ примѣрахъ и не объ отдѣльныхъ методахъ и пріемахъ лѣченія. Вопросъ стоитъ гораздо шире. Мыслимо-ли, въ самомъ дѣлѣ, требовать отъ врача гарантіи абсолютнаго успѣха лѣченія? Если-бы медицина обладала столь могущественными возможностями, такъ о чемъ же намъ пришлось бы горевать! Но, къ сожалѣнію, это далеко не такъ, и по хладнокровномъ разсужденіи даже гг. Гамбургеръ и Навроцкій вынуждены будутъ признать, что до подобной Аркадіи еще очень далеко, ибо покуда что врачеваніе приближается скорѣе къ искусству, чѣмъ къ точной и общепризнанной научной дисциплинѣ. Какимъ же образомъ врачъ въ состояніи пору-

читься за то, что внѣ предѣловъ его профессиональной власти? Спору нѣтъ,—врачи бываютъ разные,—болѣе и менѣе искусные, но каждый данный врачъ безусловно старается въ мѣру своего пониманія облегчить положеніе своего пациента. И винить его въ противномъ можетъ себѣ позволить только мѣщанская тупость, не постигающая всей внутренней несостоятельности своихъ нападокъ...

Но большинство, недовольныхъ отличіемъ врача отъ чудотворца обывателей, все таки смутно постигаетъ, что это чувство обиды не можетъ быть достаточно доказательно обосновано, и посему хранить его въ тѣсномъ кругу родныхъ и друзей, не давая ему общественной огласки. И лишь немногіе смѣльчаки, совершенно отрѣшенные отъ догматовъ здраваго смысла, отважно набрасываются на не ожидающихъ ничего подобнаго врачей и начинаютъ раздирать на куски ихъ доброе имя. Противъ этого приходится всячески протестовать! Не только по долгу человѣческой справедливости, но и съ точки зрѣнія житейскихъ удобствъ. Подумайте только, — во что обратится наша жизнь, ежели огорченные близкіе каждаго медленно поправляющагося пациента начнутъ привлекать пользующихъ его врачей къ третейскому, корпоративному и всякому иному суду! Не хватитъ ни судей, ни времени для судейскаго разбирательства, ни даже бумаги для написанія приговоровъ, пожалуй...

СЪДОЙ.

«Одесскія Новости», воскресенье 11 октября 1909 г. № 7937.

Письмо въ редакцію.

М. г., г. редакторъ! Не откажите въ любезности помѣстить въ уважаемой вашей газетѣ слѣдующее письмо:

Въ № 7937 газеты «Одесскія Новости» нѣкій Сѣдой, въ своемъ «Дневникѣ журналиста» по поводу попавшихъ въ печать двухъ неудачныхъ случаевъ прививки сыворотки совершенно уклонился отъ прямыхъ вопросовъ, вызвавшихъ столкновенія врачей и пациентовъ, а задался общимъ вопросомъ о гарантіяхъ *абсолютнаго* успѣха лѣченія.

Между тѣмъ столь ясный и не вызывающій сомнѣній вопросъ никогда никому не приходилъ въ голову и если этимъ безъ всякаго основанія заинтересовался г. Сѣдой, то приписываемая имъ обывателямъ „мѣщанская тупость“ и „отрѣшеніе отъ здраваго смысла“ правильнѣе отнести къ господамъ, копошащимся въ своихъ дневникахъ надъ вздорными вещами. Причина этихъ нареканій на доктора Майзельса совершенно не касаясь успѣха его леченія, цѣликомъ заключалась въ умолчаніи имъ о возможныхъ тяжелыхъ послѣдствіяхъ вспрыскиванія, такъ какъ, зная о нихъ, я ни за что не согласился бы на примѣненіе такого средства, которое, съ малою вѣроятностью, но все же грозило опасностями и безъ того слабой и еще не оправившейся отъ

прежней болѣзни женщинѣ. Третейскій судъ нашель дѣйствія г. Майзельса правильными—и я очень радъ, что такимъ образомъ онъ не потерпитъ ущерба въ своей практикѣ, но вѣдь такой исходъ дѣла не даетъ право никому, а тѣмъ болѣе газетѣ, обрушиваться на обывателей, пострадавшихъ отъ лѣченія въ грубыхъ оскорбительныхъ выраженіяхъ, возводя на нихъ вымышленныя обвиненія, издѣваясь надъ крикомъ ихъ сердца. Пойдите вы, г. Сѣдой, къ пользовавшимся мою жену послѣ г. Майзельса врачамъ Линтвареву, Пурицу, Кеферу, Сапожникову, профессору Попову, разспросите ихъ о подробностяхъ и вы узнаете, какія страданія переносила женщина въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ и каково ей еще нынѣ, Тогда вы поймете всю неумѣстность вашихъ выпадовъ и устыдитесь вашихъ вызывающихъ и грубыхъ словъ. Людямъ старымъ, убѣленнымъ сѣдинами, особенно подобаетъ осторожность, спокойствіе и справедливость въ своихъ сужденіяхъ. И вамъ сѣдому журналисту, непростительно такое легкомысленное, обидное и насмѣшное отношеніе къ крайне печальному и несчастному случаю. Кто требовалъ „чудотворчества“, кто, благодаря своему диплому юриста, злоупотребилъ досугомъ двухъ профессоровъ, кто, наконецъ, поставилъ ихъ въ необходимость заняться нашимъ случаемъ? Все это приписываетъ г. Сѣдой мнѣ—и говоритъ неправду, такъ какъ не я учредилъ третейскій судъ и наши почтенные судьи добровольно и съ полной добросовѣстностью и охотою посвятили свое время заинтересовавшему ихъ вопросу. Спору нѣтъ, говорите вы, г. Сѣдой, врачи бываютъ разные... Да, скажу я, и журналисты бываютъ разные, бываютъ такія, которыхъ даже не жаль, когда ихъ бьютъ, какъ въ тургеневскомъ «Корреспондентѣ» не вызвало сожалѣнія избіеніе такого дѣятеля печати и удержало одного изъ друзей, сидѣвшихъ за чайнымъ столомъ отъ порыва оказать помощь: «Ну, знаешь что, допьемъ сперва стаканъ чаю».

Примите и проч.

Присяжный повѣренный Ал. ГАМБУРГЕЪ.

12 октября 1909 г.

«Одесскій Листокъ», Вторникъ, 13 октября, 1909 г. № 233.

Изъ запиской книжки пессимиста.

Въ «Одесскихъ Новостяхъ»—два похода.

Одинъ въ защиту доктора Лейбы Майзельса (защищаетъ старая сѣдая крыса) и въ защиту Андреева (защищаетъдохлый пудель—Лоэнгринъ).

Сѣдой аргументируетъ тѣмъ, что, дескать, глупо предъявлять докторамъ требованіе объ „исцѣленіи“ больного; не все же имъ вылѣчить,—нужно же когда нибудь и отравить.

Безпощадное доказательство. Кромѣ того, Сѣдой даетъ

понять кому слѣдуетъ, что судьями въ такомъ дѣлѣ могутъ быть только «люди науки».

«Русская Рѣчь», 14 октября, 1909 г. № 1148.

Дневникъ журналиста.

14 октября.

Присяжный повѣренный Гамбургеръ взялъ на себя трудъ убѣдить меня въ томъ, что онъ не только безнадежный обыватель, неспособный отрѣшиться отъ бушменскаго пониманія смысла врачебной помощи, но и прямой потомокъ того безстыднаго Ноева сына, имя котораго сдѣлалось мировымъ синонимомъ грубости, развязности и неблаговоспитанности. Входитъ въ принципиальный споръ съ господами, привѣтствующими кулачную расправу съ газетными работниками, какъ единственно доступный ихъ культурному уровню способъ доказательствъ, я не считаю возможнымъ ни для своего личнаго, ни для своего профессиональнаго достоинства. Ограничусь лишь указаніемъ, что въ качествѣ духовнаго санюлота этотъ дипломированный юристъ даже изъ прекраснаго «стихотворенія въ прозѣ» Тургенева, навѣяннаго грустнымъ зрѣлищемъ общественнаго равнодушія къ грандіознымъ горестнымъ испытаніямъ «корреспондента» ухитрился сдѣлать каннибальское употребленіе. Это уже не іезуитизмъ, а простое, неприкрашенное невѣжество пониманія...

Кстати,—по поводу той же моей воскресной статьи. Меня пытаются увѣрить, что моя ссылка на авторитетъ постояннаго врача г. Навроцкихъ д-ра Рубинштейна, долженствующаго засвидѣтельствовать, что коллега его г. Стефанскій ни въ чемъ не отступилъ въ случаѣ съ г-жей Навроцкой отъ требованій профессиональной этики, можетъ быть понята въ обидномъ для достоинства г. Рубинштейна смыслѣ. Признаться,—я не постигаю, какимъ образомъ апелляція къ авторитету въ состояніи умалить чье либо достоинство. Но, дабы разсѣять всякія сомнѣнія на этотъ счетъ, считаю нелишнимъ оговорить, что всего менѣе имѣлъ я въ виду указанной ссылкой посягнуть съ, какой бы то ни было стороны на доброе имя г. Рубинштейна—безупречнаго врача и достойнаго человѣка... С.

«Одесскія Новости». Среда 14 октября 1909 г. № 7939.

Теперь ничего нѣтъ легче какъ забросать человѣка грязью. Газетъ много.

Обыватель грамотенъ.

Вотъ и готова «обывательская литература».

Осторожнѣе съ «обывательской литературой!»

Живой иллюстраціей къ моему фельетону можетъ служить исторія д-ра Майзельса.

Свѣжій примѣръ.

Вы обратили вниманіе на судъ чести между присяж. пов. Гамбургеромъ и д-ромъ Л. Майзельсомъ?

Дѣло таково.

Д-ръ Майзельсъ привилъ антидифтеритную сыворотку заболѣвшей лѣтомъ на Б.-Фонтанѣ г-жѣ Гамбургеръ. У больной появились неожиданно серьезныя сывороточныя болѣзненные явленія, и ей пришлось пролежать въ постели. Мужъ г-жи Гамбургеръ и ея родные были непреклонно убѣждены въ томъ, что виноватъ въ происшедшемъ д-ръ Майзельсъ, и г. Гамбургеръ, не стѣсняясь, всѣмъ и каждому высказывалъ свое возмущеніе пользовавшимся его врачомъ. Д-ръ Майзельсъ вынужденъ былъ обратиться къ суду чести, который въ составѣ профессоровъ Слешинскаго, Сапѣжко и прис. пов. Богацкаго, призналъ, что для всѣхъ этихъ жалобъ нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній.

Къ сожалѣнію, очень часто врачъ представляетъ собою того Макара, на котораго всѣ шишки валяются...

ФАУСТЪ.

«Одесская Почта» № 225. 14 октября.

Ложь г. Сѣдого.

Непріятно и даже тоскливо какъ то касаться темъ, отъ которыхъ вѣдетъ узкой обывательщиной, но разъ эти темы назойливо заявляютъ о себѣ, ихъ нельзя обходить молчаньемъ, какъ бы ограничены и пошлы онѣ ни были.

И самое пріятное въ этихъ темахъ непроходимое мѣщанство, которое даже негодующія рѣчи о мѣщанствѣ умудряется превращать въ мѣщанство.

Тутъ все пошло, мелочно и гаденко и на печальномъ фонѣ нашей бѣдной провинціальной жизни проявленія этой маленькой пошлости производятъ невѣроятно тяжелое впечатлѣніе. Пошлость накладываетъ свой опечатокъ на все, въ провинціи она губитъ даже печать.

Идеи, направленія, этика все это отодвигается на задній планъ, первый планъ занимаютъ мелкія самолюбія, личные счеты и интересы прилавка.

Мнѣ, какъ это ни печально, довольно часто приходилось отмѣчать скверныя черты въ органахъ провинціальной печати, воскресный день снова отмѣченъ фактомъ этого рода, который нельзя не отмѣтить.

Фактъ этотъ—отношеніе одной изъ мѣстныхъ газетъ къ тому, что въ послѣднее время говорилось въ «Од. Листкѣ» по поводу врачей.

Недавно въ «Од. Листкѣ» мой коллега Калій коснулся случая изъ практики д-ра Стефанскаго, сказавъ нѣсколько словъ о невнимательности докторовъ и о тѣхъ печальныхъ послѣдствіяхъ, которыя зачастую вызываются докторской невнимательностью.

Коллега мой имѣлъ въ виду случай съ г-жей Навроцкой, которая, благодаря произведенному д-ромъ Стефанскимъ вспрыскиванію сыворотки, вотъ ужъ одиннадцатую недѣлю лежитъ въ постели, испытывая нечеловѣческія муки.

Д-ръ Стефанскій, предложилъ вспрыскиваніе, не предупредивъ о возможныхъ послѣдствіяхъ.

Специалистами противъ пріемовъ леченія г. Стефанскаго было сдѣлано не мало возраженій.

До насъ затѣмъ дошли свѣдѣнія, что въ городѣ есть не мало печальныхъ случаевъ въ родѣ случая съ г-жей Новроцкой. Кажется, что можетъ быть естественнѣе какъ не заговорить объ этомъ журналисту въ печати?

Упомянутое объ этомъ на страницахъ «Од. Листка» сейчасъ же обнаружилось еще одинъ подобный же случай съ г-жей Гамбургеръ.

Выяснилось затѣмъ еще нѣчто болѣе важное: выяснилось, что есть основанія не довѣрять качеству вырабатываемой въ Одессѣ сыворотки.

Это уже фактъ огромной общественной важности.

И вотъ постановку вопроса о внимательности врачей, освѣдомленіе населенія, страдающаго отъ дизентеріи, о послѣдствіяхъ вспрыскиванія сыворотки и, наконецъ, постановку самаго вопроса о качествахъ вырабатываемой въ Одессѣ сыворотки одна изъ мѣстныхъ газетъ нашла возможнымъ назвать «мѣщанской тупостью»...

Коллега же мой Калій за то, что онъ освѣтилъ случай съ г-жей Навроцкой, получаетъ эпитетъ «раболѣпнаго»...

Какъ видите, языкъ, который въ порядочномъ обществѣ ни въ коемъ случаѣ нельзя признать допустимымъ и все это говорится безъ всякихъ основаній, ибо съ газетой, позволяющей себѣ подобныя выраженія, никто ни о чемъ сейчасъ и не спорить.

Газета эта «Од. Нов.», журналистъ же, позволяющій себѣ подобныя выраженія въ газетѣ, г. Сѣдой, вѣчно ведущій малограмотные разговоры о мѣщанствѣ суконнымъ языкомъ какого нибудь верхнеднѣпровскаго мѣщанина.

Языку соотвѣтствуетъ и содержаніе мудрствованій этого «журналиста».

Выступаетъ онъ противъ «обывательщины»: гг. Гамбургера, Навроцкаго и Калія.

Кого-то защищаетъ, что-то говоритъ, а пуце всего увѣряетъ этихъ лицъ, въ томъ, что у врачей нѣтъ вѣрныхъ средствъ противъ всѣхъ болѣзней—что врачи не чудотворцы и что

по сей причинѣ ни г. Гамбургеръ, ни г. Навроцкій не могутъ требовать отъ врачей чудесъ.

И все это продѣлывается не только съ серьезнымъ, но даже съ ученымъ видомъ.

Вода—мокрая, огонь—жжетъ...—поучаетъ г. Сѣдой.

Но кто же этого не знаетъ?

Кто не знаетъ, что доктора не чудотворцы?

Г. Сѣдой прекрасно тоже знаетъ что ни г. Гамбургеръ ни г. Навроцкій чудесъ отъ докторовъ не требовали, что они только въ претензии на докторовъ за то, что тѣ не предупредили о томъ, какія могутъ быть послѣдствія отъ сыворотки, которую они вспрыскивали ихъ близкимъ, но...

Г. Сѣдому надобно доказать, что г. Навроцкій путнаго ничего не можетъ сдѣлать, ну а разъ вмѣстѣ съ г. Навроцкимъ оказался случайно и г. Гамбургеръ заодно слѣдовательно, надобно и г. Гамбургера выставить обывателемъ, который такъ не далекъ, что ему г. Сѣдой долженъ объяснить, что врачи не обладаютъ секретомъ безсмертія и т. д.

Г. Гамбургера, письмо въ редакцію котораго по этому поводу, мы сегодня печатаемъ, эта разность журналиста поразила и возмутила.

Но мы уже привыкли къ тому, что въ печати нынче работаютъ люди, не останавливающіеся ни предъ чѣмъ, даже, какъ г. Сѣдой, предъ явной ложью, въ своихъ «суетныхъ» мудрствованіяхъ.

Желая во что бы то ни стало извратить фактъ въ цѣляхъ посрамленія г. Навроцкаго г. Сѣдой заявляетъ въ воскресномъ № «Од. Нов.».

«Докторъ Стефанскій пояснилъ уже въ печати, что прививка анти-дизентерійной сыворотки сплошь да рядомъ вызываетъ тѣже осложненія, что имѣли мѣсто у г. Навроцкой».

А между тѣмъ докторъ Стефанскій въ печати (въ «Од. Нов. № 7927 отъ 29-го сентября) заявляетъ:

«Конечно, у г-жи Навроцкой... было испрошено согласіе на вспрыскиваніе, при чемъ я предупредилъ, что въ послѣдствіи могутъ развиваться сывороточныя явленія, которыя спустя нѣсколько дней исчезнутъ безслѣдно».

Какъ мы видимъ, того, что приписываетъ г. Стефанскому г. Сѣдой г. Стефанскій никогда не говорилъ.

Самъ г. Стефанскій въ печати сознался, что у г-жи Навроцкой «развились сывороточныя явленія въ такой тяжелой формѣ, которая встрѣчается очень рѣдко», а г. Сѣдой увѣряетъ сейчасъ читателей «Од. Нов.», что, по мнѣнію г. Стефанскаго, такія-же явленія, какъ у г-жи Навроцкой, сыворотка вызываетъ «сплошь да рядомъ».

Выражаясь языкомъ г. Сѣдого, мы тутъ попросту имѣемъ дѣло съ такимъ враньемъ, отъ котораго дѣйствительно разить

если не умышленным передегиваньемъ, то «мѣщанской тупостью».

И этотъ господинъ, исключительные медицинскіе случаи выдающій съ самымъ серьезнымъ видомъ за обыкновенные, послѣ того какъ объ этомъ столько писалось, позволяетъ себѣ говорить: «но законы науки не про обывательскихъ мудрецовъ писаны»...

Сколько во всемъ этомъ развязности, невѣжества и той пошлости прилавка, которая заставляетъ искать предлоговъ для брани!

Иначе трудно объяснить себѣ болѣе чѣмъ некрасивое выступленіе человѣка, прибѣгающаго къ подтасовкамъ и ко лжи. Откровенность же подтасовокъ, грубость лжи и хихиканіе въ глубоко серьезномъ общественномъ дѣлѣ если только и можно объяснить, то объяснить лишь «мѣщанской тупостью», пожалуй..
ОНЪ.

«Одесскій Листокъ», 14 окт. 1909 г. № 235.

Малехькій фельетокъ.

Изъ записной книжки пессимиста.

Господинъ Онъ не можетъ забыть д-ра Діатроптова и его сыворотки.

Сыворотка д-ра Діатроптова! Я не знаю, за что ее такъ хвалятъ.

Преемники Діатроптова дѣлаютъ сыворотку, отъ вспрыскиванія которой больные остаются въ постели три лишнихъ мѣсяца.

Сыворотка же Діатроптова вспрыскивалась не больнымъ, а здоровымъ, и нерѣдко приводила ихъ на висѣлицу.

Преимущество несомнѣнное, конечно.

ПЕССИМИСТЪ.

«Русская Рѣчь», четв. 15 окт. № 1149.

Газетная порядочность.

Открытое письмо сотрудникамъ и подпольному редактору „Одесскихъ Новостей“ г. Хейфецу.

Мы получили отъ д-ра Л. Я. Майзельса слѣд. строки съ просьбой напечатать ихъ въ нашей газетѣ.

Милостивый Государь, г. редакторъ!

Не откажите въ любезности напечатать прилагаемое письмо. Простите, что я васъ безпокою дѣломъ, касающимся не вашей газеты, но у меня другого способа нѣтъ: Редакція «Одесскихъ Новостей» этого письма не напечатаетъ, а довести до

свѣдѣнія сотрудниковъ и читающей публики о возмутительномъ фактѣ, я считаю своимъ долгомъ.

Я, со времени перехода «Одесскихъ Новостей» въ руки д-ра А. С. Эрманса,—постоянный читатель этой газеты и былъ, правда временнымъ, сотрудникомъ ея въ качествѣ официального корреспондента газеты съ международного съѣзда врачей въ Москвѣ въ 1897 году: «Врачъ» — подпись, которая значилась подъ тогдашними корреспонденціями, была моя.

Постоянный читатель всегда сживается съ традиціями своей газеты и онѣ являются, если можно такъ выразиться, какъ-бы отраженіемъ его личнаго credo и обратно. До моего несчастнаго дѣла съ г. Гамбургеромъ я, лишь со словъ другихъ, слышалъ о диктатурѣ г. Хейфеца въ газетной республикѣ «Одесскихъ Новостей», но самому мнѣ сталкиваться съ этой диктатурой не приходилось. Когда я рѣшилъ вызвать г. Гамбургера на судъ чести, я, не зная, какъ это дѣлается, обратился къ сотруднику «Од. Новостей», г. Я. С. Балабану, моему старому пріятелю, съ просьбою помѣстить мое открытое письмо г. Гамбургеру, въ коемъ я его вызываю на дуэль будущаго, по счастливому выраженію прив.-доцента Я. Ю. Бардаха,—на словесный турниръ. Г. Балабанъ, прочитавъ мое письмо, сказалъ, что письмо, вѣроятно, будетъ напечатано, но онъ самъ не можетъ рѣшить вопроса о помѣщеніи моего письма, а посоветуется съ редакторомъ—г. Хейфецомъ.

На другой день, утромъ, я явился въ редакцію и засталъ, по словамъ служителя, г. редактора. Это оказался—г. Хейфець. Я обратился къ нему съ вопросомъ, не передавалъ-ли ему Я. С. моего письма. Г. Хейфець отвѣтилъ отрицательно, но на столѣ г. Балабана мы нашли мое письмо. Прочитавъ его, онъ рѣзко и категорически сказалъ, что письма онъ не напечатаетъ, такъ какъ это — личное столкновеніе мое съ г. Гамбургеромъ и никакого общественнаго интереса оно не представляетъ.

«А если-бы къ вамъ явился обыватель съ жалобой на меня, какъ на врача, вы-бы напечатали его письмо? Вѣдь это тоже личное его дѣло со мною? Сегодня въ вашей газетѣ помѣщено такое письмо».

— Я вамъ сказалъ, что не напечатаю и больше объясненій давать вамъ не долженъ.

«Но какъ-же мнѣ поступить? Я никогда въ судъ чести не участвовалъ—научите».

— Вы должны вызвать на судъ чести своего противника не при помощи газеты, а пославъ кого-нибудь изъ своихъ друзей; если-же онъ отклонитъ ваше предложеніе, тогда опишите ваше дѣло и мы напечатаемъ.

«То-есть, какъ же это? Тогда значитъ мое дѣло пріобрѣтетъ уже общественный интересъ? Впрочемъ, я вамъ очень благодаренъ за совѣтъ. Мнѣ нужно было только узнать порядокъ вызова на дуэль».

Я предпочелъ вмѣсто преподаннаго совѣта, послать г. Гамбургеру письмо, которое я хотѣлъ напечатать въ «Одесскихъ Новостяхъ», чрезъ нотариуса, чтобы точно формулировать свои обвиненія и условія, и чтобы остался слѣдъ моихъ дѣйствій.

Когда потомъ, вслѣдствіе моей ошибки, я принялъ болѣзнь, описанную въ фельетонѣ г. Калия за болѣзнь, которую перенесла моя больная — г-жа Гамбургеръ, по поводу которой (болѣзни) я вызвалъ на судъ чести г. Гамбургера и возникла полемика между мною, г. Калиемъ и г. Гамбургеромъ, вся эта курьезная и печальная исторія, естественно, была обойдена молчаніемъ «Од. Новостями».

Но вотъ судъ конченъ; вердиктъ суда произнесенъ и копія его у меня въ рукахъ. Мнѣ необходимо возстановить мое ошельманное профессиональное имя.

Я явился въ редакцію «Одесскихъ Новостей», какъ и въ редакціи другихъ уважаемыхъ мною газетъ съ этимъ рѣшеніемъ, и что-же?

Всѣ газеты, ни слова не говоря, приняли мою бумагу для помѣщенія въ текстъ, лишь въ устахъ подпольнаго редактора «Одесскихъ Новостей» — г. Хейфеца я снова услышалъ, какъ въ оперѣ Вагнера, прежній лейтъ-мотивъ: «Ваше дѣло не представляетъ общественнаго интереса, и мы вердикта о немъ не напечатаетъ».

Послѣ продолжительныхъ переговоровъ г. Хейфецъ предложилъ мнѣ, правда, условно, напечатать вердиктъ, если я во вступленіи опишу дѣло, а въ заключеніи напишу, что, молъ, вотъ какъ нужно быть осторожнымъ гг. обывателямъ съ распространеніемъ ложныхъ слуховъ и т. д., но я противъ этого предложенія возразилъ, что въ настоящее время, когда судъ конченъ, я ничего кромѣ вердикта печатать не желаю и права не имѣю, тогда г. подпольный редакторъ категорически заявилъ о своемъ отказѣ печатать вердиктъ суда. — Пригрозивъ г. Хейфецу, что я напечатаю вердиктъ въ объявленіяхъ «Одесскихъ Новостей» на первой страницѣ, я ушелъ въ контору редакціи «Одесскихъ Новостей», гдѣ съ меня захотѣли такъ дорого, что я рѣшилъ обойтись безъ той газеты, которую я читаю и мнѣніемъ которой я дорожу, разъ вердиктъ будетъ напечатанъ въ другихъ газетахъ.

Послѣ моего ухода г. Хейфецъ на память составилъ свою замѣтку петитомъ:

«Лишнее доказательство того и т. д.», помѣщенную въ субботнемъ номерѣ отъ 10-го октября.

Г. Хейфецъ! Во-первыхъ, противъ пользованія мною, какъ репортеромъ Вашимъ, я энергично протестую! Во-вторыхъ, если Вы намѣрены были составить замѣтку о моемъ, не имѣющемъ, по Вашему мнѣнію, общественнаго значенія дѣлѣ, то не переверайте фамилій, а то профессоръ Слешинскій вышелъ у васъ Кишенскимъ, — ошибка для васъ дѣйствительно «досадная», такъ

какъ «ex ungue leonem» ясно было, что авторъ замѣтки *не я*, ибо фамилія профессора И. В. Слешинскаго мнѣ слишкомъ врѣзалась съ благодарностью въ мою душу и я ошибиться не могъ. Между тѣмъ, не будь этой «досадной» ошибки, можно было-бы эту репортерскую замѣтку приписать мнѣ; посему порядочность требовала, чтобы вы ее, г. подпольный редакторъ, подписали полностью своей фамиліей, или совсѣмъ не помѣщали, разъ даже вердиктъ суда подвергнуть вами остракизму.

Подъ «Одесскими Новостями» значатся двѣ фамиліи—«редакторъ П. Т. Герцо-Виноградскій» и «издатель—администрація по дѣламъ А. С. Эрманса». Знаютъ-ли они, что продѣлываетъ ихъ Бисмаркъ, ихъ канцлеръ, наложившій свою желѣзную лапъ на все редакціонное дѣло «Одесскихъ Новостей»? Меня интересуетъ, того-ли мнѣнія уважаемые мною гг. Лознгринъ, Кинъ, Янъ, Сѣдой, Незнакомецъ, Аркадій Аверченко, докторъ Цѣновскій и другіе сотрудники «Одесскихъ Новостей», или взгляды ихъ на это дѣло нѣсколько отличается отъ ихъ старшаго между равными, ихъ подпольнаго канцлера редакціи?

Я много лѣтъ привыкъ относиться съ уваженіемъ къ своему органу; я по утрамъ прочитывалъ «свою» газету, словно побесѣдовалъ съ другомъ, и вдругъ я взглянулъ поглубже въ душу своему другу и въ ней оказалась большая трещина. Посмотрѣлъ я туда — и вмѣсто того хорошаго, за что я жаль ему руку, за что я вель пріятныя бесѣды по утрамъ, увидѣлъ, что тамъ сидитъ г. Хейфець съ желѣзной диктатурой и подъ чужими подписями уничтожаетъ законы газетной порядочности. Я ужаснулся и почелъ долгомъ написать это письмо.

Докторъ ЛЕВЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ МАЙЗЕЛЬСЪ.
«Одесскій Листокъ», четвергъ 15 окт. 1909 г. № 235.

Маленькій фельетонъ.

Изъ записной книжки пессимиста.

Присяжный повѣренный Гамбургеръ не только «бушмень», но и «каннибалъ».

Кромѣ того, онъ прямой потомокъ Хама.

За вѣрность этой генеалогіи господина Гамбургера ручается старикашка Сѣдой.

Затѣмъ г. Гамбургеръ еще и «духовный санкюлотъ».

Это, видите-ли, отсыпано ему «Одесскими Новостями» за то, что злополучный адвокатъ завопилъ караулъ, когда докторъ Лейба Майзельсъ чуть было не отправилъ на тотъ свѣтъ его супругу.

И за то, что г. Гамбургеръ привѣтствуетъ «кулачную расправу съ газетными работниками, какъ единственно доступный его культиурному уровню способъ доказательствъ».

Ага!

Но... помните, г. Сѣдой, какъ вы вопили, когда Зайченко огрѣлъ Цѣновскаго по затылку, или когда «нѣкіе» люди выработывали дубленіемъ чью-то ослиную шкуру въ корридорахъ театра?

Вы называли ихъ «хулиганами», «отребьемъ рода человѣческаго», «кретинами»...

Но вѣдь господинъ Гамбургеръ — юристъ, человѣкъ общества. И все таки онъ высказываетъ убѣжденіе, что это — единственный способъ аргументаціи, который могутъ воспринять тонкіе умы сотрудниковъ «Од. Новостей».

И по существу г. Гамбургеръ правъ. Онъ имѣетъ право сослаться на историческіе аргументы, полученные въ свое время Цѣновскимъ, Лоэнгриномъ и Хейфецомъ. Быть можетъ вскорѣ наступитъ очередь Сѣдого подтвердить справедливость теоріи г. Гамбургера. Тогда Сѣдой пригласитъ Лейбу Майзельса и Стефанскаго.

Да, Сѣдой говорить еще, что вступать въ споръ съ г. Гамбургеромъ ему мѣшаетъ «его личное и его профессиональное достоинство».

У обыкновеннаго честнаго человѣка бываетъ одно достоинство—человѣческое.

Но у Сѣдого—натура сложная и у него—два достоинства.

Личное—не мѣшало ему творить возмутительнѣйшія подлости въ убѣжищѣ для литераторовъ въ 1905 г., а профессиональное...

Не будемъ, однако, говорить о профессиональномъ достоинствѣ жидовскихъ литераторовъ—эта тема деликатная...

Тѣмъ болѣе, что, по ея словамъ, она была вдохновлена писаніями Лоэнгрина.

ПЕССИМИСТЪ.

«Русская Рѣчь», пятница 16 окт. 1909 г. № 1150.

Дневникъ журналиста.

16 октября.

Про обывателя.

Не взирая на всѣ внѣшніе атрибуты умственной резиденціи, — университетъ, нѣсколько большихъ газетъ, множество представителей либеральныхъ профессій, — Одесса издавна славится мѣщанскимъ городомъ, лишеннымъ той атмосферы изысканной культурности, которая придаетъ специфическую привлекательность любому европейскому интеллигентному центру. Объясняется ли это сравнительной молодостью здѣшняго города, не успѣвшего еще накопить необходимаго запаса культурныхъ тра-

дицій, неблагопріятнымъ ли стеченіемъ, такъ называемыхъ, независящихъ причинъ или же его слишкомъ коммерческой фізіономіей, но, вполнѣ безспорно, что духовные интересы средняго одесскаго обывателя до сей поры немногимъ разнятся отъ таковыхъ же интересовъ коренного хотинца или царезококшайца. И почти на одинаковомъ уровнѣ стоитъ его пониманіе фактовъ дѣйствительности...

Удивительно ли, что до недавняго прошлаго даже одесскія газеты носили особый отпечатокъ непроходимаго провинціализма, вмѣщая въ себѣ въ большемъ масштабѣ всѣ смѣшныя и слабыя стороны захолустныхъ листковъ? Да и сейчасъ раздуваніе мелкаго обывательскаго столкновенія до размѣровъ огромнаго событія дня, воспроизведеніе въ печати всяческихъ уличныхъ и ресторанныхъ сплетень, преслѣдованіе частныхъ, лицъ ни въ какомъ отношеніи не заслуживающихъ общественнаго вниманія, добровольное прислуживаніе къ отдѣльнымъ вліятельнымъ горожанамъ составляетъ преимущественную пищу, которою питаетъ читателя часть мѣстной печати. И если справедливо утвержденіе, что газеты оказываютъ постепенное вліяніе на обывательскую психику, то, пожалуй, изрядная доля отвѣтственности за мелкій ростъ одесскихъ умственныхъ потребностей падаетъ на иныхъ здѣшнихъ газетныхъ предпринимателей, отравлявшихъ обывательскіе мозги въ продолженіе долгой эпохи своего былого господства на газетномъ рынкѣ всякимъ духовнымъ соромъ и грязью. Это они воспитали въ миломъ одесскомъ обывателѣ увѣренность, что каждый скандальный случай, коего онъ является активнымъ или пассивнымъ участникомъ, представляетъ интересъ настолько выдающійся, что газета обѣими руками должна ухватиться за него и предпочесть его муссированіе всѣмъ политическимъ и общественнымъ событіямъ дня.

Ну что, въ самомъ дѣлѣ, можно требовать отъ какого-нибудь доктора Майзельса, съ мѣщанской невозмутимостью полностью выписывающаго подъ печатнымъ письмомъ свое имя и отчество—почему бы и не адресъ уже заодно?—и выражающаго самое искреннее возмущеніе по поводу того, что нашъ «подпольный редакторъ» отказался дать мѣсто въ газетѣ его частному обращенію къ прис. пов. Гамбургеру, а затѣмъ и резолюціи третейскаго суда по ихъ дѣлу? Подумайте только! Онъ приученъ къ мысли, что любая обывательская передрыга составляетъ кладъ для одесской газеты традиціоннаго типа, онъ не въ состояніи разобратъся въ разницѣ между его, Майзельса, частнымъ дѣломъ и фактомъ общественнаго значенія, а тутъ ему указываютъ, что нѣтъ охоты и возможности утруждать читательское вниманіе ни для кого, въ концѣ концовъ, незанимательнымъ споромъ двухъ обывателей. Это ли еще не открытое попираніе всѣхъ мѣщанскихъ основъ и вѣрованій! И онъ не только ополчается на возмутительнаго «подпольнаго редактора», —язвительный эпитетъ этотъ кажется ему убійственнымъ, хотя

онъ въ такой же мѣрѣ приложимъ и къ проф. Милокову, скажемъ, руководящему пет. «Рѣчью», или къ Вл. Дорошевичу, «подпольно» стоящему во главѣ московскаго «Русск. Слова»,— но и требуетъ къ отвѣту остальныхъ сотрудниковъ газеты, которыхъ онъ даже «уважаетъ». Отъ лица этихъ «уважаемыхъ» имъ сотрудниковъ я долженъ, однако, огорчить его признаніемъ, что мы не только вполне одобряемъ въ этомъ случаѣ образъ дѣйствій нашего «подпольнаго редактора», а находимъ даже, что послѣдній и не могъ иначе поступить, не злоупотребивъ своимъ положеніемъ во вредъ достоинству газеты. Ибо какъ намъ ни прискорбно потерять уваженіе доктора Майзельса, но мы смѣемъ думать, что обывательщинѣ со всѣми ея скандалами, суетными претензіями и провинціальными сплетнями не должно быть мѣста на столбцахъ уважающаго себя органа...

Впрочемъ, я далекъ отъ мысли убѣдить хотя бы одного одесскаго обывателя въ неприличіи претензій, основанныхъ на отказѣ газеты вмѣшаться въ препирательства частныхъ лицъ. Наслоенія годовъ не уничтожаются такъ быстро и легко. Тѣмъ болѣе, что въ образованіи этихъ наслоеній такое дѣятельное участіе принимали и принимаютъ газеты же. Пусть дрянныя и не совсѣмъ приличныя газеты, но онѣ какъ разъ въ уровень основательному одесситу, охотно подчиняющемуся ихъ указкѣ. И, признаться, я начинаю раскаиваться, что постарался выдѣлать общественную сторону инцидентовъ между врачами и пациентами и, хоть съ этой точки зрѣнія, коснулся на дняхъ этой обывательской темы. Неожиданно для самого себя я оказался атакованнымъ всѣми газетными отбросами, воспользовавшимися моей невинной замѣткой для невѣроятныхъ гнусностей и клеветническихъ выпадовъ. Положительно,—правъ мой анонимный корреспондентъ, обратившійся ко мнѣ съ трогательнымъ письмомъ, отрывки изъ котораго я позволю себѣ привести здѣсь...

— «Мнѣ жаль васъ,—пишетъ этотъ доброжелатель, скрывшій отъ меня свое имя,—жалъ вашихъ силъ, уходящихъ на вѣтеръ. Вы мало бережетесь, и климатъ провинціи незамѣтно приспособляетъ васъ къ своимъ жалкимъ потребностямъ. Скажемъ, и время такое подошло, что даже живому человѣку трудно удержаться на поверхности болота, но развѣ усилившаяся опасность не обязываетъ къ большей осмотрительности? Остерегайтесь же мѣстныхъ темъ. Каждая изъ нихъ ничтожна по существу, а между тѣмъ, она сталкиваетъ васъ лицомъ къ лицу съ омерзительной обывательщиной, противъ которой вы безсильны бороться обычнымъ оружіемъ культурныхъ доводовъ. Вы замѣтте! Вамъ охотно простятъ здѣсь какую угодно дикую выходку противъ міровой правды, но стоитъ вамъ коснуться въ недостаточно почтительномъ тонѣ прегрѣшеній какой-нибудь вліятельной здѣшной лягушки, какъ вы обречены брани, клеветѣ и злословію. Правда, этотъ результатъ не можетъ васъ особенно страшить. Какой толкъ, однако, въ вашихъ стараніяхъ, разъ

они приводятъ всего только къ демонстраціи наиболѣе отталкивающихъ свойствъ мѣщанскаго обихода?...

— «Вы читаете мое письмо съ изумленіемъ? Но почему мнѣ, искренне расположенному къ вамъ читателю вашему, нельзя дать вамъ добраго совѣта? И я еще разъ осмѣливаюсь повторить вамъ его,—по возможности, избѣгайте мѣстныхъ темъ! И ужъ, во всякомъ случаѣ, не ввязывайтесь въ полемику по поводу затронутыхъ вами мѣстныхъ злобъ дня! Вы, быть можетъ, догадываетесь, почему я именно нынче счелъ нужнымъ написать вамъ? Конечно, я довѣряю вашему такту и имѣлъ основаніе думать, что вы и такъ не унизитесь до газетной схватки съ субъектами, щеголяющими своей лакейской выправкой, но все же, мнѣ казалось, вамъ будетъ пріятно узнать, что иные изъ вашихъ читателей вполне солидарны съ вами вашему такту, и имѣю основаніе думать, что въ этомъ случаѣ, разъ вы рѣшаетесь растормошить хотя бы одну лужицу здѣшняго болота, вы тѣмъ самымъ обрушиваете на свою голову потокъ самой грубой и безцеремонной брани, клеветы, сплетенъ, доносовъ, чего угодно. Что вы въ состояніи противопоставить такому сюрпризу? Да ровно ничего такого, что бы могло васъ избавить отъ дальнѣйшаго потока еще худшей брани и клеветы. Стоитъ ли игра свѣчъ,—признайтесь откровенно?»

Стоитъ ли игра свѣчъ? Кто его знаетъ. Старые опытные публицисты утверждаютъ, что ни одно печатное слово не пропадаетъ зря. Будемъ имъ вѣрить! Тѣмъ болѣе, что нельзя повернуться спиной къ многотысячной обывательской массѣ. Тогда ужъ лучше просто поставить крестъ на своемъ газетномъ прищѣ...

СЪДОЙ.

«Одесскія Новости», 16 окт., 1909 г. № 7941.

Сыворотка одес. бактериологической станціи.

Въ херсонскомъ уѣздн. совѣщаніи врачей д-ръ Поляковъ, какъ намъ пишутъ, обратилъ, между прочимъ, вниманіе на **недоброкачественность сыворотки, получаемой изъ одесской бактериологической станціи**. Качество ея, по словамъ г. Полякова, настолько плохое, что приходится часто прибѣгать къ повторнымъ вспрыскиваніямъ; **нерѣдки случаи, когда одесская сыворотка вызываетъ многія осложненія**. Послѣднее подтвердилъ также д-ръ Германъ, который указалъ на явное преимущество сыворотки, выписываемой изъ Харькова. Совѣщаніе рѣшило, чтобы врачи, наблюдавшіе недоброкачественность одесской сыворотки, дали свое заключеніе уѣзд. управѣ, которая снесется по этому поводу съ Одес. бактериологической станціей. Рядомъ съ этимъ, въ цѣляхъ установленія дѣйствительной недоброкачественности одес. сыворотки, постановлено примѣнять параллельно съ одесской сывороткой также сыворотку, выписываемую изъ Харькова,

въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сейчасъ свирѣпствуетъ эпидемія дифтерита.

«Одесскія Новости», 16 окт., 1909 г. № 7941.

«Умственная резиденція».

Г. Сѣдой изъ «Одес. Нов.», послѣ того, какъ ихъ отчитали гг. Гамбургеръ и Майзельсъ, впалъ въ черную меланхолю и договорился до «умственной резиденціи».

Серьезно.

Вотъ начало вчерашняго «дневника» г. Сѣдого:

«Не взирая на всѣ внѣшніе атрибуты умственной резиденціи... Одесса издавна слыветъ мѣщанскимъ городомъ».

Такъ-таки и написано: «Умственная резиденція» и притомъ еще съ атрибутами и, вѣроятно, довольно скромными, ибо безъ одного «т».

Далѣе слѣдуетъ скорбь и скорбь о томъ, что провинціальная печать занята «преслѣдованіемъ частныхъ лицъ, ни въ какомъ отношеніи не заслуживающихъ общественнаго вниманія», и на ряду съ этимъ идетъ брань по адресу д-ра Майзельса, которому самъ подпольный редакторъ г. Сѣдого г. Хейфець заявилъ, что его дѣло не имѣетъ общественнаго значенія.

И все въ этакомъ родѣ у г. Сѣдого.

Печать занята обывательскими вопросами—это скверно, а самъ ввязывается съ бранью въ «обывательскую» исторію гг. Гамбургера, Майзельса, Стефанскаго и Навроцкаго.

— Все время твердитъ о томъ, что обывательскіе вопросы мелки и ихъ не должно касаться. Въ подтвержденіе этого г. Сѣдой цитируетъ даже «трогательное письмо» своего читателя, о которомъ говоритъ, что читатель «положительно правъ».

Вотъ строки этого письма:

«Жаль вашихъ силъ, уходящихъ на вѣтеръ. Вы мало бережетесь, и климатъ провинціи не замѣтно приспособляетъ васъ къ своимъ жалкимъ потребностямъ... Остерегайтесь-же мѣстныхъ темъ. Каждая изъ нихъ ничтожна по существу...»

И вдругъ, изъ всего этого г. Сѣдой какимъ-то, вѣроятно любопытнымъ для психіатра, логическимъ процессомъ приходитъ въ концѣ фельетона совершенно неожиданно къ слѣдующему выводу:

«Нельзя повернуться спиной къ многотысячной обывательской массѣ. Тогда ужъ лучше просто поставить крестъ на своемъ газетномъ поприщѣ»...

Однимъ словомъ, въ огородѣ бузина, а въ Кіевѣ дядько.

И къ этимъ логическимъ абсурдамъ приводятъ потуги взлѣзть куда-то, чтобы казаться повыше, что при безграмотности и недалекости даетъ прямо таки комичные результаты.

Вотъ одинъ изъ этихъ комичныхъ результатовъ.

Читатель, о котором г. Сѣдой говоритъ, что онъ «положительно правъ» и письмо котораго онъ воспроизводитъ, увѣряетъ, съ одобренія г. Сѣдого, что «климатъ провинціи» г. Сѣдому вреденъ.

А въ какомъ «климатѣ» вы, г. Сѣдой, пребывали раньше? Развѣ въ Верхнеднѣпровскѣ столичный климатъ?

Смѣхота, да и только.

Смѣшно все: и стремленіе такимъ простымъ способомъ попасть въ «столичные», и желаніе объяснить свою пустяковину «климатомъ провинціи».

Оно напоминаетъ анекдотическаго солдата изъ Ташкента:

— Почемъ, баба, игла?

— На копѣйку четыре иголки, служивый.

— Дешево, а у насъ, вонъ, въ Ташкентѣ по копѣйкѣ за иглу дерутъ.

— Что такъ?

— Климатъ другой...

Почему вы, г. Сѣдой, путаете все время?

Климатъ одесскій...

Но это явная напраслина на одесскій климатъ: онъ вовсе не повиненъ во вздорѣ г. Сѣдого, въ томъ, что г. Сѣдой не «столичный» и употребляетъ иностранныя слова ни къ селу, ни къ городу.

Я увѣренъ, что климатъ одесскій не повиненъ и въ «умственной везиденціи».

Въ этомъ скорѣе всего можно обвинить «умственную резиденцію» г. Сѣдого, которая, внѣ всякаго сомнѣнія, необитаема.
ОНЪ.

«Одесскій Листокъ» 17-го окт. 1909 г. № 237.

Дни нашей жизни.

Я не зналъ до сихъ поръ, какое это опасное средство—антидизентерійная сыворотка.

Она вызываетъ какое-то эпидемическое заболѣваніе.

Стоитъ заболѣть дизентеріей одному человѣку, стоитъ этому человѣку привить сыворотку, какъ всѣ окружающіе заболѣвають дизентеріей...

Послѣ г-жи Навроцкой заболѣли литературной дизентеріей г. Онъ, д-ръ Майзельсъ и прис. пов. Гамбургеръ.

Особенно сильно заболѣлъ д-ръ Майзельсъ.

И результатами «болѣзни» наполнены теперь столбцы большихъ газетъ.

Въ пароксизмѣ этой болѣзни каждый спѣшитъ «излить» свои мысли...

Другъ на друга ожесточенно нападаютъ...

Хватаютъ другъ друга за чубы.

Таковы «сывороточныя явленія» въ здоровыхъ организмахъ послѣ впрыскиванія сывотки...

Деритесь, господа, «изливайте» свои чувства, но какое дѣло читателямъ до вашихъ литературныхъ изверженій...

ФАУСТЪ.

«Одесская Почта» 18 окт. 1909 г.

ЗАЩИТНИКИ.

(Картинки изъ редакціонной жизни „Одес. Новостей“).

Картина I.

Хейфець (одинъ). Мнѣ опять какъ-то не по себѣ... Состояніе — будто послѣ полета на воздушномъ шарѣ.—А между тѣмъ... чего мнѣ въ самомъ дѣлѣ недостаетъ? Газета въ моихъ рукахъ, Эрмансъ — тоже; жалованье я себѣ назначилъ отличное; въ администраціи я неограниченный властелинъ, хотя и сторонникъ европейскихъ конституцій... талантъ у меня общепризнанный: мои печатные труды: «О патентованныхъ средствахъ для истребленія мухъ» и «Объ умѣнїи обвѣшивать покупателей при помощи точныхъ аптекарскихъ вѣсовъ» извѣстны всѣмъ аптекарскимъ магазинамъ далеко за предѣлами Екатерининской улицы... У меня въ распоряженіи такая крупная общественная сила, какъ Сѣдой... Наконецъ, у меня есть Буллеръ! Мой вѣрный песь Буллеръ... Славный мой! Хочешь печенки?

Буллеръ (изъ подъ стола). Рррр. Тявь! Рявь!

Сѣдой (вбѣгая изъ сосѣдней комнаты). Чего изволите?

Хейфець. Это не я. Это Буллеръ. А все-таки, кстати... вы хорошо сдѣлали, что прибѣжали: нарѣжьте-ка Буллеру на окнѣ еще немного печенки и положите въ миску. Только вымойте, пожалуйста, сначала руки, а то Буллеръ не будетъ ѣсть.

Сѣдой. Слушаю-съ. (*Рѣжетъ печенку*). А вы, Израиль Мойсеевичъ, изволили сегодня читать «Одесскій Листокъ»? Съ докторами затѣяли ссору... Говорятъ, что докторъ Стефанскій впрыснулъ одной больной несвѣжую сметану во внутрь, такъ что у той отравленіе сдѣлалось. Интересная исторія. Вотъ-бы намъ пристегнуться.

Хейфець. Какую это вы сказали сметану?

Сѣдой. Извѣстно какую. Ту самую, фунтъ которой 24 коп. стоитъ. А Стефанскій, подумайте, 11 рублей взялъ вмѣсто 24 копѣекъ! Вотъ «Листокъ» и сердится.

Хейфець. Вранье. Вы навѣрно опять что-нибудь перепутали. И когда это, скажите на милость, вы станете у меня образованнѣе? А?

Сѣдой (робко). Я... я уже словарь иностранныхъ словъ Гавкина до буквы «К» дочиталъ. Честное слово. Вотъ, скажу вамъ, интересно! Цѣлый міръ передъ вами открывается! Аккли-

матизація, ассенизація, адаптація, агрегація, аффектація, аберація, апперцепція, антиномія, агрономія, астрономія, ауспиція... Чего, чего, Господи, только тамъ нѣтъ! Я на завтра хочу пустить слова: компрегенція, конъюнктивный и коррелятивный. Вотъ только темы для этихъ словъ еще не нашель, а то такъ сейчасъ подъ номеромъ МММММСССССVIII и пойдетъ «Дневникъ журналиста»...

Хейфець. Полно чепуху молоть. Дайте-ка № «Одесскаго Листка» и передвиньте подстилку Буллера подальше отъ окна; оттуда дуетъ... Такъ... Вы говорите вспрыснули сметану? Такъ... такъ... вотъ: «антидизентерійная сыворотка, по всей вѣроятности, была не свѣжая и не берлинской фирмы Höchst'a, а должно быть мѣстнаго изготовленія». Послушайте, Сѣдой! Я такъ и зналъ, что вы наврете! Гдѣ тутъ, скажите пожалуйста, сметана? Сыворотка, а не сметана, чортъ подери!... О-охъ... Ну, слушайте, мы будемъ дѣйствовать такъ: въ «Листкѣ», навѣрно, станутъ защищать на дняхъ доктора Майзельса для сравненія его со Стефанскимъ. Вотъ вы и возьмите противника Майзельса—Гамбургера подъ нашу защиту. Поняли?

Сѣдой. Хе-хе. Не понятъ! Даромъ развѣ вы меня держите? Я готовъ на что угодно... Меня, вѣдь, ни въ одну редакцію кромѣ вашей не примуть... Я это цѣню. Все будетъ какъ слѣдуетъ, не безпокойтесь!..

Хейфець (повелительно). Ну! *(Сѣдой быстро исчезаетъ).*

Картина II.

Прис. повѣр. Гамбургеръ (у входа въ кабинетъ редактора. Волнуясь). Сторожъ! Гдѣ здѣсь редакторъ Герцо-Виноградскій?

Сторожъ (улыбаясь). Что вы? Здѣсь редактора Герцо-Виноградскаго испоконъ вѣковъ не было.

Гамбургеръ. Какъ нѣтъ? А кто редакторъ? Вѣдь написано-же въ газетѣ, что редакторъ Герцо-Виноградскій!

Сторожъ. Это, баринъ, мало того, что пишутъ. На то у насъ и газета, чтобы писать. Г. Герцо-Виноградскій здѣсь, правда, есть, но только на случай смерти чьей-нибудь или юбилея... А настоящій редакторъ у насъ Хейфець.

Гамбургеръ. Вотъ, передайте ему карточку. *(Проходитъ нѣсколько минутъ. Изъ кабинета слышится лай, жалобный голосъ сотрудника и крики Хейфеца. Гамбургера требуютъ въ кабинетъ).*

Хейфець (къ Лознгрину). Такъ смотрите!... Чтобы это у меня въ послѣдній разъ было! Довольно символизма, спросъ прошелъ! А то каждый день: г-жа Пошлость, г-жа Глупость, г-нъ Голодь... Прямо тошнить. И кому это теперь нужно, чортъ подери?

Лоэнгринъ. Да я... я... какъ раньше... Вѣдь!... все прекрасное и все красивое основано на контрастахъ и противоположностяхъ... Современныя теченія, получившія источникъ въ символическихъ формахъ творчества...

Хейфецъ. Довольно, сказалъ я вамъ! Ступайте, ступайте!... *(Жалобно смотря на Буллера)*. И что я буду дѣлать съ этимъ символистомъ? *(Обращаясь къ Гамбургеру, любезно извиняясь)*. А! Очень радъ... Мы съ большимъ удовольствіемъ взяли вашу сторону... Вы знаете... Этотъ «Листокъ»...

Гамбургеръ. Я хотѣлъ-бы васъ попросить, милостивый государь, меня больше не защищать! Слышите? Еще одинъ разъ— и, честное слово, вспомните вы тургеневскаго журналиста! Защитники! Кто васъ просилъ? Смотрите вы у меня! Воздухоплаватели! *(Уходитъ. Нѣмая картина: Лоэнгринъ выпускаетъ изъ рукъ фельетонъ, который Буллеръ принимаетъ за старую подошву и начинаетъ грызть. У Хейфеца авіаторское выраженіе лица)*.

Картина III.

Сѣдой. Вотъ сегодня, Израиль Мойсеевичъ, въ «Листкѣ» письмо Гамбургера есть... Читали? Говоритъ, что я прохожимецъ... И Майзельса ругаетъ. Я-бы, знаете, хотѣлъ-бы взять Майзельса подъ свою защиту противъ Гамбургера. Какъ вы думаете?

Хейфецъ. Едва-ли стоитъ... Мы, вѣдь, не хотѣли раньше, мѣсяцъ назадъ, печатать письма Майзельса... А теперь... Удобно-ли? Какъ вы думаете? Буллеръ, кушъ на мѣсто!.. Чего чешешся? Г. Сѣдой! Почешите, пожалуйста, Буллера подъ правой ножкой... а то онъ не можетъ достать. Спасибо. Такъ вы думаете стоитъ защищать Майзельса?

Сѣдой. Конечно. Какъ-же намъ не принять участіе въ полемикѣ, если насъ никто не вызываетъ къ этому? Непремѣнно нужно. Я напишу. У меня и слова на «М» уже выучены; материализмъ, мегаломанія, метагеометрія, метафизика, мастурбація, мотивація... Очень недурно выйдетъ, вы увидите! *(Получая разрѣшеніе, идетъ въ свой кабинетъ писать, осторожно, прикрывая за собою дверь и вставивъ предварительно между половинками своей пальцы, чтобы дверь не хлопнула отъ сквозняка)*.

Картина IV.

Д-ръ Майзельсъ. *(Входя въ кабинетъ редактора. Къ Хейфецу)*. Вы редакторъ—Герцо-Виноградскій?

Хейфецъ. Я редакторъ, а вотъ это—Герцо-Виноградскій. Петя... выйдите-ка отсюда! *(Герцо-Виноградскій уходитъ)*. Чѣмъ могу служить?

Майзельсъ. Я докторъ Майзельсъ.

Хейфецъ *(извиняясь)*. А! Очень пріятно...

Майзельсъ. Я вамъ дамъ очень пріятно!

Хейфець (*удивленно*). Позвольте... мы вѣдь васъ защищали, кажется? Г. Сѣдой во всякомъ случаѣ писалъ, что вы...

Майзельсъ. Скажите вашему Сѣдому, что не совѣтую ему попадаться мнѣ на улицѣ... береть меня подъ свое покровительство! Кто его просилъ? Я самъ согласенъ съ тѣмъ, что мой несчастный случай съ прививкой — печаленъ. А онъ увѣряетъ, что протестовать противъ несчастныхъ случаевъ — мѣщанство. Тоже дворянинъ нашелся! Я ему... вспрысну, будетъ онъ знать у меня... До свиданія!

Картина V.

Сѣдой. Прекрасный случай, Израиль Мойсеевичъ!

Хейфець. Э?

Сѣдой. А вотъ... письмо д-ра Стефанскаго. Привлекаетъ «Листокъ». Нужно непременно стать на его сторону, какъ вы думаете?

Хейфець. Ага...

Сѣдой. Согласны?

Хейфець. Эге.

Сѣдой. Слушаю-съ. Предоставляете, значитъ, разработку вопроса мнѣ?

Хейфець. Э! (*Киваетъ головой*).

Картина VI.

Д-ръ Стефанскій (*въ кабинетъ редактора*). Кто у васъ Сѣдой?

Хейфець. Это есть такой у насъ... талантливый сотрудникъ.

Стефанскій. Нечего сказать, талантливый. Ахъ онъ бол... болгардецъ! И чего полѣзъ не въ свое дѣло? Смотрите, написатъ: «случаи, подобно описаннымъ въ «Листкѣ», бываютъ у Стефанскаго сплошь да рядомъ». А? Какъ вамъ нравится? Это у меня «сплошь да рядомъ»! Даже въ «Листкѣ» написали, что этотъ несчастный случай произошелъ только одинъ разъ... А вы... У меня, милостивый государь, практика-съ! У меня честное имя-съ! А онъ пишетъ: «сплошь да рядомъ». Не нашлось у васъ въ редакціи другого старика, поумнѣе что-ли? А? Кто ему позволилъ меня защищать? Въ коронный судъ васъ! Жаль, что не привелъ съ собой моего повѣреннаго г. Богомольца... Онъ-бы живо... Защитники! Авиаторы! Аптекари! Я вамъ покажу на коронномъ судѣ, какъ меня хвалить! Жаль, что нѣтъ Богомольца... Онъ бы вамъ... Газетчики! Щелкоперы! Бумагомараки!... Вотъ погодите...

(*Нѣмая картина: Стефанскій вытаскиваетъ изъ кармана шприцъ и бутылку антидизентерійной сыворотки. Хейфець падаетъ въ обморокъ. У Сѣдого выпадаютъ волосы. Буллеръ обню-*

живаетъ шприцъ Стефанскаго, лижетъ его языкомъ и немедленно издыхаетъ).

К о н е ц ъ .

КАЛИ.

«Одесскій Листокъ», воскресенье, 18 окт. 1909 г. № 738.

Письмо обывателя.

20 октября.

Про журналиста.

«... Нельзя повернуться спиной къ многотысячной обывательской массѣ. Тогда ужъ лучше просто поставить крестъ на своемъ газетномъ поприщѣ»...

«Дневникъ журналиста» 16-го октября.

Про обывателя»

«СЪДОЙ.»

„Лишнее доказательство того, съ какой осторожностью нужно относиться къ...“ *) писаніямъ одесскаго журналиста г. Сѣдого, служатъ «Два дневника журналиста» г. Сѣдого отъ 11 и отъ 16 октября. Въ какомъ изъ «Дневниковъ» онъ искрененъ и въ какомъ онъ вертитъ перомъ, словно лисица хвостомъ—одинъ Аллахъ вѣдаетъ. Впрочемъ, «il y a fagot et fagot»—въ Одессѣ у насъ, къ сожалѣнію, въ именующей себя либеральной газетой есть журналисты и журналисты. Одинъ—настолько щепетилень, что, если его и не думаютъ ни въ чемъ обвинять, онъ, съ больной головы на здоровую, лѣзетъ въ бой, подобно «bravo», другой—обвиняемый въ предосудительномъ для журналиста проступкѣ, подобно страусу, который прячетъ голову подъ свое крыло и увѣренъ, что охотникъ его не видитъ и опасности нѣтъ, прячется за спину своего воинственного «bravo» и увѣренъ, что, брошенное ему печатно въ лицо обвиненіе, блестяще отражено.

Начнемъ съ перваго. Этому газетному дворянину очень ужъ противно одесское мѣщанство и, какъ представитель великой печатной державы, онъ мнитъ себя всемогущимъ. Онъ опасается за мою врачебную репутацію и считаетъ большимъ порокомъ, что я подъ своими письмами подписываю полностью свое имя, отчество и фамилію, а не «Сѣдой», «Лысый» или «Рыжій», советуя мнѣ кстати сообщить публикѣ и свой адресъ. Я это дѣлаю, г. Сѣдой, но въ объявленіяхъ, въ вашей газетѣ, за что плачу вамъ деньги. Не бойтесь, г. Сѣдой, не такой рекламой создается врачебная практика, а упорнымъ долготѣннымъ трудомъ и любовью къ своему дѣлу. Неужели вы настолько наивны, что полагаете, будто достаточно подписаться подъ письмомъ, обличающемъ вашего «молчаливаго подпольнаго редактора» въ предосудительномъ для журналиста проступкѣ, чтобы больные немедленно бросились розыскивать по городу его автора? Не бойтесь за мою врачеб-

*) Хейфецъ. Замѣтка петитомъ. «Од. Нов.» № 7936.

ную репутацію, г. Сѣдой, она и такъ прочна. Если вы считаете, что наше дѣло съ г. Гамбургеромъ лишь «личная передряга», то это тоже признакъ вашей наивности. Слѣдствіемъ «нашей личной передряги» явился поднятый врачебнымъ совѣтомъ земскихъ врачей Херс. уѣзда вопросъ о **недоброкачественности приготовляемыхъ на нашей бактериологической станціи сыворотокъ**. Неужели, г. Сѣдой, это вопросъ тоже неимѣющей общаго значенія? По вашему мнѣнію, вѣроятно, споръ г. Хейфеца съ г-жей Лубковской и третейскій судъ между ними, которымъ г. Хейфець занималъ насъ цѣлыя недѣли въ своей газетѣ, имѣлъ большее общественное значеніе, чѣмъ вопросъ о злѣ, которое можетъ *невольно* причинить врачъ своему больному, и указаніе на корень этого зла? Какъ вы полагаете? Нѣтъ, г. Сѣдой, нельзя à vol d'oiseau судить о неизвѣстныхъ вамъ предметахъ и становиться цензоромъ нравовъ по приказанію своего принципала.

Сравнивая своего «подпольнаго молчальника» съ гордостью кадетской партіи профес. Милоковымъ и творцомъ идеальнаго фельетона Вл. Дорошевичемъ, Вы ему оказываете слишкомъ много чести. Между ними и Вашимъ Бисмаркомъ для редакціи «Одес. Новостей» и Мольтке для читателей—дистанціи огромнаго размѣра. Если Вы, *опросивши всѣхъ Вашихъ товарищей, отъ имени всѣхъ Вашихъ сотрудниковъ, вполне одобряете дѣйствія вашего „подпольнаго“ редактора и находите даже, что послѣдній и не могъ иначе поступить, не злоупотребивъ своимъ положеніемъ во вредъ достоинству газеты*, то мнѣ, къ сожалѣнію, приходится лишній разъ констатировать правильность русской поговорки — «Каковъ попъ—таковъ и приходъ».

Потеря уваженія *„какого нибудь доктора Майзельса“* для Васъ дѣйствительно не страшна, но не забудьте, что *„какой нибудь докторъ Майзельсъ“* есть та коллективная единица, которая Васъ читаетъ и Васъ кормитъ; о потерѣ-же уваженія этой коллективной единицы Вы сами изволили выразиться въ своемъ фельетонѣ, что „...нельзя повернуться спиной къ многотысячной обывательской массѣ. Тогда уже лучше поставить крестъ на своемъ газетномъ поприщѣ“...

Подумайте объ этомъ, уважаемый г. Сѣдой, на досугѣ. У Васъ библейскій, философскій образъ мысленія и Вы вышли изъ себя и потеряли свое обычное спокойствіе только по приказанію своего «молчаливаго подпольнаго редактора» и совершенно напрасно: не Васъ я думалъ, и не къ Вамъ было обращено мое слово, когда я обвинялъ Вашего принципала въ предосудительномъ поступкѣ и въ отсутствіи здраваго взгляда на вещи, необходимаго газетному дѣятелю. Ужъ очень некрасивую роль Вы сыграли въ этомъ дѣлѣ—по приказанію скрывающагося за Вашей спиной г. Хейфеца, который, подобно охотнику лягавой, крикнулъ Вамъ: «пиль!» и Вы вцѣпились въ горло *„какого нибудь доктора Майзельса“*, который предъ Вами только и виноватъ,

что разоблачилъ дѣйствія прикидывающагося либераломъ г. Хейфеца, и въ то-же время поступающаго подобно Китъ Китычу въ комедіи Островскаго, у котораго одинъ лозунгъ: «Ндраву моему не препятствуй!»

Revenons à moutons!

Перейдемъ къ другому журналисту.

Г. Хейфецъ! Неужели Вы думаете отыгаться въ молчанку? Неужели Вы думаете, что достаточно припугнуть обывателя рыканьемъ и шипѣніемъ наемнаго «bravo», чтобы Ваша репутация журналиста, которому брошено обвиненіе въ лицо, была восстановлена? Сломите печать молчанія, г. Хейфецъ! Вѣдь Ваше письмо въ редакцію Вамъ разрѣшаетъ напечатать въ «Одесскихъ Новостяхъ» и не заставятъ Васъ, какъ меня, обращаться въ контору редакціи, чтобы за большія деньги напечатать его на первой страницѣ объявленій!

Стыдно журналисту играть въ молчанку! Вѣдь Вы владѣете перомъ и прекрасно въ качествѣ «Стараго театрала» критикуете другихъ. Попробуйте хоть разъ отнестись критически къ себѣ и къ своимъ поступкамъ. Нельзя вѣдь журналисту окружать себя непроницаемой тайной и выслать въ бой ни въ чемъ неповинныхънаемныхъ «Сѣдыхъ», которые благодаря Вамъ попадаютъ въ просакъ.

Г. Хейфецъ! объясните, наконецъ, что Васъ побуждаетъ дѣлать рядъ непростительныхъ безтактностей. Васъ спрашиваетъ не «какой нибудь докторъ Майзельсъ» а коллективная единица—Вашъ читатель, читатель редактируемой Вами газеты.

Не богдыханъ-же Вы китайскій, никому не видимый и никѣмъ не слышанный! Нельзя, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, журналисту цѣнящему свое достоинство уподобиться страусу, или Вы, сидя на десятитысячномъ окладѣ, съ важностью слона въ баснѣ Крылова, считаете меня моськой?

Г. Хейфецъ, отвѣчайте!

Мнѣ извѣстна причина, побудившая Васъ поступить вопреки здравому разсудку и сдѣлать рядъ ошибокъ, рисующихъ съ некрасивой стороны газетнаго дѣятеля, стоящаго во главѣ распространенной газеты. Объясните лучше ее, во избѣжаніе криво толковъ, сами.

Докторъ Левъ Яковлевичъ МАЙЗЕЛЬСЪ.

«Одесскій Листокъ», среда, 21 окт., 1909 г., № 240.

Изъ записной книжки пессимиста.

Докторская эпопея начинается, мало по малу, затихать. Больные, которымъ, по выраженію Калія, вприснули «сметану», вмѣсто сыворотки, тоже успокоились, одни на кладбище, другіе на постеляхъ.

Полагаю, что всѣ эти медицинскія исторіи умножили число сторонниковъ гомеопатіи.

Прелестный способъ, господа, право. Лѣчись, сколько влѣ-

зеть, чѣмъ угодно—и полная гарантія, что если и подохнешь, то только отъ болѣзни, но отнюдь не отъ лѣкарства.

Кто то сказалъ, что гомеопаты лѣчатъ не лекарствомъ, а принципомъ лекарства.

Гомеопаты въ медицинѣ, слѣдовательно, все равно, что социаль-демократы въ Государственной Думѣ.

Принципъ на лицо, а толку никакого нѣтъ.

А больному пріятно. Проглотишь это «принципъ» и лежи себѣ, переваривай.

ПЕССИМИСТЪ.

«Русская Рѣчь», № 1154, 21 окт., 1909 г.

Жизнь и наука.

Сыворотка.—Сывороточное лѣчение.—Сывороточныя болѣзни.—Сыворотка одесской бактериологической станціи

I.

Со времени появленія фельетона г. Калия въ «Одесскомъ Листкѣ» «Благодѣтели человечества», т. е. съ 24 сентября, одесскія газеты нарушили мирную до того жизнь одессита и взбаломученное море до сихъ поръ не успокоилось. Благодаря проникающимъ съ этого времени въ общую прессу полемическимъ письмамъ и статьямъ въ міровозрѣніи одесскаго обывателя на сывороточное лѣчение образовался хаосъ. До того обыватель вѣрилъ въ спасительность прививокъ при нѣкоторыхъ инфекціонныхъ заболѣваніяхъ. Открытіе Пастера и его школы было принято одесситомъ такъ-же, какъ и всѣмъ міромъ, и двухъ мнѣній объ этомъ въ Одессѣ не было. Но вотъ произошли два фатальныхъ случая. Врачи вспрыснули своимъ больнымъ сыворотку и въ результатѣ получили тяжелыя послѣдствія этихъ вспрыскиваній. Обыватель не въ состояніи разобраться въ причинахъ этихъ явленій и, вполнѣ естественно, обвиняетъ въ этомъ врачей, причинившихъ своимъ больнымъ большое зло. Одинъ изъ этихъ врачей—докторъ Стефанскій, другой—я, и я считаю своей нравственной обязанностью успокоить, сколько возможно, взбаломученное море и выяснить читающей публикѣ причину этихъ явленій.

Прежде всего: что такое сыворотка?

Кровь всякаго животнаго содержитъ въ себѣ двоякаго рода элементы: жидкую часть—плазму крови и твердыя части—красныя и бѣлыя кровяныя шарики. Выпущенная изъ сосудовъ кровь вслѣдствіе сгущенія содержащагося въ плазмѣ крови фибринознаго вещества измѣняющагося на воздухѣ, быстро свертывается и получается: 1) *сустокъ*—*свертокъ крови* (*plasma sanguinis*) и 2) сыворотка крови (*serum sanguinis*). Первый непрозрачный, ярко-краснаго цвѣта, такъ какъ въ немъ заключаются элементы, окрашивающіе кровь въ красный цвѣтъ—красныя

кроватьные шарики; вторая—желтоватаго цвѣта, прозрачная, такъ какъ въ ней твердыхъ, характерныхъ для цвѣта и состава крови, элементовъ нѣтъ. Это и есть та сыворотка, которую послѣ различныхъ манипуляцій, о которыхъ я скажу ниже, вспрыскиваютъ въ кровь людямъ для лѣченія, а иногда и для предупрежденія заразныхъ болѣзней.

Сыворотка совершенно здороваго человѣка или животнаго, будучи вспрыснута подъ кожу здоровому-же человѣку, вызываетъ въ крови человѣка реакцію, борьбу. Кровь человѣка, состоящая изъ живыхъ элементовъ, единственныхъ защитниковъ организма—бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ, которые немедленно послѣ вторженія инороднаго тѣла въ организмъ—будь то сыворотка или заноза—сбѣгаются со всѣхъ сторонъ, окружаютъ его и стараются его уничтожить, реагируетъ на вспрыскиваніе и стараются вытѣснить, уничтожить и удалить изъ организма инородный элементъ, и возникающая борьба элементовъ крови съ чужой сывороткой есть та сывороточная болѣзнь, которая въ большинствѣ случаевъ протекаетъ благопріятно и совершенно незамѣтно для получившаго вспрыскиваніе и для окружающихъ.

Если получается какая-нибудь реакція, видимая окружающимъ, перенесшаго такое вспрыскиваніе, то это обыкновенно небольшая, розоватаго цвѣта, сыпь, исчезающая на другой или третій день, незначительныя боли въ суставахъ, иногда небольшое повышеніе температуры и вообще легкое недомоганіе, но оно такъ быстро проходитъ, что болѣзнью это состояніе считать нельзя. Интенсивность этого заболѣванія неходится въ прямой зависимости отъ количества вспрыснутой сыворотки. Чѣмъ больше вспрыснуть подъ кожу человѣку этой сыворотки, тѣмъ сильнѣе наступаетъ реакція, тѣмъ интенсивнѣе ведется борьба бѣлыми кровяными шариками противъ чужака, вторгшагося въ организмъ, тѣмъ интенсивнѣе высыпь, тѣмъ сильнѣе боли въ суставахъ и тѣмъ выше температура.

Какъ я сказалъ, это происходитъ при вспрыскиваніи сыворотки крови здороваго животнаго подъ кожи здоровому человѣку.

Для полученія цѣлебныхъ сыворотокъ съ животнымъ, у котораго получаютъ эту сыворотку, продѣлываютъ цѣлый рядъ манипуляцій. Напримѣръ, для полученія сыворотки антидифтеритной и античумной берутъ сыворотку крови лошади и прежде, чѣмъ ее получить, дѣлаютъ слѣдующее: совершенно здоровой лошади вспрыскиваютъ въ вену чистую культуру живыхъ микроорганизмовъ дифтерита или чумы. Лошадь заболѣваетъ; если она отъ этого заболѣванія не погибаетъ, ей вспрыскиваютъ послѣ выздоровленія бѣлую, чѣмъ въ первый разъ, культуру; она снова заболѣваетъ, но, несмотря на большую дозу культуры, она заболѣваетъ гораздо легче, чѣмъ въ первый разъ, такъ какъ организмъ ея уже можетъ бороться легче съ заболѣваніемъ; это называется на медицинскомъ языкѣ—лошадь приобрѣла им-

нумитетъ. Эти вспрыскиванія повторяютъ до тѣхъ поръ, пока лошадь перестаетъ реагировать на прививки, т. е. лошадь приобрѣла полный иммунитетъ. Сыворотка крови такой лошади и есть та цѣлебная сыворотка, которая готовится на бактериологическихъ станціяхъ, продается въ аптекахъ и прививается съ лѣчебной цѣлью.

Причина, вызывающая заразную болѣзнь, есть паразитъ, микроорганизмъ незамѣтный для глаза, но видимый подъ микроскопомъ живой растительный организмъ, который, попадая въ организмъ человѣка, съ неимоверной быстротой развивается и, вызывая борьбу человѣческаго организма, даетъ болѣзнь. Не было-бы средства бороться съ этимъ безконечно растущимъ паразитомъ и все живое на землѣ давно-бы погибло, если-бы природа не устроила слѣдующаго: каждый изъ этихъ паразитовъ выдѣляетъ продукты своей жизнедѣятельности, которые убиваютъ самаго паразита. Иммунитетъ и достигается вполнѣ тогда, когда продукты жизнедѣятельности паразита въ организмѣ животного накопилось столько, что паразиты въ этой средѣ больше жить не могутъ.

Само-собою разумѣется, что полученіе сыворотокъ есть вещь очень трудная, требуетъ много времени и спеціальныхъ знаній и люди, занимающіеся полученіемъ этихъ сыворотокъ, должны только этимъ и заниматься, такъ какъ мы, практическіе врачи, покупая сыворотку въ аптекѣ, доверяемъ учрежденію, которое ихъ выпускаетъ и не имѣемъ возможности провѣрять каждый разъ ту сыворотку, которую мы прививаемъ своимъ больнымъ. Поэтому на флаконахъ, которые выпускаютъ въ продажу бактериологическія станціи, написана фирма, которая ихъ приготавливаетъ, число, когда сыворотка выпущена со станціи и сила противоядія или, такъ называемое, число антитоксинныхъ единицъ. О годности или негодности сыворотки мы судимъ по прозрачности ея, по числу и мѣсяцу обозначенному на флаконѣ, когда эта сыворотка выпущена въ продажу и, наконецъ, по фирмѣ, которая ее выпустила въ продажу.

Обыкновенно сыворотка дѣйствительна, если она выпущена въ продажу не больше года, если она чиста и прозрачна и если фирма, выпустившая ее въ продажу, внушаетъ довѣріе. У насъ, въ Одессѣ, до сихъ поръ мы пользовались сыворотками мѣстной бактериологической станціи и никогда никакихъ выдающихся осложнений при прививкѣ мы, практическіе врачи, не наблюдали. Но въ послѣднее время сыворотка, приготавливаемая нашей бактериологической станціей, стала давать тяжелыя осложнения. Кромѣ своей больной, г-жи Гамбургеръ, я въ нынѣшнее лѣто наблюдалъ въ семьѣ Могильныхъ пять случаевъ тяжелыхъ осложнений послѣ вспрыскиванія антидифтеритной сыворотки мѣстной бактериологической станціи. Вспрыскиваніе было произведено фельдшерницей на Большомъ Фонтанѣ. Старшій врачъ одесской еврейской больницы докторъ медицины К. Н. Пуриць, на

консиліумѣ у больной г-жи Гамбургеръ заявилъ мнѣ, что еврейская больница въ послѣднее время наблюдаетъ рядъ тяжелыхъ осложненій послѣ вспрыскиванія сыворотки мѣстнаго приготвленія; д-ръ Поляковъ въ херсонскомъ уѣздномъ совѣщаніи врачей обратилъ вниманіе на недоброкачественность сыворотки, получаемой на одесской бактериологической станціи. «Качество ея, по его словамъ, настолько плохое, что приходится прибѣгать къ повторнымъ вспрыскиваніямъ; нерѣдки случаи, когда одесская сыворотка вызываетъ многія осложненія». Тоже подтвердилъ докторъ Германъ, «наблюдавшій явленія, вызываемыя недоброкачественностью одесской сыворотки».

Когда во главѣ бактериологической станціи стоялъ д-ръ Діатроповъ, который все свое время отдавалъ этой станціи, мы осложненій почти не наблюдали, а если и наблюдали, то настолько рѣдко и они были настолько незначительны, что общество не было смущаемо этими осложненіями, а въ послѣднее время, съ уходомъ доктора Діатропова, дѣло у насъ на бактериологической станціи, повидимому, пошло иначе и мы, практическіе врачи, вынуждены въ настоящее время временно отказаться отъ пользованія сыворотками мѣстнаго приготвленія. Судъ чести состоявшійся по поводу случая, происшедшаго у меня съ моей больной, г-жей Гамбургеръ, который, казалось-бы, долженъ былъ меня вполне удовлетворить, такъ какъ судъ выяснилъ, что я здѣсь ни при чемъ и моя профессиональная честь восстановлена, меня все-таки продолжаетъ мучить и сознаніе, что я, хотя и невольно, причинилъ своей больной тяжелое страданіе, до сихъ поръ не даетъ мнѣ покоя. Я чувствую вину свою предъ своей больной. Моя вина состоитъ въ томъ, что я довѣрился фирмѣ, выпускающей въ продажу недоброкачественный продуктъ и въ результатъ причинилъ тяжелое страданіе больной. Мой долгъ предупредить печатно товарищей-врачей объ опасности и для нихъ, и для ихъ больныхъ, отъ пользованія сывороткой мѣстнаго приготвленія, пока мѣстная станція выпускаетъ въ продажу недоброкачественный продуктъ. У насъ, въ Одессѣ, находится въ продажѣ сыворотка Пестеровскаго института и Беринга и мы должны временно, до приведенія въ порядокъ дѣлъ на нашей бактериологической станціи, пользоваться менѣе опасной иностранной сывороткой. *(Окончаніе слѣдуетъ).*

Л. МАЙЗЕЛЬСЪ.

«Одесскій Листокъ». Воскресенье, 8-го ноября, 1909 г., № 256

Жизнь и наука.

(Окончаніе).

Сывороточныя заболѣванія, какъ я сказалъ, не находятся въ зависимости отъ противоядія, заключающагося во вспрыкнутой сывороткѣ.

И антидифтеритная, и античумная, и антихолерная, и антидизентерийная сыворотки дают тождественно-одинаковыя заболѣванія и другъ съ другомъ и съ заболѣваніями, получаемыми при вспрыскиваніи сыворотки, не заключающей въ себѣ никакого противоядія.

Вотъ почему симптомы сывороточной болѣзни больной г-жи Навроцкой оказались настолько тождественными съ симптомами болѣзни больной г-жи Гамбургеръ, что когда я прочиталъ статью г. Калия «Благодѣтели челоѣчества», хотя въ ней было сказано, что больной вспрыснута была антидизентерийная жидкость, я, полагая, что фельетонистъ нарочно затемнилъ дѣло, немедленно отозвался письмомъ въ редакцію и возникла полемика, вызвавшая хаосъ во взглядѣ одессита на серотерапію (сывороточное леченіе) дифтерита.

Впрочемъ, есть и разница, но не въ симптомахъ, а въ причинѣ болѣзни г-жи Гамбургеръ и г-жи Навроцкой.

Сывороточная болѣзнь, какъ я сказалъ, зависитъ отъ количества вспрыснутой сыворотки. Я вспрыснулъ вслѣдствіе случайности подъ кожу моей больной всего около половины флакона въ $4\frac{1}{2}$ грамма антидифтеритной сыворотки мѣстнаго приготовления, т. е. два—два съ половиной грамма, а г-жѣ Навроцкой д-ръ Стефанскій, по его словамъ, вспрыснулъ два флакона по 20 граммъ, т. е. сорокъ граммъ германской сыворотки фабрики Höchst.

Отъ двухъ граммовъ должна была-бы получиться болѣзнь въ двадцать разъ слабѣйшая, чѣмъ отъ сорока. Такъ какъ отъ вспрыскиванія двухъ граммовъ должно было получиться едва замѣтное заболѣваніе, то экспертиза въ лицѣ приватъ-доцента бактериологіи доктора медицины Я. Ю. Бардаха и профессора по дѣтскимъ болѣзнямъ В. Ф. Якубовича рѣшила, что г-жа Гамбургеръ страдаетъ идіосинкразіей къ сывороткамъ.

Идіосинкразіей на медицинскомъ языкѣ называется такое свойство организма, при которомъ этотъ организмъ не выноситъ извѣстнаго средства. Есть люди, которые не выносятъ хины, іода, салициловой кислоты, сулемы, меду, раковъ, крема, спаржи, шампанскаго, свиного мяса и т. д. Эти люди тяжело страдаютъ отъ употребленія лекарства или даже пищи, къ которымъ они имѣютъ идіосинкразію. У больной г-жи Гамбургеръ оказалась идіосинкразія къ сывороткамъ. Такъ рѣшила экспертиза и судъ съ нею согласился. Я чувствовалъ во время суда, что мнѣніе экспертовъ не удовлетворило моего обвинителя, г-на Гамбургера и, по совѣсти, съ этимъ мнѣніемъ и я не вполне согласился и вотъ на какихъ основаніяхъ. Если допустить, что у г-жи Гамбургеръ имѣется идіосинкразія къ сывороткамъ — явленіе очень рѣдкое, то почему та-же идіосинкразія оказалась у всѣхъ дѣтей Могильной, которыхъ я наблюдалъ вскорѣ послѣ моего случая съ г-жей Гамбургеръ? Имъ фельдшерница вспырс-

нула одно и то же количество сыворотки мѣстной бактериологической станціи, всѣ дѣти тяжело заболѣли и родители даже являлись съ жалобой на дѣйствія фельдшерицы къ мѣстному врачу для бѣдныхъ, доктору Станкевичу, считая ее виновницей болѣзни дѣтей.

Вотъ почему меня объясненіе, данное экспертизой по поводу заболѣванія моей больной не вполне удовлетворило. Мнѣ казалось, что въ этомъ объясненіи, вполне, конечно, меня выгораживающемъ, есть что-то недосказанное.

Идіосинкрязія — идіосинкрязіей, а кромѣ нея было что-то еще, что вызвало тяжелое страданіе и у моей больной, и у дѣтей Могильныхъ. Это что-то и есть недоброкачественность антидифтеритной сыворотки, выпускаемой въ продажу нашей бактериологической станціей, о чемъ заговорили сразу врачи въ разныхъ мѣстахъ.

Послѣ окончанія суда, когда мой судья, глубокоуважаемый профессоръ К. М. Сапѣжко, спросилъ меня: «Теперь вы удовлетворены?» я отвѣтилъ—«да», такъ какъ странно было-бы оправданному заявлять о своемъ неудовлетвореніи; но когда, послѣ суда, мой противникъ ушелъ, съ тяжелымъ чувствомъ, не протянувъ мнѣ руки, я понялъ его психологію. Ему казалось страннымъ, что больная оказалась виновницей болѣзни, ему казалось, что экспертиза чего-то не договорила и это недосказанное договариваю я.—Я не виноватъ въ происшедшемъ, такъ какъ, по словамъ экспертизы, если-бы больная находилась еще разъ въ тѣхъ-же условіяхъ, въ какихъ я ее наблюдалъ, ей пришлось-бы сдѣлать прививку, послѣ того, какъ выяснилось, что этимъ ей будетъ причинена тяжкая болѣзнь, такъ какъ, спасая жизнь, нужно приносить всякую жертву, но я виноватъ въ томъ, что не зналъ, что сыворотка, которую я вспрыснулъ подъ кожу моей больной, была недоброкачественной. Я не помнилъ во время суда, сколько антитоксинныхъ единицъ было написано на флаконѣ, изъ котораго я сдѣлалъ инъекцію, но г. Гамбургеръ утверждаетъ, что не 1500, а, кажется, 1200. Такъ какъ флаконъ послѣ инъекціи я оставилъ на квартирѣ г. Гамбургера, то онъ лучше моего помнитъ, что было написано на флаконѣ и я вѣрю его памяти и считаю, что это недостатокъ сыворотки, такъ какъ количество, которое было въ флаконѣ, равнялось тому количеству, которое заключаетъ въ себѣ 1500 антитоксинныхъ единицъ. Дѣло въ томъ, что когда сыворотка найдена, всѣ бактериологическія станціи стремятся къ тому, чтобы въ наименьшемъ количествѣ сыворотки заключалось наибольшее количество противоядія и практическіе врачи только тогда начинаютъ леченіе безбоязненно, когда станціи достигаютъ этого идеала. При дифтеритѣ этотъ идеаль достигнуть: въ $4\frac{1}{2}$ кубическихъ сантиметра сыворотки, выпускаемой въ продажу нашей бактериологической станціей, заключается 1500 антитоксинныхъ единицъ и при обыкновенныхъ дифтеритахъ часто достаточно въ первый

день заболѣванія впрыснуть одинъ флаконъ сыворотки, чтобы получить въ результатѣ выздоровленіе почти безъ осложнений.

При нѣкоторыхъ другихъ инфекціонныхъ заболѣваніяхъ, сыворотки которыхъ уже открыты, идеаль — еще станціями не достигнуть.

Мы, практическіе врачи, зная, что для полученія эффекта нужно впрыснуть подъ кожу 15, 20, 40 граммъ сыворотки, что вызоветъ серьезное сывороточное заболѣваніе. отъ этого метода пока воздерживаемся, ожидая, когда будетъ на станціяхъ достигнуть идеаль — *non multum, sed multa* — и боремся съ этими болѣзнями пока другими средствами и только въ крайнихъ случаяхъ прибѣгаемъ къ впрыскиванію, рискуя вызвать, почти навѣрняка, сывороточную болѣзнь, но спасая жизнь. При дифтеритѣ, гдѣ сыворотка, получаемая на станціяхъ, выпускается идеальная, мы, не разсуждая, при сомнѣніи впрыскиваемъ сыворотку, такъ какъ осложнения довольно рѣдки, а опасность, упустить время и потерять больного, велика.

Такимъ образомъ, кромѣ идиосинкразіи я въ недоброкачественности сыворотки, привитой моею больною, вижу причину несчастья, но это явленіе случайное, исключительное и вліять вообще на серотерапію (сывороточное леченіе) дифтерита оно не должно ни въ коемъ случаѣ.

Когда впервые Ру и Берингъ опубликовали свои методы леченія дифтерита, добытые обоими учеными самостоятельно и приведшіе ихъ къ одному и тому-же выводу, я посѣщаль въ то время въ Петербургѣ дѣтскую клинику проф. Раухфуса, гдѣ методъ прививочнаго леченія дифтерита проводился систематически; леченіе проводилось параллельно въ разныхъ отдѣленіяхъ — въ одномъ безъ прививокъ, въ другомъ съ прививками. Разница въ результатахъ отъ того и другого метода леченія была поразительная; процентъ выздоровленія сразу повышался при прививкахъ и падалъ безъ прививокъ на столько, что сомнѣніе въ пользѣ прививокъ исчезло, хотя установлено было твердо слѣдующее: Процентъ выздоровленія зависитъ отъ того, въ какой день заболѣванія дѣлается прививка, причемъ процентъ этотъ падаетъ не въ ариѳметической, а въ геометрической прогрессіи, если откладывать прививки на другой, третій или четвертый день и всѣ случаи смерти отъ дифтерита являются слѣдствіемъ невнимательнаго отношенія врача къ данному случаю и опозданія вслѣдствіе этого съ благодѣтельной прививкой.

Польза прививокъ стала настолько ясной, что народъ, этотъ недовѣрчивый ребенокъ, который вѣритъ только ясной, неопровержимой правдѣ, принялъ этотъ методъ леченія почти безъ сопротивленія.

Правда, въ настоящее время одесскій обыватель напуганъ и при словѣ «прививка» блѣднѣетъ, но время возьметъ свое. На нашей бактериологической станціи измѣнятся порядки, завѣдующіе этимъ дѣломъ стануть болѣе внимательно относиться къ

своимъ обязанностямъ, мы снова будемъ спасать отъ явной смерти тяжелыхъ дифтеритныхъ больныхъ при помощи сыворотки, получаемой на нашей бактериологической станціи и будемъ только жалѣть, что пока у насъ нѣтъ цѣлебныхъ сыворотокъ для скарлатины, сифилиса, рака, сапа, проказы, туберкулеза и другихъ бичей человѣчества и будемъ надѣяться, что близокъ тотъ часъ, когда истинная сывороточная терапія при заразныхъ болѣзняхъ вытѣснитъ окончательно латинскую кухню изъ человѣческаго обихода.

Л. МАЙЗЕЛЬСЪ.

P. S. Въ первой половинѣ моей статьи вкралась корректурная опечатка:—свертокъ крови называется не plasma sanguinis, а placenta sanguinis.

Л. М—СЪ.

Изъ записной книжки пессимиста.

Близкое знакомство съ писателемъ Купринымъ пошло, очевидно, доктору Лейбѣ Янкелевичу Майзельсу на пользу.

Онъ ощутилъ въ своей докторской, сывороточной душѣ литературный талантъ и сталъ писать въ «Одесскомъ Листкѣ», пріютившемъ его недавно на своихъ страницахъ отъ козней Сѣдого и Хейфеца.

Пишетъ онъ пока о сывороткѣ. Но это только «пока». А потомъ будетъ писать и о педагогикѣ.

Чѣмъ-же онъ хуже музыкально-педагогическаго доктора Цѣновскаго?

ПЕССИМИСТЪ.

«Русская Рѣчь», вторникъ, 10 ноября, 1909 г. № 1171.

Письмо въ редакцію.

Многоуважаемый г. редакторъ! Покорнѣйше прошу васъ дать мѣсто въ ближайшемъ № уважаемой вашей газеты моимъ нижеслѣдующимъ строкамъ.

Къ сожалѣнію, мнѣ не пришлось въ это воскресенье прочитать фельетона д-ра Майзельса подъ заглавіемъ «Жизнь и наука». Сегодня обратили мое вниманіе на эту статью и, читавъ ее, нахожу крайне необходимымъ сдѣлать поясненіе. Ссылаясь на меня, д-ръ Майзельсъ впалъ, повидимому, въ ошибку. Въ одесской еврейской больницѣ, къ сожалѣнію, вовсе нѣтъ отдѣленія для больныхъ, заболѣвшихъ дифтеріей, посему вспрыскиваніе антидифтерійной сыворотки производится въ больницѣ крайне рѣдко и посему я не могъ наблюдать, а значить и передавать д-ру Майзельсу, что «еврейская больница за послѣднее время наблюдаетъ рядъ тяжелыхъ осложненій сыворотки

мѣстнаго приготовленія». Дѣйствительно, на совѣщаніяхъ съ докторомъ Майзельсомъ у больной г-жи Г., имѣвшей несчастье заболѣть сывороточной болѣзью послѣ впрыскиванія антидифтерійной сывороткой, я высказалъ свое удивленіе тому обстоятельству, что за послѣднія недѣли (лѣтомъ) мнѣ пришлось наблюдать три весьма тяжелыхъ случая сывороточной болѣзни въ то время, какъ за предшествующіе многіе мѣсяцы я не видѣлъ ни одного такого. Въ обсужденіяхъ этого явленія мы всего менѣе склонны были обвинять сыворотку. Причины сывороточной болѣзни крайне многообразны и сложны и находятся не въ стклянкѣ съ сывороткой, а въ самомъ организмѣ, которому впрыскиваютъ эту сыворотку, и не такъ легко объяснимы, какъ это думаетъ и дѣлаетъ д-ръ Майзельсъ въ своемъ фельетонѣ.

Я не понимаю, почему д-ръ Майзельсъ пытается взвалить на себя хоть частицу вины, когда онъ у постели г-жи Г., вытянувшей несчастный жребій заболѣть сывороточной болѣзью послѣ впрыскиванія антидифтерійной сыворотки (изъ 100 больныхъ, которымъ впрыскиваютъ антидифтерійныя сыворотки 8—10 человекъ рискуютъ заболѣть сывороточной болѣзью), былъ на высотѣ врачебнаго долга и знанія и дѣйствовалъ по долгу совѣсти лишь въ интересахъ больной? Я смѣло совѣтую д-ру Майзельсу, если судьба когда-нибудь опять приведетъ его въ такія-же условія, поступать именно такъ, какъ онъ поступилъ у постели г-жи Г. До боли жалко было видѣть страданія симпатичнѣйшей г-жи Г. и другихъ двухъ юныхъ дѣвицъ, но все-таки сывороточной болѣзни нечего бояться и изъ-за этой боязни останавливаться передъ впрыскиваніемъ антидифтерійной сыворотки, когда это необходимо, никогда не слѣдуетъ. Даже самыя невинныя лекарства могутъ у нѣкоторыхъ больныхъ повлечь за собою заболѣванія, вродѣ сывороточной болѣзни.

Примите и пр.

Д-ръ мед. ПУРИЦЪ.

«Одесскій Листокъ», четвергъ, 12 ноября, 1909 г. № 259.

Отвѣтъ д-ру К. Н. Пурицу.

Письмо глубокоуважаемаго товарища д-ра мед. К. Н. Пурица заставляетъ меня сказать слѣдующее: впервые о недоброкачественности **въ послѣднее время** антидифтеритной сыворотки, выпускаемой въ продажу одесской бактериологической станціей, я услышалъ изъ устъ именно уважаемаго Константина Николаевича у постели моей больной г-жи Г. Его слова явились для меня тогда откровеніемъ и пролили свѣтъ на всѣ тяжелыя явленія, которыя я наблюдалъ у моей больной.

Когда уважаемый К. Н. на вопросъ мужа больной г-жи Г.— «Въ чемъ здѣсь дѣло, докторъ Пурицъ?» отвѣтилъ: «Отравленіе

организма сывороткой», его отвѣтъ на меня, на больную и на окружавшихъ ее родныхъ произвелъ тяжелое впечатлѣніе, но изъ дальнѣйшаго намъ стало ясно, почему онъ употребилъ выраженіе — «отравленіе», а не реакція организма на инъекцію, такъ какъ недоброкачественная сыворотка послѣ вспрыскиванія въ результатѣ даетъ именно отравленіе.

Когда консультантъ сказалъ: «У насъ въ послѣднее время стали замѣчать, что сыворотка, выпускаемая одесской бактериологической станціей, оказывается недоброкачественной и мы рѣшили не примѣнять ея», на меня его слова произвели именно такое впечатлѣніе, что факты тяжелыхъ сывороточныхъ явленій, о которыхъ онъ тогда заявлялъ, были имъ наблюдаемы въ еврейской больницѣ. Я даже сказалъ ему:

— Вѣрно-ли то, что вы говорите, К. Н.? Я не больничный врачъ и ваше слово, слово старшаго врача больницы, для меня— законъ.

Уважаемый К. Н., повидимому, не понялъ, что я прислушивался къ его словамъ, именно, какъ къ словамъ старшаго врача больницы и подтвердилъ вторично то, что онъ сказалъ. Возможно, что онъ говорилъ о случаяхъ изъ своей частной практики, но я понялъ иначе и поэтому сослался на него въ своей статьѣ такъ, какъ понялъ. Это, впрочемъ, имѣетъ мало значенія. Важно было указаніе на недоброкачественность сыворотки со стороны К. Н., какъ на причину тяжелыхъ явленій.

Вскорѣ послѣ консультаціи я натолкнулся на рядовые случаи тяжелыхъ сывороточныхъ явленій въ семьѣ Могильныхъ, и это еще больше убѣдило меня въ истинѣ словъ моего уважаемаго консультанта.

Такимъ образомъ, фактъ остается фактомъ: **недоброкачественность мѣстной сыворотки обращаетъ на себя вниманіе врачей.**

Пользуюсь, кстати, случаемъ указать товарищамъ врачамъ, что кромѣ европейскихъ сыворотокъ, о которыхъ я упомянулъ въ предыдущей статьѣ, у насъ имѣется въ продажѣ антидифтеритная сыворотка американская—Parke-Davis—чрезвычайно тщательнаго приготовления.

Д-ръ Л. МАЙЗЕЛЬСЪ.

«Одес. Листокъ» Пятница, 13 ноября, 1909 г. № 260

Письмо въ редакцію.

Многоуважаемый г. редакторъ! Прошу Васъ не отказать помѣстить на страницахъ вашей газеты нижеслѣдующее: Изъ статей д-ра Майзельса мнѣ впервые приходится слышать о продолжающихся необычно-тяжелыхъ заболѣваніяхъ послѣ прививокъ антидифтеритной сыворотки, заставляющихъ подозрѣвать недоброкачественность сыворотки, выпускаемой въ продажу одесской

бактеріологической станціей. Какъ не спеціалистъ, я не могу судить о томъ, насколько это справедливо, но случай, бывшій въ моей семьѣ въ маѣ мѣсяцѣ этого года, съ моею падчерицею Н. К., дѣвицею 17 лѣтъ, по своей совершенной исключительности заставляеть меня думать, что мнѣніе д-ра Майзельса не такъ ужъ беспочвенно, какъ объ этомъ высказался д-ръ Пурицъ, и, во всякомъ случаѣ, требуетъ самага тщательнаго изслѣдованія способовъ приготовленія сыворотки на одесской бактеріологической станціи.

Невыносимо тяжелыя страданія, поразившія весь организмъ больной, въ теченіи цѣлаго мѣсяца, вызванныя результатомъ вспрыскиванія 9000 антитоксинныхъ единицъ этой сыворотки (въ три раза), объяснялись, пользовавшимися больную весьма компетентными врачами, свойствами организма больной, невыносящаго сыворотки. Однако, эти врачи, констатируя крайне тяжелую форму заболѣванія, все-таки говорили о данномъ случаѣ, какъ о совершенно исключительномъ, не наблюдавшемся въ ихъ продолжительной практикѣ, антидифтеритныхъ прививокъ, какъ больничныхъ врачей, и какъ о случаѣ, о которомъ не приходилось даже слышать среди врачей и въ медицинской литературѣ но теперь-же выясняется, что подобные, крайне-тяжелые, случаи заболѣванія сывороточной болѣзнью стали наблюдаться послѣ прививокъ сыворотки приготовленія одесской бактеріологической станціи только въ послѣднее время. Отсюда долженъ быть одинъ выводъ: если сыворотка эта стала давать тяжелыя осложненія, раньше не наблюдавшіяся, то стало-быть ея составъ измѣнился, на что и должно быть обращено вниманіе.

Къ этому считаю не лишнимъ прибавить, что при первомъ дифтеритѣ, бывшемъ у моей падчерицы 5—6 лѣтъ тому назадъ, вспрыскиваніе 3000 антитоксинныхъ единицъ, изготовленія Пастеровскаго института, никакихъ ровно осложненій не вызвало и дифтеритъ прошелъ въ однѣ сутки.

Примите и пр.

Петръ БАНОВЪ.

«Од. Листокъ». Суббота, 14-го ноября, 1909 г., № 261

Наши дѣла-дѣлишки.

Вотъ уже болѣе мѣсяца, какъ въ медицинскихъ кругахъ Одессы идутъ толки о сывороткахъ одесскаго приготовленія.

Чуть-ли не каждый день приносятъ все новыя и новыя данныя, которыя даютъ возможность придти къ заключенію, что сыворотку приготовленія одесской бактеріологической станціи опасно вспрыскивать больнымъ, ибо она недоброкачественна.

О томъ, что одесская сыворотка не высокаго качества—объ этомъ говорилъ д-ръ Майзельсъ.

Обмолвился объ одесской антидифтеритной сывороткѣ и д-ръ Пуриць.

Вчера появилось письмо въ редакцію г. Банова, говорящее о тяжелыхъ послѣдствіяхъ, вызванныхъ вспрыскиваніемъ одесской сыворотки.

Ранѣе въ газетахъ появилось извѣстіе, что цѣлая группа врачей на херсонскомъ уѣздномъ совѣщаніи обратило вниманіе на недоброкачественность сыворотки одесской бактериологической станціи.

Казалось-бы, имѣется достаточно оснований для того, чтобы поднять вопросъ о томъ, что-же дѣлается на нашей бактериологической станціи?

Но этого никто изъ тѣхъ, кого это ближе всего касается, не дѣлаетъ.

По крайней мѣрѣ, нѣтъ никакихъ свѣдѣній, чтобы сыворотками бактериологической станціи заинтересовалась врачебная инспекція или наши городскіе заправилы.

Уволивъ д-ра Діатроптова, завѣдывавшаго ранѣе бактериологической станціей, городскіе заправилы успокоились.

— Истребили «политику»!

«Политики» нѣтъ, а относительно того, что одесской сывороткой, въ послѣднее время, отравляются больные, наши заправилы и не думаютъ безпокоиться, хотя, надобно полагать, что послѣ того, что писалось объ этой одесской сывороткѣ, едва-ли кто либо изъ городскихъ заправилъ позволилъ-бы ее себѣ вспрыснуть, если бы во вспрыскиваніи этомъ оказалась надобность.

Вѣроятно больной предпочелъ-бы воспользоваться болѣе дорогой иногородней сывороткой.

Но что-же дѣлать несостоятельнымъ горожанамъ?

Вспрыскивать сыворотку, которая можетъ вызвать ужасное отравленіе организма?

Выходитъ, что какъ будто-бы такъ, что бѣдные горожане должны вспрыскивать эту сыворотку и за удовольствіе-за плату пользоваться этой сывороткой платить еще и налоги.

Положительно получается какое-то дикое во всѣхъ отношеніяхъ положеніе.

Всѣ говорятъ о томъ, что такое-то учрежденіе выпускаетъ недоброкачественныя и даже прямо таки вредныя сыворотки, дѣйствующія на человѣческой организмъ, какъ ядъ, и относительно этого учрежденія не принимается никакихъ мѣръ.

Само учрежденіе молчитъ.

Молчатъ представители городского самоуправленія.

Молчитъ врачебная инспекція.

Но долженъ же быть конецъ этому молчанію.

Пора-же, наконецъ, и заговорить!

Общество имѣетъ право узнать что предпринято для того, чтобы вмѣсто яда бактериологическая станція вырабатывала сыворотку.

Но когда же оно будетъ освѣдомлено о томъ, что принято въ отношеніи бактериологической станціи?

Съ этимъ, во всякомъ случаѣ, медлить не возможно, ибо извѣстные относительно одесской сыворотки факты волнуютъ общество.

Замолчать вопросъ объ одесской сывороткѣ нельзя, ибо общество не сможетъ примириться съ мыслью, что какое-то учрежденіе выпускаетъ вмѣсто сыворотокъ ядъ, благодаря которому въ городѣ уже насчитывается не мало жертвъ..

ОНЪ.

«Одесскій Листокъ» 15 ноября 1909 г. № 262.

Наука и жизнь.

ИММУНИТЕТЪ и СЕРОТЕРАПІЯ.

Терапевтическая медицина всегда шла далеко позади діагностической. Въ распознаваніи болѣзней наука всегда прогрессировала, всегда подвигалась—иногда быстрѣй, иногда медленнѣй—впередъ. Въ ихъ леченіи она металась, безъ всякой руководящей идеи, изъ стороны въ сторону, искала отвѣта у природы, у стихій, у загробныхъ силъ, варила травы, смѣшивала микстуры и растирала порошки. Въ изученіи человѣческаго организма, здороваго или больного, она, вооружившись экспериментомъ на животныхъ и анатомическимъ ножомъ, достигла во многомъ поразительныхъ результатовъ и научилась часто, наприм., въ нервныхъ заболѣваніяхъ, съ математической точностью опредѣлять и мѣсто, и характеръ страданія. Въ своей аптечной кухнѣ, она, смѣясь надъ старыми деревенскими бабами и некультурностью китайцевъ, которые лѣчатъ сифились лягушками, вареными въ винѣ, сама въ сущности плелась по той же эмпирической дорожкѣ. Говорила, что одно помогаетъ, другое облегчаетъ, третье стягиваетъ, отвлекаетъ, или размягчаетъ, и сама растирала челоуѣчество дурно пахнущими мазями, или поила его декоктомъ изъ сорока составныхъ частей извѣстнаго дѣйствія.

Потомъ пришла бактериологія.

Открылся вдругъ громадный, безконечный новый, міръ, цѣлое заколдованное царство какихъ-то микроскопическихъ невидимыхъ существъ, которыя питаются, растутъ, размножаются, участвуютъ въ тѣхъ или другихъ жизненныхъ процессахъ, населяютъ челоуѣка, являются основной причиной инфекціонныхъ, заразительныхъ болѣзней.

Выяснилось, что есть микроорганизмы вездѣ—въ водѣ, почвѣ, воздухѣ, организмѣ челоуѣка, животныхъ,—и самаго разнообразнаго характера: полезные, вредные, безразличные.

Выяснилось, что эти безконечно малые существа, вмѣщающіяся въ одномъ кубическомъ сантиметрѣ въ количествѣ 636

милліардовъ, играютъ очень важную роль въ процессахъ гніенія, броженія, въ приготовленіи пива, вина, хлѣба, сыра, что они необыкновенно быстро размножаются,— одинъ холерный вибрионъ, напр., можетъ дать въ теченіе сутокъ потомство въ 1600 триллионовъ (Fischer),—и что ими обусловленъ цѣлый рядъ болѣзненныхъ процессовъ у человѣка, животныхъ, растений.

Начались изслѣдованія, которыя въ своемъ началѣ, въ своихъ первыхъ шагахъ, тѣсно связаны съ именемъ Пастера, началось опредѣленіе тѣхъ или другихъ видовъ, классификація, изученіе условій жизни, дѣленіе микроорганизмовъ по ихъ свойствамъ и вліянію на окружающую среду.

Хотя первая попытка, первая работа въ этомъ направленіи дѣлалась еще въ концѣ 18 вѣка, но тогда техническія условія изученія микроорганизмовъ были слишкомъ еще несовершенны, научныя свѣдѣнія о нихъ слишкомъ сбивчивы и отрывочны. И что имѣетъ научную цѣнность, то сдѣлано въ самое недавнее время, можетъ быть въ послѣдніе 40—50 лѣтъ.

Открылись постепенно новые, громадныя, необозримыя горизонты. Была найдена причина, первоисточникъ, возбудитель заразныхъ болѣзней. И теперь можно было искать болѣе сознательно способовъ, средствъ, которые-бы парализовали дѣйствіе этой причины. Старая медицина была забыта. Забыто было, какъ писали раньше (Штеркъ, 1789 г.), что причиной тифа «можетъ быть всякая грубая пища, которой желудокъ не варитъ, жирное, въ дыму копченое или соленое мясо, либо рыба, незрѣлые лѣтніе плоды, долговременное сидѣніе на одномъ мѣстѣ, нечистый воздухъ и, сверхъ того, когда тѣло, рубашки и прочее платье будутъ рѣдко мыты и если оныхъ долго не перемѣнять». А причина *malariæ*, перемежающейся лихорадки, «находится въ желудкѣ или кишкахъ, или оныхъ причиною бываетъ нѣкоторая клейкая, желчная и острая, или ѣдкая матерія, которая, скопившись въ какой-нибудь внутренности, лежащей въ животѣ, препятствуетъ продолжаться въ ней естественнымъ дѣйствіямъ».

Старая, всегда немножко мистическая терапія тоже отошла въ сторону и стала ждать. Такъ это и называлось: выжидательный методъ леченія. Т. е. когда кто-нибудь заболѣвалъ инфекціонной болѣзью, нужно было, устраняя, по возможности, всѣ отдѣльные вредные моменты, выждать и наблюдать: что будетъ дальше? Смерть или выздоровленіе? И всѣ ждали и наблюдали. И по мѣрѣ того, какъ бактеріологія дѣлала все новыя и новыя завоеванія, изъ этихъ наблюденій становилось ясно, что инфекціонное начало, возбудитель болѣзни, не всегда имѣетъ одинаковую силу, и не всегда организмъ одинаково реагируетъ на инфекцію. Въ однихъ случаяхъ инфекціонная болѣзнь бываетъ очень рѣзкой, въ другихъ—гораздо болѣе слабой, въ третьихъ—ея нѣтъ совсѣмъ. При совершенно одинаковыхъ для зараженія

условіяхъ одни умирають, другіе выздоравливають, третьи не заболѣвають совсѣмъ.

Ясно, что у организма есть своя, индивидуальная сопротивляемость, своя — и внѣшняя и внутренняя способность защищаться отъ инфекціоннаго яда, для различныхъ организмовъ всегда различная: кожные покровы, удаленіе инфекціоннаго начала слезами, слизью, испражнениями, обезвреживаніе кислымъ желудочнымъ сокомъ, желчью, своими, постоянно живущими въ кишечникѣ микроорганизмами. И нейтрализація уже попавшей въ кровь, въ соки организма инфекціи внутренними оборонительными силами этого организма.

Здоровый организмъ, у котораго правильно питаніе, не ослаблены силы и правильно функционируютъ защитительныя средства, инфекціи обыкновенно не боится, если только она не обладаетъ исключительной силой и напряженностью, исключительной «вирулентностью». Но какъ только уменьшается сопротивляемость и падаетъ въ организмѣ способность къ самозащитѣ, инфекція находитъ удобную для себя почву, и начинается болѣзнь.

Вотъ почему всѣ эпидеміи всегда бросаются прежде всего на бѣдные классы населенія, на плохо питающихся, утомленныхъ, ослабленныхъ людей. Вотъ почему существуетъ русскій «голодный тифъ», дизентерія въ войскахъ, повальные заболѣванія въ ночлежныхъ пріютахъ, гдѣ къ тому же болѣе благопріятны условія для непосредственной передачи инфекціи.

Заболѣвшій организмъ тоже не сдается безъ борьбы. Какъ только инфекція схватываетъ его своими миллиардами и триллионами колоній, въ зараженномъ тѣлѣ, въ крови сейчасъ же начинаютъ вырабатываться такія вещества, такія начала, которыя, какъ щелочь кислоту, какъ противоядіе при отравленіи, должны парализовать дѣйствіе инфекціоннаго яда. Вся бѣда только въ томъ, что эти вещества вырабатываются медленно и постепенно, и можно умереть прежде, чѣмъ организмъ успѣетъ, какъ слѣдуетъ, защититься. Но если болѣзненный процессъ оканчивается выздоровленіемъ, то оказывается, что въ жидкой части крови — въ сывороткѣ перенесшаго ту или другую инфекціонную болѣзнь всегда есть вещества, которыя названы антитѣлами и которыя обладаютъ способностью совершенно нейтрализовать данную инфекцію, данное заразительное начало. Организмъ становится невоспріимчивымъ къ этой инфекціонной болѣзни, пріобрѣтаетъ соответственный иммунитетъ.

Отсюда понятенъ выводъ къ двумъ научнымъ стремленіямъ: во-первыхъ, — нельзя ли вызвать въ здоровомъ организмѣ искусственно то или другое инфекціонное заболѣваніе въ легкой формѣ для того, чтобы образовались въ крови эти антитѣла и организмъ сдѣлался невоспріимчивымъ, пріобрѣлъ, по отношенію къ данной болѣзни, иммунитетъ?

И во-вторыхъ, — нельзя-ли въ заболѣвшій уже организмъ вводить своевременно, въ самомъ началѣ болѣзни, готовые, приготовленныя заранѣе антитѣла, которыя-бы нейтрализовали дѣйствіе инфекции и сразу остановили все дальнѣйшее теченіе болѣзни?

Первое повело къ вакцинаціи — предохранительнымъ прививкамъ, второе — къ серотерапіи, къ введенію въ организмъ извѣстнымъ образомъ приготовленной сыворотки крови, преимущественно для лечебныхъ цѣлей.

Вакцинацію знали, уже много вѣковъ назадъ, китайцы, которые искусственно заражали, при эпидеміяхъ оспы, здоровыхъ введеніемъ въ организмъ засохшихъ оспенныхъ корокъ. Наступало легкое заболѣваніе, появлялись въ сывороткѣ крови антитѣла, которыя — это нужно твердо помнить, чтобы сталъ яснымъ вопросъ — вырабатываются даже при самыхъ легкихъ формахъ инфекціонныхъ заболѣваній и организмъ становится затѣмъ невосприимчивымъ къ данной заразительной болѣзни.

Тотъ же принципъ, въ свое время, конечно, не вполне ясно созданный, лежитъ въ основѣ предохранительныхъ прививокъ противъ оспы, много лѣтъ назадъ введенныхъ въ науку Дженнеромъ. Пастеръ первый далъ научное объясненіе этимъ фактамъ. Затѣмъ, при дальнѣйшей разработкѣ вопроса, стала ясной роль антитѣлъ; выяснилось, что организмъ можетъ вырабатывать уже во время болѣзни свои защитительныя вещества, свои противоядія (антитоксины) противъ ядовитой, токсической силы выдѣленій микроорганизмовъ, свои растворяющія вещества (бактеріолизины), въ которыхъ таетъ, распадается, теряетъ силу микроорганизмъ и т. д. И все ученіе о вакцинаціи перешло изъ области эмпиризма на почву эксперимента, сдѣлалось стройной и ясной научной системой, въ которой открываются все новые и новые факты, дѣлаются все новыя и новыя научныя изысканія.

Само собою разумѣется, что когда становится извѣстнымъ микроорганизмъ, производитель болѣзни, нѣтъ больше надобности въ коркахъ, отдѣленіяхъ зараженнаго, въ китайскихъ эмпирическихъ приѣмахъ. Можно брать для прививокъ самый микроорганизмъ, — живой или мертвый, можно брать, устранивши твердыя части, форменные элементы, его сокъ, экстрактъ. Можно развести предварительно культуры микроорганизмовъ лабораторнымъ путемъ и затѣмъ уже вводить ихъ въ томъ или иномъ видѣ въ организмъ, который хотягь подвергать вакцинаціи, т. е. легкому заболѣванію данной инфекціей.

Живые микроорганизмы употребляются для этой цѣли рѣдко. И если ихъ примѣнять, то нужно или брать ничтожное количество яда, инфекціоннаго начала, чтобы не вызвать рѣзкаго заболѣванія. Или же нужно вводить это начало, этотъ микроорганизмъ наиболѣе безопаснымъ путемъ. Такъ, напр., извѣстно, что зараженіе настоящей холерой идетъ обыкновенно черезъ кишечникъ. Для предохранительныхъ прививокъ можно вводить

инфекцію подь кожу, гдѣ для нея нѣтъ такихъ благоприятныхъ условій питанія и размноженія. Можно также тѣмъ или инымъ путемъ, напр., какъ это дѣлается при оспѣ, проведеніемъ черезъ организмъ другого животнаго, ослабить силу инфекціи, сдѣлать ее менѣе ядовитой.

Гораздо чаще все-таки употребляются культуры мертвыя, микроорганизмы, убитые тѣмъ или другимъ способомъ: нагрѣваніемъ, замораживаніемъ, химическимъ ядомъ.

Можно примѣнять для вакцинаціи и добытые фильтрованіемъ соки микроорганизмовъ.

Сила приготовленной тѣмъ или другимъ путемъ вакцины можетъ быть провѣрена чисто лабораторнымъ путемъ на животныхъ, которыя должны погибать отъ введенія въ организмъ извѣстнаго количества данной вакцины и которыя, при прививкахъ дозъ несмертельныхъ, должны становиться къ инфекціи невосприимчивыми, иммунными, должны имѣть въ своей крови соотвѣтствующія антитѣла. Количество этихъ тѣлъ поддается, въ каждомъ данномъ случаѣ, извѣстному учету, опредѣленію.

Вспрыскиваніе вакцины всегда вызываетъ въ организмѣ извѣстную реакцію, извѣстное, впрочемъ, не особенно тяжелое заболѣваніе. Повышается иногда до 39—40 градусовъ температура, является ознобъ, недомоганіе, головная боль, ломота въ конечностяхъ. Мѣсто вспыскиванія краснѣетъ, опухаетъ, становится болѣзненнымъ. Ближайшія къ мѣсту вспыскиванія лимфатическія железы увеличиваются, опухаютъ и тоже дѣлаются болѣзненными...

Дальнѣйшее о предохранительныхъ прививкахъ, въ связи съ появленіемъ эпидемій, необходимою массовыхъ предохранительныхъ мѣръ, приходится волей-неволей отложить до ближайшаго удобнаго момента.

Какъ было сказано уже выше, въ организмѣ, перенесшемъ ту или другую инфекцію, есть готовыя антитѣла, которыя предохраняють его отъ повторныхъ заболѣваній данной заразительной болѣзнию. Отсюда мысль: нельзя-ли пользоваться этими антитѣлами для нейтрализаціи инфекціоннаго яда у тѣхъ, кто заболѣваетъ такою-же болѣзнию?

Нельзя-ли лечить этими антитѣлами больныхъ, вводить имъ антитѣла, при заболѣваніи, въ организмъ?

Но какъ это сдѣлать? Какъ и откуда добывать готовыя, заранѣе заготовленныя антитѣла, защитительныя противъ данной инфекціи вещества?

Была идея брать сыворотку крови у тѣхъ, кто былъ уже боленъ этой инфекціонной болѣзнию. Но развѣ можно дѣлать кровопусканія человѣку? Развѣ можно искать здоровья для одного за счетъ жизни другого? Да и много-ли можно взять этой сыворотки у человѣка? Гдѣ ее искать, если въ данное время нѣтъ эпидеміи, нѣтъ естественныхъ заболѣваній?

Къ тому же съ сывороткой всегда можно перенести здоро-

вому и сифились, и туберкулезъ и всякую другую заразительную болѣзнь.

Мысль была оставлена. И начали, для этой цѣли, пользоваться животными, главнымъ образомъ большими животными— лошадьми, ослами, баранами, которые могутъ дать достаточное количество крови и которые всегда были жертвами человѣка и его потребностей. Животнымъ дѣлались вспрыскиванія культуръ или ядовитыхъ началъ извѣстной инфекціи и, затѣмъ, когда въ организмъ этого животнаго вырабатывалось необходимое количество антитѣлъ, его сыворотка, его, освобожденная отъ форменныхъ элементовъ и содержащая эти антитѣла, кровь употреблялась, какъ лечебное средство, вводилась въ организмъ человѣка, заболѣвшаго соотвѣтственной инфекціонной болѣзью. Явилось леченіе заразительныхъ болѣзней сыворотками, серотерапія.

Терапевтическая медицина, которая такъ долго и такъ много жила жалкой и беспомощной эмпирической жизнью, наконецъ, почувствовала научную почву подъ ногами, могла заговорить о специфическомъ леченіи, о томъ, что данное средство, данная сыворотка специфична, имѣетъ значеніе и лечебную силу только при данной болѣзни и нигдѣ больше. Это не какое-нибудь наркотическое средство, которое можно употреблять сверху, снизу, снаружи, внутрь, при кашлѣ, безсонницѣ, разстроенномъ желудкѣ и дурномъ расположеніи духа. Это вещество, которое имѣетъ совершенно опредѣленное, специфическое дѣйствіе на организмъ.

Съ этой точки зрѣнія, въ этомъ отношеніи, серотерапія, ведущая свое начало отъ противудифтеритныхъ прививокъ, отъ 1890 года, дѣйствительно, одно изъ самыхъ большихъ завоеваній науки и вмѣстѣ съ вакцинаціей, вмѣстѣ съ вакцинотерапіей, бактериотерапіей, серовакцинаціей и другими видоизмѣненіями принципа, о которыхъ сейчасъ, къ сожалѣнію, нѣтъ возможности больше говорить, составляетъ несомнѣнно своего рода эпоху, эру въ исторіи лечебной терапевтической медицины...

Необходимость введенія въ организмъ для серотерапіи человѣка сыворотки крови другого животнаго выдвинула на первый планъ и очень сложное, очень интересное и на первый взглядъ загадочное явленіе анафилаксіи — повышенной чувствительности всякаго организма къ чужой крови, вѣрнѣе, ко всякому чужеродному бѣлку. Эмпирически этотъ фактъ былъ извѣстенъ давно. Было извѣстно,—и первая указанія на это встрѣчаются чуть не въ 18-мъ вѣкѣ,—что переливанія человѣку крови животнаго, даже освобожденной отъ твердыхъ частей, вызываютъ очень тяжелыя, бурныя явленія, очень рѣзкую реакцію со стороны организма, былъ извѣстенъ фактъ,—и это называли идіосинкразіей,—прирожденной особенностью организма — что употребленіе въ пищу раковъ, омаровъ, иногда ягодъ и т. д. можетъ вызвать какое то совершенно своеобразное отравленіе, по-

вышение температуры, появленіе на тѣлѣ сыпи, недомоганіе, боли въ суставахъ.

Изслѣдованіе этого рода фактовъ и явленій выяснило, что всякій чужеродный бѣлокъ, всякая, въ частности, чужая сыворотка крови всегда вызываетъ въ данномъ организмѣ ту или другую реакцію, большую или меньшую степень отравленія, если употреблять это слово не въ точномъ, прямомъ его значеніи. Причемъ наблюдается такой фактъ, что, чѣмъ болѣе далеки, въ зоологическомъ отношеніи между собой, животныя, тѣмъ рѣзче выступаютъ явленія этой реакціи, этой естественной, анафилаксіи природной повышенной чувствительности къ чужому бѣлку. Собака, напр., погибаетъ, если ей вспрыскиваютъ, въ очень небольшомъ количествѣ, сыворотку угря.

При дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ выяснилось и еще болѣе интересное явленіе: если вспрыскиваніе дѣлается черезъ извѣстный промежутокъ времени, не меньше 11—12 дней, повторно во 2-й разъ, то наступаетъ реакція очень бурная, тяжелая, чувствительность къ данному, раньше вспрыкнутому бѣлку значительно повышается. Такой примѣръ: можно ввести подъ кожу въ организмъ извѣстное количество стерильнаго, освобожденнаго отъ всякихъ случайныхъ вредныхъ примѣсей, молока. И наступитъ та, или другая, но сравнительно очень умѣренная реакція. Если же ввести въ тотъ же организмъ и тѣмъ же способомъ, черезъ извѣстное время, вторично только одну каплю такого же молока, то наступаютъ очень бурныя и тяжелыя болѣзненные явленія. Организмъ реагируетъ на это вторичное введеніе молока, сыворотки и все равно какого бы то ни было чужого бѣлка, повышено. Въ немъ выработалась послѣ перваго введенія того же, непременно того же бѣлка искусственная анафилаксія, искусственная повышенная чувствительность. Это состояніе анафилаксіи держится въ организмѣ, по изслѣдованіямъ, около шести лѣтъ. Теорій для ея объясненія предложено нѣсколько. Можетъ быть можно говорить (Nicole, Wolff-Eisner) о томъ, что при первомъ введеніи чужого бѣлка въ организмъ образуются растворители, лизины, которые, когда это введеніе дѣлается вторично отдѣляютъ, отщепляютъ отъ бѣлкового вещества какую нибудь ядовитую группу, которая и отравляетъ организмъ, дѣйствуетъ на центральную нервную систему, пораженіе которой и вызываетъ явленіе анафилактоического шока, или такъ называемой сывороточной болѣзни.

Такимъ образомъ: явленіе анафилаксіи,—это тоже нужно помнить очень твердо для, того, чтобы сталъ яснымъ вопросъ,—происходитъ исключительно отъ введенія въ организмъ чужого бѣлка и ни отъ какихъ больше причинъ не зависитъ, ни съ какими токсинами, антитоксинами, ни съ какими находящимися въ сывороткѣ посторонними веществами не связано. Явленія анафилактоического шока, явленія сывороточной болѣзни имѣютъ свои опредѣленные симптомы, свой опредѣленный характеръ, и

ни съ какими сиптическими процессами, ни съ какими случайными осложненіями и заболѣваніями ихъ смѣшивать нельзя.

Нѣтъ возможности для прививокъ пользоваться кровью чело-
вѣка. А кровь, сыворотка животнаго, даже такого близкаго
къ чѣловѣку животнаго, какъ лошадь, содержитъ въ себѣ чу-
жей, въ извѣстномъ смыслѣ и въ извѣстной степени ядовитой
для чело-вѣческаго организма бѣлокъ. Отсюда все послѣдующее.
Отсюда всѣ тѣ явленія, которые описаны въ послѣднее время
Pirquet и Schick'омъ, какъ «Serumkrankheit»—сывороточная бо-
лѣзнь. Послѣ впрыскиванія сыворотки обыкновенно черезъ 8—
10—12 дней повышается температура, появляется въ формѣ
«крапивницы», сыпь, боли въ суставахъ, припуханія железъ, острые
отеки въ разныхъ частяхъ тѣла, головная боль, недомоганіе.
Есть,—Pirquet и Schick, опираясь на литературные данные, это
описываютъ,—цѣлая градація этихъ явленій отъ болѣе легкихъ
до очень тяжелыхъ, но почти никогда не смертельныхъ, отъ
очень непродолжительныхъ до переходящихъ въ затяжное теченіе.
Температура подымается часто до 39—40 градусовъ, боли въ
конечностяхъ принимаютъ, похожій на ревматическій, характеръ,
высыпь становится похожей то на скарлатину, то на корь, или
крапивную лихорадку и можетъ продолжаться 2—3 недѣли, оте-
ки принимаютъ иногда очень острый и угрожающій характеръ.
Въ 35 № «Berliner Klinische Wochenschrift» есть статья врача па-
толого—анатомическаго института въ Христіаніи доктора Besche.
Тамъ разсказанъ случай, какъ авторъ сдѣлалъ самъ себѣ впры-
скиваніе небольшого количества дифтеритной сыворотки и полу-
чилъ очень бурныя явленія остраго отека легкихъ, одышку, па-
денія пульса и т. д. По Pirquet и Schick, у такого рода тяжелыхъ
явленія, настоящая, ярко выраженная сывороточная болѣзнь бы-
ваетъ, приблизительно, въ 15—20% всѣхъ случаевъ, когда при-
мѣняется впрыскиваніе сыворотокъ. Отчасти это зависитъ, видимо
отъ индивидуальныхъ свойствъ самаго организма, отчасти и отъ
количества впрыскиваемого вещества. По статистикѣ Dauts при
впрыскиваніи малыхъ дозъ сывороточная болѣзнь наблюдается
менѣе нежели въ 10% всѣхъ случаевъ, при среднихъ дозахъ
это 30—32%, при высокихъ (въ 100—200 куб. сан. сыворотки)
85 проц., т. е., почти поголовное заболѣваніе тяжелыми формами
сывороточныхъ явленій.

Если же впрыскиваніе сыворотки дѣлается тѣмъ лицамъ,
которымъ вводилась она уже и раньше, т. е. другими словами,
если есть въ организмѣ искусственно подготовленная анафилак-
сія, тогда отъ самыхъ минимальныхъ дозъ бываетъ около 80
процентовъ тяжелыхъ сывороточныхъ явленій.

Такъ, или иначе, но явленіе анафилаксіи, естественной или
искусственной, ставитъ извѣстныя практическія препятствія ши-
рокому примѣненію серотерапіи. И нужны еще какіе-то дальнѣй-
шіе шаги, которые могли-бы сдѣлать сыворотку животнаго не
такъ рѣзко дѣйствующей на организмъ чело-вѣка, могли-бы

тѣмъ или другимъ способомъ совершенно парализовать вредное вліяніе чужероднаго бѣлка.

Но и въ томъ видѣ, какъ сейчасъ, при тѣхъ побочныхъ явленіяхъ, которыя наблюдаются теперь, леченіе сыворотками— все-таки громадное, блестящее завоеваніе терапевтической медицины. Пусть страдаютъ тѣ или другіе больные даже недѣлями отъ сывороточной болѣзни,—впрыскиваніе сыворотки избавило, спасло ихъ отъ смерти. Пусть, если это пока неизбѣжно, страдаютъ единицы и десятки. Леченіе сыворотками спасаетъ, хотя бы при одной дифтеріи, тысячи и дѣсятки тысячъ.

И, не смотря ни на что, можно сказать, какъ это говорятъ Pirquet и Schick: «тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о спасеніи тысячами человѣческой жизни, съ побочнымъ дѣйствіемъ сыворотки считаться невозможно». Здѣсь же нужно кстати замѣтить, что вопросъ объ анафилаксіи, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ въ современной наукѣ, былъ программнымъ на послѣднемъ международномъ медицинскомъ конгрессѣ въ Будапештѣ (въ сентябрѣ т. г.). И референтами вопроса были: завѣдующій однимъ изъ отдѣленій пастеровскаго института докторъ Безрѣдка и будапештскій бактериологъ Detre.

* * *

Теперь нѣсколько словъ о докторѣ Майзельсѣ.

Говоря откровенно, я никогда не видѣлъ, не слышалъ, не думалъ, чтобы врачу можно было съ такимъ добродушіемъ, съ такимъ сократовскимъ душевнымъ спокойствіемъ признаваться публично, какъ это дѣлаетъ докторъ Майзельсъ, въ своемъ полномъ медицинскомъ «игнорантствѣ», если нельзя употребить болѣе рѣзкаго и болѣе опредѣленнаго русскаго слова. Побуждаютъ къ этому доктора Майзельса, какъ онъ самъ говоритъ, причины больше моральнаго свойства.

«Въ свое время,—разсказываетъ онъ,—открытіе Пастера и его школы было принято одесситомъ такъ же, какъ и всѣмъ міромъ». Но теперь, когда было въ Одессѣ нѣсколько случаевъ сывороточной болѣзни, докторъ Майзельсъ находитъ, что слишкомъ «взбаломучено море» и что онъ, докторъ Майзельсъ, долженъ, «нравственно обязанъ» его успокоить и читающей публикѣ кое-что пояснить. И онъ выясняетъ и успокаиваетъ.

Разъ навсегда рѣшивши, что всѣ эти анафилаксіи, антитѣла и чужеродные бѣлки—вздоръ и ученая путаница, докторъ Майзельсъ пропагандируетъ свою науку, просвѣщаетъ «читающую публику» своимъ, еще до сихъ поръ никому неизвѣстнымъ, ученіемъ о серотерапіи.

Сыворотку съ антитѣлами онъ приготовляетъ такъ: «совершенно здоровой лошади впрыскиваютъ въ вену чистую культуру живыхъ микроорганизмовъ»... и если лошадь «не погибаетъ, ей впрыскиваютъ».. и т. д.

Позвольте вамъ замѣтить, глубокоуважаемый коллега, хотя мы и не въ ученюмъ засѣданіи, что это чистѣйшая безмыслица.

Никогда лошади такихъ впрыскиваній, отъ которыхъ бы она погибла, не дѣлають. Никогда впрыскиванія въ вену не производятся и никакихъ живыхъ микроорганизмовъ для этого не примѣняютъ. А иммунизируютъ животное введеніемъ подъ кожу филтратъ бульонныхъ культуръ. Есть въ этомъ маленькая разница. И вотъ тутъ-то, мнѣ кажется, вы больше, чѣмъ гдѣ нибудь, были «нравственно обязаны» познакомиться хоть сколько-нибудь съ теоретическими положеніями, о которыхъ вы рѣшаетесь говорить громко и которыми вы пользуетесь для практическихъ цѣлей у постели больного.

Дальше, рассказываетъ докторъ Майзельсъ, и о томъ, какъ постепенно вырабатывается въ организмѣ животного иммунитетъ, и говоритъ слѣдующія диковинныя вещи: «Иммунитетъ достигается вполнѣ тогда, когда продуктовъ жизнедѣятельности паразита въ организмѣ животного накопилось столько, что паразиты въ этой средѣ больше жить не могутъ». Что-жъ, они задыхаются въ собственномъ соку, что-ли? И это тоже совершенный вздоръ, что понятно, вѣроятно, и «читающей публикѣ». Въ организмѣ животного, которое иммунизируется, вырабатываются не продукты жизнедѣятельности паразита, а вещества прямо противоположныя, вещества, нейтрализующія эти продукты, антитѣла,—антитоксины, и т. д. Говоритъ еще докторъ Майзельсъ о томъ, что, если въ организмъ поступаетъ «сыворотка или заноза» (недурная ученая аналогія!), то начинаютъ откуда-то сбѣгаться бѣлые кровяные шарики и начинается какая-то борьба!.. И это чистѣйшая фантазія! Никакого скопленія лейкоцитовъ, никакого фагоцитоза на мѣстѣ впрыскиванія сыворотки не бываетъ и быть не можетъ, по той простой причинѣ, что при фаготозѣ наблюдается поглощеніе лейкоцитами, бѣлыми кровяными шариками твердыхъ частицъ, форменныхъ элементовъ. А въ сывороткѣ этихъ элементовъ нѣтъ. Сыворотка—жидкость. И на мѣстѣ впрыскиванія возможенъ и бываетъ только отекъ, а не лейкоцитозъ.

Все остальное въ томъ же родѣ. Свертокъ крови, но терминологіи доктора Майзельса, называется *plasm'ой*, выпаденіе фибрина—сгущеніемъ и т. д.

Называетъ докторъ Майзельсъ всѣ эти продукты своей ученой жизнедѣятельности «жизнью и наукой». Довольно странная наука, нужно сознаться.

Есть, впрочемъ, у доктора Майзельса кое-что и похуже бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ, которые сбѣгаются посмотрѣть на сыворотку, или поборотся «съ чужакомъ, вторгшимся въ организмъ».

Незнакомый, очевидно, съ ученіемъ объ анафилаксіи, не зная совершенно ни литературы предмета, ни явленій сывороточной болѣзни, г. Майзельсъ пишетъ чуть-ли не изо дня въ день доносы, самые настоящіе, недвусмысленные доносы на мѣстную бактериологическую станцію, которая пускаетъ въ продажу,—

такъ позволяетъ себѣ говорить г. Майзельсъ, — «недоброкачественный продуктъ» и вызываетъ «отравленіе организма сывороткой». Когда такъ говорятъ близкіе больного, — это понятно. Когда, какъ это дѣлаетъ вчера кто-то въ «Одес. Лист.», совершенно не подозрѣвая того, неосвѣдомленные люди рассказываютъ о случаѣ искусственной, вызванной повторнымъ вспрыскиваніемъ анафилаксіи, — это допустимо. Но врачъ не долженъ, если онъ уважающій себя человѣкъ, выступать съ такими обвиненіями, не имѣя въ рукахъ точныхъ объективныхъ данныхъ. Бактеріологическая станція выпустила за этотъ годъ около 50.000, флаконовъ сыворотки. Другими словами сдѣлано за это время 50.000 вспрыскиваній. Сколько больныхъ изъ этого числа имѣли тяжелыя сывороточныя явленія? Какой процентъ тяжелыхъ заболѣваній? Десять, пятнадцать, двадцать? Больше или меньше того, который наблюдается въ другихъ мѣстахъ, сколько было повторныхъ, вызывающихъ почти поголовно (80 проц.) тяжелую реакцію со стороны организма? Тому, кто говоритъ о недоброкачественныхъ продуктахъ и отравленіяхъ, необходимо все это выяснить. Кто изъ насъ не сожалѣетъ о томъ, что нѣтъ больше въ нашей средѣ Діатроптова, кто не знаетъ, что Діатроптовъ былъ во многомъ незамѣнимымъ для станціи?! И все-таки: чтобы обвинять, нужно имѣть данныя. Иначе ученый человѣкъ не будетъ отличаться ничѣмъ отъ героевъ совсѣмъ другого порядка. Иначе врачъ становится такимъ же абскурантомъ, какъ и невѣжественный, темный обыватель.

И если можно найти смягчающія обстоятельства для медицинской наивности доктора Майзельса, то для его систематическихъ необоснованныхъ нападокъ и доносовъ на одно изъ самыхъ нужныхъ и полезныхъ учреждений, на одинъ изъ самыхъ важныхъ терапевтическихъ методовъ, нѣтъ и не можетъ быть двухъ названій.

Пусть никто не забываетъ одного: серотерапія можетъ вызвать непріятныя, тяжелыя побочныя явленія, но она же спасаетъ и отъ смерти...

А. ЦѢНОВСКІЙ.

«Одесскія Новости», воскресенье, 15-го ноября, 1909 г. № 7967.

Отвѣтъ д-ру Цѣновскому.

(Изъ письма въ редакцію).

Я до сихъ поръ думалъ, что главное назначеніе врача — помочь больному и оградить его отъ возможнаго несчастья въ будущемъ, но д-ръ Цѣновскій, въ своемъ фельетонѣ «Наука и жизнь», доказалъ, что я глубоко ошибаюсь. Его фельетонъ состоитъ изъ двухъ частей: научной для студентовъ 3-го курса, каковыми предполагаются читатели «Новостей», и бранной — по моему адресу. — Съ первой я вполне согласенъ и очень польщенъ,

тѣмъ, что выводы д-ра Цѣновскаго идентичны съ выводами, къ которымъ пришелъ и я. Перейду ко второй части. Почему д-ръ Цѣновскій рѣшилъ, что по моему «всѣ эти анафилаксіи, анти-тѣла и чужеродные бѣлки—вздоръ и ученая путаница», я, право, не знаю. Я прочелъ внимательно свою статью «Жизнь и наука» и нигдѣ этого не нашелъ. Приводя доказательства моего «игнорантства», д-ръ Цѣновскій обнаружилъ странное незнакомство съ моей статьей. Онъ прочиталъ лишь первую половину ея, а второй не читалъ и вотъ доказательства. Я обнаружилъ ошибку наборщика, который вмѣсто «placenta» набралъ «plasma» и поспѣшилъ исправить ошибку въ post scriptum'ѣ; вдругъ читаю съ удивленіемъ у д-ра Цѣновскаго: «Свертокъ крови по терминологіи д-ра Майзельса называется plasm'ой.» Я полагаю, что раньше, чѣмъ признавать меня «полнымъ медицинскимъ игнорантомъ, если нельзя употребить болѣе рѣзкаго и болѣе опредѣленнаго русскаго слова» (почему-же нельзя?—употребляйте!), слѣдовало-бы Вамъ хотъ прочитатъ всю мою статью, а не первую половину, и Вы бы убѣдились, что мы на одинъ и тотъ-же предметъ смотримъ одинаково, только съ разныхъ точекъ зрѣнія. Или Вы, подобно Вашему соратнику «дворянину»—г. Сѣдому, съ презрѣніемъ третирующему меня за мое «мѣщанство», рѣшили, что Вашему «ученому» достоинству претитъ дочитатъ до конца мою статью, такъ какъ я сталъ «такимъ-же обскурантомъ, какъ и невѣжественный обыватель»? Если-бы Вы прочли вторую половину моей статьи, вы-бы убѣдились, что даже Ваша заключительная фраза: «Пусть никто не забываетъ одного: серотерапія можетъ вызвать непріятныя, тяжелья побочныя явленія, но она-же спасаетъ отъ смерти» ничѣмъ не отличается отъ моей «...близокъ часъ, когда сывороточная терапія при заразныхъ болѣзняхъ вытѣснитъ окончательно латинскую кухню изъ человѣческаго обихода». Долженъ сознаться, что, какъ въ «мѣщанствѣ», которымъ думалъ меня уничтожить г. Сѣдой, такъ и въ «обывательщинѣ», который меня окончательно добываетъ д-ръ Цѣновскій, я ничего позорнаго не вижу. Я предпочитаю оставаться въ рядахъ «обывателя», защищать его интересы и ограждать его здоровье, чѣмъ замкнуться въ «ученость» и доказывать «обывателю», что онъ обязанъ пользоваться мѣстной сывороткой, разъ станція выпускаетъ 50.000 флаконовъ. Если-бы д-ръ Цѣновскій наблюдалъ, какъ я, рядовые случаи «отравленія» этими флаконами, какъ назвалъ это явленіе на консиліумѣ д-ръ Пуриць, онъ-бы воздержался отъ ѳиміама, который онъ куритъ мѣстной станціи. По Вашему, врачъ, наблюдающій опасность для больного, долженъ молчать объ этомъ, иначе это будетъ «форменнымъ доносомъ». Я предпочитаю не только самъ воздержаться отъ употребленія пока мѣстной сыворотки, въ которой вижу опасность, но и предупредить и Вами презираемаго «обскуранта-обывателя», и товарищей-врачей. Если мое заявленіе есть «доносъ», то заявленіе Херсонскаго уѣзднаго совѣщанія врачей есть

тоже «доносъ». Есть разныя точки зрѣнія на одинъ и тотъ-же предметъ. Вы предпочитаете щадить бактериологическую станцію, я—больного, на сторону и защиту котораго я становлюсь. Мало-ли есть точекъ зрѣнія на одинъ и тотъ-же предметъ?

Д-ръ Л. МАЙЗЕЛЬСЪ.

«Одесскій Листокъ», среда, 18-го ноября, 1909 г. № 264.

Письмо д-ра мед. К. Н. Пурица.

Многоуважаемый г. редакторъ!

Позвольте занять страницы уважаемой Вашей газеты еще нѣсколькими строками. Затѣмъ я умолкну.

Мнѣ очень жалко, что д-ръ Майзельсъ такъ примитивно понялъ и объяснилъ себѣ мои слова. Появленіе сывороточной болѣзни вовсе не предполагаетъ наличность недоброкачественности вприснутой сыворотки. Сывороточная болѣзнь можетъ развиться у больного послѣ вприскиванія самой доброкачественной сыворотки. На вприскиваніе недоброкачественной, т. е. загрязненной, сыворотки организмъ отвѣчаетъ совершенно иными симптомами, имѣющими мало общаго съ симптомокомплексомъ сывороточной болѣзни, причемъ характеръ этихъ симптомовъ будетъ находиться въ прямой зависимости отъ характера загрязненія вприснутой сыворотки. Развѣ рекомендуемая д-ромъ Майзельсомъ иностранная сыворотки и считаемая имъ весьма доброкачественными не даютъ сывороточныхъ заболѣваній? Объ этомъ свидѣтельствуетъ указанія, которыя можно найти во всей иностранной медицинской литературѣ.

Чтобы покончить съ, поднятымъ докторомъ Майзельсомъ, вопросомъ который въ моихъ глазахъ имѣетъ огромное значеніе, считаю нужнымъ ясно и категорически заявить, что къ дѣятельности одесской бактериологической станціи и ея почтеннымъ работникамъ я отношусь съ величайшимъ уваженіемъ, вполне заслуженнымъ трудами на разныхъ поприщахъ общественнаго здравоохраненія и къ антидифтеритной сывороткѣ, изготовляемой на этой станціи, отношусь съ безусловнымъ довѣріемъ.

Д-ръ мед. ПУРИЦЪ.

Отвѣтъ д-ру мед. К. Н. Пурицу.

Я понялъ слова, сказанныя д-ромъ К. Н. Пурицемъ на консиліумѣ и приведенныя мною въ предыдущемъ ему отвѣтѣ такъ, какъ я это объяснилъ. Не о загрязненіи мѣстной сыворотки шла рѣчь во время консиліума а о недоброкачественности ея. Въ чемъ-же состоитъ эта недоброкачественность, консультантъ не объяснялъ.

Къ дѣятельности бактериологической станціи вообще нель-

зя иначе, какъ съ величайшимъ уваженіемъ относиться врачу, но когда изъ разныхъ источниковъ раздаются голоса о недоброкачественности выпускаемаго ею въ продажу продукта, приходится временно пріостановиться съ примѣненіемъ этого продукта во избѣжаніе опасности для больныхъ, о чемъ я въ своихъ статьяхъ и письмахъ и толкую.

Д-ръ Л. МАЙЗЕЛЬСЪ.

Печатаемая настоящія письма, мы прекращаемъ дальнѣйшее помѣщеніе полемическихъ заявленій, съ которыми рекомендуемъ ихъ авторамъ обращаться въ спеціальныя медицинскіе органы. Еще лучше, если-бы они перенесли свой споръ на судъ коллегъ, въ общество врачей.

Ред.

«Одесскій Листокъ», четвергъ 19-го ноября 1909 г. № 264.

Я полагалъ, что, послѣ того, какъ редакція «Листка» заявила, что больше она статей о «сывороткѣ» помѣщать не будетъ, полемика затихнетъ, но «ученый на всѣ руки» изъ «Од. Новостей»—д-ръ А. Цѣновскій рѣшилъ, что теперь арена его, что теперь только наступило время доканать врага. Размахивая въ пустомъ пространствѣ мечемъ, онъ въ четвергъ 26-го ноября помѣстилъ приводимую ниже статью, на которую я вынужденъ отвѣтить здѣсь, такъ какъ редакція «Листка» отказалась дальше полемизировать, а въ «Новости» мнѣ обращаться не зачѣмъ: тамъ слишкомъ дорого требуютъ за помѣщеніе «стороннихъ сообщеній.»

Вмѣсто отвѣта д-ру Майзельсу.

Не стоило бы писать еще о д-рѣ Майзельсѣ послѣ его лошади, которой, для полученія антидифтеритной сыворотки, «впрыскиваютъ въ вену чистую культуру живыхъ микроорганизмовъ», послѣ его сыворотки, съ которой враждуютъ лейкоциты и послѣ дифтерійныхъ паразитовъ, которые сами погибаютъ отъ дифтеріи. Все это вещи въ нѣкоторомъ родѣ классическія, и двухъ мнѣній о нихъ, вѣроятно, быть не можетъ. Такого же взгляда держится на это, очевидно, и самъ докторъ Майзельсъ, такъ какъ въ своемъ «отвѣтѣ» онъ даже и не пытается отвѣтить ничего по существу. Что невѣжественно, то невѣжественно. И никакія тутъ общія мѣста, никакіе наборщики и ссылки на «вторую часть статьи», которая должна опровергать то, что написано въ первой, ровно ничего не помогутъ. Этого не можетъ не чувствовать и авторъ лошади съ живыми бактеріями въ венахъ, который говоритъ, что онъ предпочитаетъ «оставаться въ рядахъ обывателя, чѣмъ (!) замкнуться въ ученость». И пусть его тамъ остается.

Но есть во всей этой исторіи съ сыворотками и во всемъ

этомъ шумѣ по поводу сыровоточныхъ заболѣваній и другая сторона, которую оставить безъ отвѣта и вниманія никакъ нельзя.

Балансируя словами, письмами въ редакцію и учеными статьями о лошадахъ и бактеріяхъ, г. Майзельсъ все время употреблялъ терминъ «отравленіе сыровоткой». И даже говорить, что когда онъ услышалъ этотъ терминъ отъ д-ра Пурица, то для него, д-ра Майзельса, «это было откровеніемъ.»

Потомъ когда оказалось, что д-ръ Пурицъ такого откровенія не дѣлалъ, г. Майзельсъ, нисколько не смущаясь, продолжалъ и продолжаетъ утверждать, что наблюдается не реакція организма на инъекцію и не загрязненіе, а именно отравленіе сыровоткой одесской бактеріологической станціи.

Что это: ошибка, недомолвка, злой умыселъ, опять новое невѣжество? Но врачъ, какъ бы ни были ограничены его познанія, не можетъ не понимать, что такую постановку вопроса можно допустить только въ томъ случаѣ, если учрежденіе прибавляетъ къ приготовляемой сыровоткѣ—умышленно, или по небрежности, какое-нибудь ядовитое вещество, какой нибудь ядъ. Иначе это будетъ или реакція, или загрязненіе, септической процессъ. И ничто третье. Врачъ, какъ бы ни былъ скромнень его духовный цензъ, не можетъ допускать по адресу цѣлаго учрежденія такихъ обвиненій. Или же онъ долженъ формулировать ихъ болѣе точно. Не нужно ни обвинить, ни защищать бактеріологической станціи. Нужно имѣть только данныя, чтобы судить. Еслибы г. Майзельсъ, или кто другой, интересующійся вопросомъ, началъ провѣрять токсичность сыровотокъ,—это такъ легко сдѣлать,—на морскихъ свинкахъ, если бы заняться точными наблюденіями надъ инфекціоннымъ отдѣленіемъ больницы, въ которомъ всѣмъ безъ исключенія, даже съ предохранительной цѣлью, дѣлаются антидифтерійныя прививки, если бы собрать соотвѣтствующій цифровой матеріаль, документы, исторіи болѣзни, сличить все это съ аналогичными данными, которыя даютъ аналогичныя условія и учрежденія въ другихъ мѣстахъ,—это было бы, дѣйствительно, интересно, и полезно, это могло бы, дѣйствительно, пролить свой извѣстный свѣтъ и на анафилактическія явленія, и на дѣйствіе сыровотокъ свѣжихъ и отстоявшихся, и на условія, причины повышенной токсичности нѣкоторыхъ животныхъ.

Бросать же, вмѣсто этого, грязнымъ камнемъ въ цѣлое учрежденіе, говорить совершенно голословно о «рядовыхъ случаяхъ отравленія въ моей практикѣ», ссылаться на «цѣлый рядъ» врачей, которые упорно не хотятъ подтвердить этихъ ссылокъ, говорить «о рядовыхъ тяжелыхъ случаяхъ» въ семьѣ Могильныхъ что опровергаетъ совершенно, производившій прививки, д-ръ Станкевичъ,—это значитъ проявить почти преступное легкомысліе въ такомъ вопросѣ, который требуетъ самага серьезнаго къ себѣ отношенія, это значитъ дискредитировать и самый методъ въ принципѣ и самую необходимость существованія бактеріологи-

ческихъ станцій, это значитъ становиться въ ряды настоящихъ обскурантовъ, въ ряды не только малосвѣдущихъ, но и злонамѣренныхъ, злопыхательныхъ людей.

«Мало ли есть точекъ зрѣнія на одинъ и тотъ-же предметъ?» — говоритъ въ своей литературѣ д-ръ Майзельсъ.

Въ этомъ случаѣ, на этотъ «предметъ» можетъ и должна быть только одна точка зрѣнія. И очень жаль, что г. Майзельсъ, несмотря на свой врачебный цензъ, этого совершенно не понимаетъ.

А. ЦѢНОВСКІЙ.

«Од. Нов.» Четвергъ, 26 Ноября 1909 г.

Отвѣтъ д-ру ЦѢНОВСКОМУ *)

...«Ни одно печатное слово не пропадаетъ зря»...

Сѣдой. «Од. Нов.» № 7941.

Мой почтенный коллега, д-ръ ЦѢНОВСКІЙ, своимъ «Вмѣсто отвѣта» доказалъ справедливость, высказаннаго мною раньше, мнѣнія о достоинствѣ стоящаго во главѣ редакціи «Одесскихъ Новостей» и его сподвижниковъ.

Дѣйствительно, «каковъ попъ, таковъ приходъ!»

Г-нъ ЦѢНОВСКІЙ обвиняетъ меня въ балансированіи словами, письмами и учеными статьями, между тѣмъ... «не лучше-ль на себя, кума, оборотиться?»

Откуда Вы взяли, что д-ръ Пурицъ отрицаетъ то, что онъ сказалъ на консиліумѣ при свидѣтеляхъ? Консультантъ заявляетъ теперь только, что случаи «отравленія сывороткой», о которыхъ онъ говорилъ на консиліумѣ, касались его частной практики, а не Еврейской больницы, какъ это понялъ я, дважды переспросивъ его.

Откуда Вы взяли, что д-ръ Станкевичъ, жившій въ то время въ отпуску въ Ригѣ, у Балтійскаго моря, сдѣлалъ оттуда вспрыскиваніе дѣтямъ Могильныхъ, жившихъ въ Одессѣ, на Большомъ Фонтанѣ, на берегу Чернаго Моря? Пусть мой почтенный противникъ высчитаетъ длину иглы, которую долженъ былъ бы имѣть шприцъ для такой инъекціи...

Вспрыскиванія сдѣлала фельдшерица послѣ того, какъ я, по ея просьбѣ, за отсутствіемъ городского врача, д-ра Станкевича, осмотрѣлъ больного ребенка и подтвердилъ діагнозъ, ею вѣрно поставленный. Д-ръ Станкевичъ возвратился изъ отпуска тогда, когда уже наступили тяжелыя сывороточныя явленія. Упреки въ «почти преступномъ легкомысліи», которые Вы мнѣ посылаете, рикошетомъ попадаютъ въ Васъ, почтенный «ученый изъ «Одесскихъ Новостей»...

*) Лишенный возможности помѣстить нижеслѣдующее въ текущей прессѣ, помѣщаю его здѣсь.

Д-ръ Л. МАЙЗЕЛЬСЪ.

Договорились Вы до того, что я отвергаю и пользу бактериологических станцій, и дискредитирую методъ инъекцій сыворотокъ, между тѣмъ, прочесть вторую половину моей статьи «Жизнь и Наука» Вамъ все-таки непристойно. Изъ нея Вы бы узнали, что все это Вы попросту измышляете.

Мы вообще съ Вами смотримъ на многіе предметы съ диаметрально противоположной точки зрѣнія.

Я, напримѣръ, не считалъ бы возможнымъ, зная, что редакція, гдѣ моему противнику была дана возможность высказаться, печатно заявила, что она прекращаетъ полемику и больше не отвѣтитъ никому, продолжать полемику, такъ какъ предосудительно нападать на беззащитнаго.

Вѣдь все сочувствіе, которое Вы вызвали къ себѣ, послѣ инцидента въ фойѣ Сибиряковскаго театра, въ обществѣ, когда на Васъ напали, обусловливалось Вашей беззащитностью, а не выясненіемъ истины, такъ какъ Вы отъ третейскаго суда, въ свое время отказались. Какъ же Вы позволяете себѣ дѣлать другому то, чего Вы себѣ навѣрно не желали?

Кстати о судѣ чести.

По этому предмету мы съ Вами тоже различныхъ мнѣній. Вы—доказали въ упомянутомъ дѣлѣ свой взглядъ на такой судъ.

Я — лѣзу на рожонъ, добиваясь суда чести, не требуя за клевету наказанія, считая, что мой обвинитель достаточно наказанъ, Вами защищаемой, бактериологической станціей, и стремлюсь лишь доказать ему его ошибку.

Даже на абсолютъ—на истину—у насъ разные взгляды.

Вы—удовольствовались ворохомъ, полученныхъ Вами, въ памятное для всѣхъ время, писемъ и считали, что временная слава, лучше истины.

Я — превратилъ людей, сочувствовавшихъ мнѣ и печатно объ этомъ высказывавшихся — г. Хейфеца и г. Сѣдого—въ своихъ лютыхъ враговъ, напустившихъ на меня Васъ — «ученаго» изъ «Одесскихъ Новостей» — все изъ-за стремленія къ правдѣ. Оттого, что Вы при помощи софизмовъ, перетасовокъ, передергиваній и ложныхъ свидѣтельскихъ показаній будете доказывать мое невѣжество, большимъ легче не станеть. Оттого, что Вы стараетесь, становясь въ позу Цицерона и пользуясь невозможностью съ моей стороны отвѣтить Вамъ, повредить моей репутации, Вамъ трудно убѣдить и г-жу Гамбургеръ, и дѣтей Могильныхъ, и г-жу Навроцкую, что они не были больны...

Сколько бы Вы, мой «ученый прокуроръ», ни доказывали, что обыватель и «обскурантъ — врачъ» долженъ въ настоящее время пользоваться 50.000 выпускаемыхъ станціей флаконовъ, разъ и тотъ, и другой испытали на своей шкурѣ реакцію отъ этого пользованія, онъ никогда Вами не будетъ убѣжденъ.

Слѣдуя Вашему примѣру, становлюсь въ позу Цицерона и повторяю его слова:

«Preterea censeo, Certaginem esse delendam»: я полагаю, что пока слѣдуетъ воздержаться отъ употребленія мѣстной сыворотки.

26 ноября 1909 г.

Д-ръ Л. МАЙЗЕЛЬСЪ.

Ледъ сломанъ.

Со всѣхъ стóронъ говорятъ, кричатъ, негодуютъ—о качествѣ, или скорѣе, недоброкачественности, изготовляемыхъ на городской бактериологической станціи, антитоксинныхъ сыворотокъ, о томъ огромномъ вредѣ, который она можетъ принести, если не принять своевременно самыхъ энергическихъ мѣръ,—а дума хоть бы глазомъ моргнула!

Александръ Де-РИБАСЪ.

«Одесскій Листокъ» четвергъ, 26 ноября, 1909 г. № 271.

Надо реагировать!

Толки о «сывороточныхъ явленіяхъ» въ связи съ дѣятельностью одесской бактериологической станціи въ настоящее время не только не прекращаются, но все болѣе и болѣе распространяются. Питаемые невѣжествомъ однихъ и недобросовѣстностью другихъ, всевозможные слухи, измышленія и даже инсинуаціи, не встрѣчая должнаго отпора со стороны компетентныхъ учреждений, растутъ и растутъ. Отчасти съ ссылками на отзывы врачей, а больше и безъ всякихъ ссылокъ, они принимаютъ форму тяжкихъ обвиненій противъ нынѣшней дѣятельности и нынѣшнихъ работниковъ одесской бактериологической станціи, обвиненій, формулируемыхъ, какъ отравленіе, зараженіе и т. п., вызываемыя недоброкачественностью сыворотки, изготовляемой станціей...

Удивляться такому быстрому распространенію подобныхъ толковъ, конечно, не приходится. Толпа—не болѣе, какъ толпа!.. Легковѣрная, поверхностная, падкая на всевозможную сенсацию, она обычно быстро воспринимаетъ то, что въ состояніи дать подходящую для нея пищу. Не слѣдуетъ ожидать отъ нея особенно критическаго отношенія и провѣрки подобнаго рода сообщеній...

Даже и болѣе интеллигентная публика, незнакомая съ вопросомъ, не обладающая специальными познаніями, не въ состояніи ориентироваться въ тѣхъ заявленіяхъ объ отравленіи, о недоброкачественности сыворотокъ одесской станціи и другихъ подобнаго-же характера сообщеніяхъ, которыя, послѣ 2-3 инцидентовъ, получили такое широкое распространеніе. Чего-же ждать

отъ толпы? И какъ можетъ разобраться въ этихъ толкахъ масса темнаго, невѣжественнаго люда, до котораго они дойдутъ, пожалуй, въ совершенно извращенномъ видѣ?

Очевидно, въ той стадіи, въ какой находится этотъ вопросъ, въ той постановкѣ, которую ему даетъ обыватель, нельзя ограничиться однѣми статьями и разъясненіями, какъ бы онѣ ни были серьезны и основательны, данными д-ромъ А. А. Цѣновскимъ по поводу вылазокъ г. Майзельса и др.

Неизбѣжно возникаетъ вопросъ: а что дѣлаютъ тѣ учрежденія, съ мнѣніемъ которыхъ, прежде всего, справляется публика, въ подобныхъ дѣлахъ? Какъ реагируютъ на выдвинутыя противъ станціи обвиненія тѣ учрежденія, къ голосу которыхъ въ этомъ случаѣ публика обычно прислушивается?

Но реагируютъ-ли они? Нѣтъ, пока они только молчатъ. Правда, одесская городская управа, куда, говорятъ, поступило чье-то заявленіе по поводу сыворотки, изготовляемой бактериологической станціей, передала это дѣло на заключеніе медицинскаго факультета нашего университета. Но нельзя не обратить вниманія на то, что въ совѣтъ факультета не входятъ приватдоценты, ассистенты и др., а входятъ исключительно одни только профессора, среди которыхъ нѣтъ ни одного бактериолога, кромѣ Воронина. А такъ какъ г. Воронинъ самъ состоитъ завѣдующимъ одесской бактериологической станціей, то создается для него неудобное положеніе: и принять участіе по данному поводу въ совѣщаніи неудобно и устранился нежелательно...

Такимъ образомъ, при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, нельзя ограничиться только тѣмъ заключеніемъ, которое дастъ медицинскій факультетъ. Нельзя ограничиться и тѣми объясненіями и разъясненіями, которыя были даны въ печати...

Намъ уже приходилось говорить о томъ, что, хотя съ уходомъ д-ра Діатроптова, одесская бактериологическая станція потеряла очень цѣнную силу, тѣмъ не менѣе, не приведено до сихъ поръ никакихъ серьезныхъ доказательствъ относительно того, что съ этимъ уходомъ связано дѣйствительно ухудшеніе качества сыворотокъ, изготовляемыхъ станціей. Къ тому жъ необходимо прибавить, что и при д-рѣ Діатроповѣ, и въ настоящее время непосредственное наблюденіе за изготовленіемъ сыворотокъ на станціи принадлежало и принадлежитъ одному и тому же лицу: д-ру Стефанскому.

И все-таки, разъ толки не прекращаются, разъ сегодня д-ръ Майзельсъ, завтра г. Де-Рибасъ и т. д. продолжаютъ настойчиво твердить о недоброкачественности сыворотки одесской станціи, разъ эти толки распространяются все болѣе и болѣе, нельзя не признать крайне нежелательнымъ, что ничего не дѣлается, чтобы всесторонне разъяснить вопросъ со стороны тѣхъ специальныхъ обществъ и учреждений, которыя, прежде всего, обязаны это сдѣлать.

Мы говоримъ, конечно, о мѣстныхъ медицинскихъ обществахъ, насчитывающихъ въ своемъ составѣ также не мало специалистовъ-бактеріологовъ. Въ Одессѣ есть два общества врачей, есть медицинское общество при университетѣ. Этимъ обществамъ надлежитъ безъ замедленія отозваться. Ихъ указанія и заключенія, сдѣланныя во всеуслышаніе, на публичныхъ собраніяхъ, послѣ серьезныхъ преній, будутъ пользоваться достаточнымъ авторитетомъ въ глазахъ публики.

И разъ вопросъ такого характера такъ заинтересовалъ публику, наши медицинскія общества не могутъ не считаться съ этимъ. Разъ поднять вопросъ, столь близко касающійся интересовъ народнаго здравія, всѣ эти общества должны на него реагировать.

ТОНЪ.

«Одесскія Новости» 27 ноября, 1909 г.

Примѣчаніе. Господа изъ «Одесскихъ Новостей» наконецъ, послѣ мѣсяца беспощадныхъ ругательствъ, заговорили на удобопонятномъ человѣческомъ языкѣ: Г. Тонъ попалъ въ тонъ.

Л. МАЙЗЕЛЬСЪ.
